

Л. В. 10. 29

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

*Академикъ Императорскаго
Университета
Вольфгангъ*

ВОЛЬТЕРЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

„Я хочу, чтобъ Вольтера изучали, чтобъ умы питались имъ: это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ, писателей, это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые иначе потеряются среди мрака и невѣжества.“
Екатерина II

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

И. М. Каренина.

Съ портретомъ Вольтера, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адомъ.

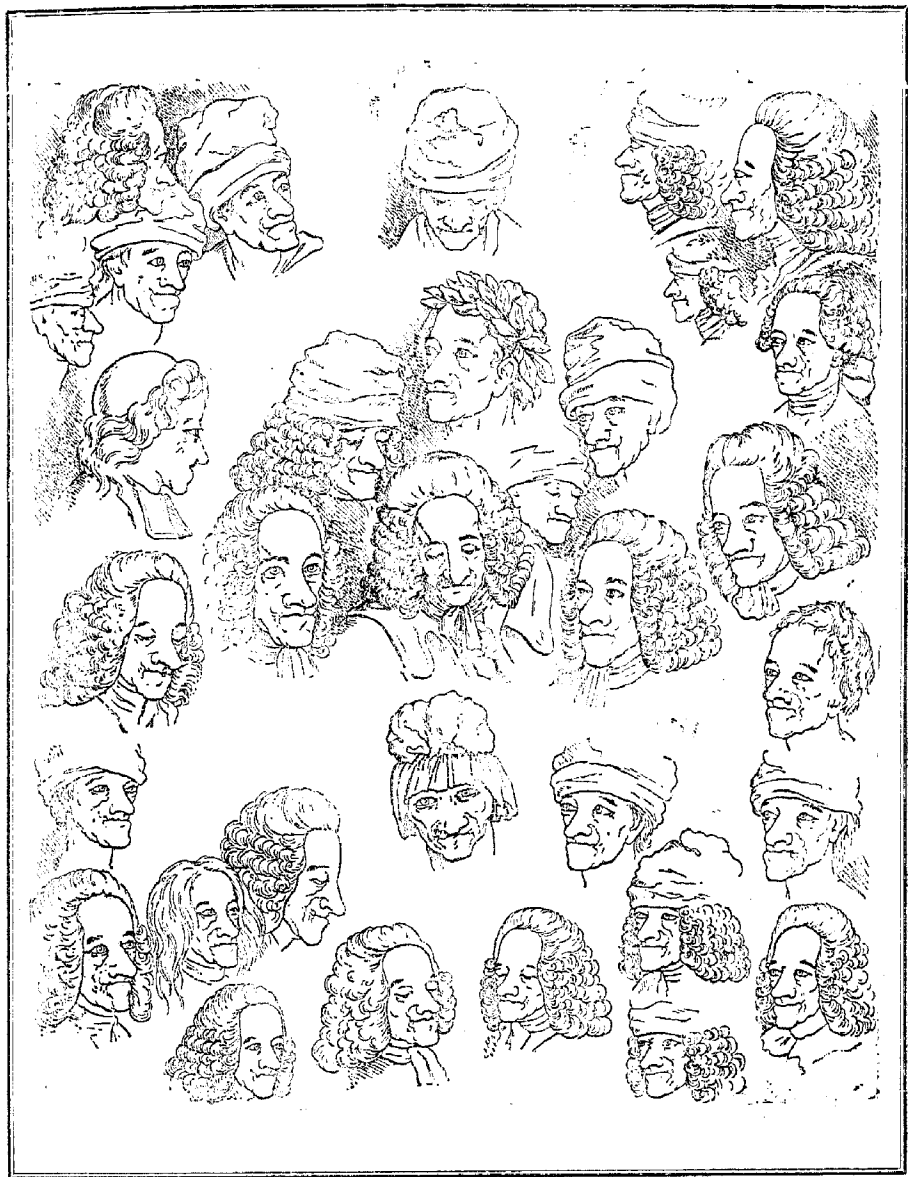
ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-литографія Г. И. Салова и К°. Мѣщанская ул., д. № 5
1893

ВОЛЬТЕРЪ.

Эскизные портреты Вольтера в различные годы и при различных обстоятельствах его жизни (по Гюберу).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Октября 1893 года.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

XII-119948

*Анжуй и Лотарингскія
Королевства
Вольтерова*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- I. Дѣтство и молодость Вольтера.—Бастилія и первые литературные успѣхи.—«Генріада» 5
- II. Столкновеніе съ де-Роганомъ.—Опять Бастилія и изгнаніе.—Вліяніе Англіи на Вольтера.—«Англійскія пьесы» . . 15
- III. Маркиза дю-Шатле.—Сирей.—Оптимизмъ Вольтера.—Его увлеченіе естественными науками.—Трагедіи.—Знакомство съ Фридрихомъ II 28
- IV. Вольтеръ—придворный.—Смерть Эмилии дю-Шатле.—Берлинъ.—Дружба и ссора съ Фридрихомъ II.—Арсетъ во Франкфуртѣ.—Историческія произведенія Вольтера.—«Орлеанская дѣва» 38
- V. Вольтеръ—хозяинъ.—Лиссабонское землетрясеніе.—«Кандидъ».—Энциклопедія.—Критика Вольтера.—Его философія.—Отношеніе къ Ж.-Ж. Руссо. 57
- VI. Дѣла Каласовъ, Сиреновъ и проч.—Казнь Ла-Барра.—Ферней и его жители.—Гости и переписка.—Отъѣздъ въ Парижъ.—Оваціи.—Болезнь и смерть.—Приключенія послѣ смерти 78
-

ГЛАВНѢЙШІЕ ИСТОЧНИКИ:

«Oeuvres complètes de Voltaire avec préfaces, notes et commentaires nouveaux par Em. de la Bédollière et G. Avenel». Причѣмъ сохранены также примѣчанія Кондорсе и Декруа къ первому полному избранію сочиненій Вольтера. 1785—1789 года.

«Mémoires sur Voltaire et sur ses ouvrages par Wagnière et Longchamp, ses secrétaires» (Paris 1826).

Collini. «Mon séjour auprès de Voltaire» (Paris 1807).

Duvernct. «Vie de Voltaire suivie d'anecdotes qui composent sa vie privée» (Genève 1786). Для этого изданія написаны замѣтки о Вольтерѣ актера Lekain.

Condorcet. «Vie de Voltaire». Приложена почти ко всѣмъ собраніямъ сочиненій Вольтера.

Gust. Desnoiresterres. «Voltaire et la société au XVIII siècle» (Paris 1867—76). Въ 8 томахъ.

D. F. Strauss. «Voltaire». Sechs Vortr. (Leipzig 1870).

J. Morley. «Voltaire». (Lond. 1872).

Gabriel. «Voltaire et les Gênois» (Paris 1857).

Grimm. «Correspondance littéraire» (Paris 1877—82).

A. Sayous. «Le XVIII siècle à l'étranger, hist. de la litt. franç. dans les divers pays de l'Europe depuis la mort de Louis XIV, jusqu'à la rév. franç.» (Paris 1861).

H. Taine. «Les orig. de la France contemp.», и другіе.

---

*Архивъ Г. В. Плещинскаго
В. Плещинскій.
Воспоминанія*

ГЛАВА I.

Дѣтство и молодость Вольтера.—Бастилія и первые литературные успѣхи.—«Генриада».

Франсуа-Мари Аруэ, будущій Вольтеръ, родился въ образованной и зажиточной буржуазной семьѣ, достигшей этого положенія медленно и постепенно усиліями нѣсколькихъ поколѣній.

Въ XVI вѣкѣ предки Аруэ были еще простыми кожевниками въ Пуату; въ первой половинѣ XVII вѣка дѣдъ Вольтера оказался уже крупнымъ торговцемъ сукнами въ Парижѣ. Онъ далъ сыну солидное образованіе и въ 1666 г. ликвидировалъ свои дѣла. Изъ рядовъ промышленной и торговой буржуазіи семья Аруэ перешла въ ряды служащей буржуазіи, чиновниковъ и легистовъ, близко соприкасавшейся съ дворянствомъ. Сынъ торговца сукнами сдѣлался нотариусомъ, а впоследствии приобрѣлъ должность въ государственномъ казначействѣ. Онъ женился на дворянкѣ, не отличавшейся скромными домашними добродѣтелями старой буржуазіи, но сумѣвшей сдѣлать домъ нотариуса пріятнымъ для его знатныхъ кліентовъ. Онъ велъ дѣло Сенъ-Симоновъ, Сюлли, Комартэновъ и пользовался ихъ благосклонностью. Герцогъ Ришельё крестилъ его старшаго сына. Меньшему, будущему писателю, родившемуся въ ноябрѣ 1694 г., судьба послала въ крестные отцы аббата Шатонѣфа, оказавшаго значительное вліяніе на его воспитаніе.

Веселый, свѣтскій аббатъ, не имѣвшій съ религіей ничего общаго, кромѣ полученія доходовъ, былъ старымъ знакомымъ жены нотариуса и другомъ его дома. Онъ заинтересовался своимъ бойкимъ крестникомъ и занялся, по своему, его духовнымъ воспитаніемъ. Еще совѣтъ маленькимъ онъ заставлялъ его за-

учивать «Мопзіаду», модное въ то время скептическое произведеніе нѣкогда Лурде. Можно съ увѣренностью сказать, что ребенокъ раньше ознакомился съ нападками на религію, чѣмъ съ ея ученіемъ. Еще до поступленія въ училище мальчикъ преслѣдовалъ своего старшаго брата эпиграммами на его благочестіе. Лѣтъ 10—12 онъ уже представлялъ собою миниатюрнаго «вольнодумца», и Шатонёфъ былъ не прочь похвастаться своимъ воспитанникомъ предъ знакомыми. Онъ возилъ его къ своей старой пріятельницѣ Нинонѣ де-Ланкло, мирно заканчивавшей въ это время свою бурную жизнь, пользуясь общей симпатіей оппозиціонно настроеннаго общества. Мальчикъ, никогда не отличавшійся застѣнчивостью, продекламировалъ ей «Мопзіаду», успѣлъ выказать свои блестящія способности и такъ поправился умной старухѣ, что она оставила ему по завѣщанію 2000 франковъ на книги. Вольтеру было 7 лѣтъ, когда умерла его мать. Десяти лѣтъ отецъ отдалъ его въ коллежъ Лув-ле-Гранъ, гдѣ подъ руководствомъ іезуитовъ воспитывались дѣти аристократовъ. Воспитанники, принадлежавшіе къ наиболѣе знатнымъ родамъ, жили тамъ на особомъ положеніи: каждый имѣлъ отдѣльную комнату, особаго воспитателя и собственнаго лакея для услугъ его маленькой особѣ. Остальные воспитанники довольствовались одной комнатой и однимъ воспитателемъ на пятерыхъ. Вольтеръ не пользовался конечно никакими привилегіями, но это не могло задѣвать его самолюбія,—онъ выдавался въ другомъ отношеніи. Благодаря своимъ способностямъ, а въ особенности умѣнью писать стихи, юный школьникъ очень скоро сдѣлался маленькой знаменитостью коллежа. Онъ писалъ рюмованныя строчки и на за данныя темы, и для собственнаго удовольствія, а лѣтъ 12-ти уже переводилъ стихами Анакреона и написалъ трагедію. Объ одномъ стихотвореніи юнаго автора заговорили даже въ Парижѣ и Версалѣ. Это было прошеніе въ стихахъ, на писанное имъ для стараго инвалида, желавшаго получить отъ дофина денежное вспомошествованіе.

Вольтеръ и въ коллежѣ не только не уронилъ своей репутаціи вольнодумца, а напротивъ приумножилъ ее, и его вольнодумныя выходки были повидимому не безызвѣстны самимъ воспитателямъ. По крайней мѣрѣ первый біографъ Вольтера, Кондорсэ, а за нимъ и другіе приводятъ слова отца Лежэ, предсказывавшаго своему воспитаннику, что онъ «сдѣлается главою французскихъ деистовъ». Нельзя не замѣтить, что по-

добное предсказаніе могло скорѣе поощрить, чѣмъ испугать, такого ребенка, про котораго другой его воспитатель, отецъ Паллу, говорилъ, что онъ «пожираемъ жаждой славы». Не смотря на все это, Вольтеру не дурно жилось у отцовъ-іезуитовъ; они поощряли его поэтическій талантъ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ у него навсегда остались добрыя отношенія. Учился онъ вообще прекрасно и на экзаменахъ получалъ первыя награды. Много прочныхъ дружескихъ связей завязалось у него и со школьными товарищами. Вмѣстѣ съ нимъ учились и остались его пріятелями братья д'Аржансонъ, которые оба были впоследствии министрами. Близкія отношенія сохранились у него и съ Сидевилемъ, ставшимъ потомъ парламентскимъ совѣтникомъ въ Руанѣ; но самымъ близкимъ, самымъ дорогимъ другомъ всей его жизни остался графъ д'Аржанталь, «ангель-хранитель», какъ называлъ его Вольтеръ, за неусыпную заботливость, съ которой тотъ всегда относился къ интересамъ своего покойнаго друга.

Шестнадцати лѣтъ Вольтеръ окончилъ курсъ и снова попалъ подъ преобладающее вліяніе Шатонёфа. Юноша испыталъ уже нѣчто вродѣ авторской славы, былъ увѣренъ въ своемъ поэтическомъ дарованіи и твердо рѣшилъ посвятить себя литературѣ. Отецъ его считалъ такое занятіе равнымъ полнѣйшему бездѣлю и вѣрнымъ средствомъ умереть съ голоду. Онъ опредѣлилъ сына въ школу правовѣдѣнія, но варварскій жаргонъ старыхъ французскихъ законовъ оскорблялъ литературный вкусъ Вольтера и внушилъ ему полнѣйшее отвращеніе отъ избранной отцемъ карьеры. Онъ совсѣмъ не занимался и проводилъ все время въ обществѣ, въ которое ввелъ его аббатъ Шатонёфъ.

Это было избранное свѣтское общество, отличавшееся оппозиціоннымъ духомъ особаго рода. Къ нему принадлежало немало титулованныхъ особъ: герцоги Сюлли, принцъ Конти, маркизъ де-ла-Фаръ, а главою общества считался герцогъ Вандомъ, попавшій впрочемъ въ ссылку ко времени перваго вступленія въ свѣтъ Вольтера. У этого общества была своя опредѣленная окраска, дѣлавшая его неприятнымъ королю. Полнѣйшій скептицизмъ его членовъ въ области религійи и нравственности, насмѣшки надъ ханжествомъ, господствовавшимъ тогда при дворѣ, вызывали неудовольствіе Людовика XIV. Въ большей или меньшей степени, все это были «фанфароны порока», какъ назы-

валъ старый король будущаго регента. Въ этомъ-то обществѣ и зародился тотъ духъ, тѣ нравы, которые стали извѣстны впоследствии подъ именемъ «нравовъ времянъ регентства». Особую пикантность придавало вольнодумству этого общества то обстоятельство, что большинство его членовъ принадлежало, подобно Шатонёфу, къ духовенству.

Только что появившійся тогда словарь Байля,—который, опираясь на ученіе самой церкви, доказывалъ полное противорѣчіе между разумомъ и религиозными догматами, и рѣшая видимо споръ въ пользу догматовъ, представлялъ самимъ читателямъ выводить противоположное заключеніе,—пользовался большимъ успѣхомъ среди людей, между которыми вращался Вольтеръ. Но мы ошиблись-бы, еслибы предположили въ нихъ вражду къ религіи, малѣйшее желаніе разрушать ее, распространять свои взгляды. Эти остроумные, образованные язычники не задавались никакими общими цѣлями. Наслажденіе признавалось ими единственной цѣлью жизни. Единственнымъ требованіемъ, которое они себѣ ставили, ихъ единственнымъ правиломъ было: всегда сохранять хорошее расположеніе духа и шуткой встрѣчать всякое несчастье.

Въ такую-то компанію попалъ Вольтеръ. Его живость, остроуміе, даръ писать стихи снискали ему всеобщее благоволеніе. Многіе изъ членовъ этого общества были знатоками и любителями литературы; и сами пописывали куплеты по большей части игриваго свойства во славу вина и женщинъ и въ посмѣяніе напускной нравственности стараго двора и особенно духовниковъ придворныхъ дамъ. Вольтеръ быстро вошелъ въ тонъ своихъ по большей части пожилыхъ собутыльниковъ и не отставалъ отъ другихъ, стараясь за развязностью выражений заставить забыть, что онъ еще почти ребенокъ. Не ровней былъ онъ этому обществу и въ другомъ отношеніи. Онъ—буржуа среди дворянъ, а такое смѣшеніе сословій было еще новостью въ концѣ царствованія Людовика XIV. Но Вольтеръ этого ни мало не чувствовалъ и тотчасъ поставилъ себя со всѣми на равную ногу съ той самоувѣренностью, которая никогда не покидала его, съ какими бы высокими особами ни сталкивала его судьба.

Не заглядывая въ школу, мало бывая дома и проводя почти все время то у Сюлли, то въ другихъ аристократическихъ домахъ, Вольтеръ былъ совершенно доволенъ своей судьбой; но зато отецъ былъ очень недоволенъ его бездѣльемъ и образомъ

жизни. Чтобы вырвать сына изъ свѣтскаго общества, онъ придумалъ послать его въ Гагу къ французскому посланнику въ Голландіи маркизу Шатонёфъ, брату тогда уже умершаго аббата. Но это насильственное удаленіе изъ Парижа было непродолжительно. Скоро — и опять противъ собственной воли — Вольтеръ былъ возвращенъ къ отцу. Въ дѣло замѣшалась любовь къ одной соотечественницѣ, Олимпіи Дюнуайе, быстро окончившаяся, по просьбѣ матери его возлюбленной, высылкой влюбленнаго поэта изъ Гаги. Первое время Вольтеръ ведетъ изъ Парижа тайную переписку съ Олимпіей Дюнуайе и строитъ всякіе планы; но сама барышня, бывшая и старше, и опытнѣе его, скоро утѣшилась съ другимъ, а потомъ вышла замужъ. Встрѣтивши ее нѣсколько лѣтъ спустя въ затруднительномъ положеніи, Вольтеръ отнесся къ ней самымъ дружескимъ образомъ и помогалъ, чѣмъ могъ. Вернувшись въ Парижъ, онъ повелъ прежній образъ жизни, но отецъ окончательно вышелъ изъ себя, прогналъ сына изъ дому и замышлялъ противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы умиловить отца, Вольтеру пришлось побѣдить свое отвращеніе къ судебному жаргону и посвящать ежедневно по нѣскольکو часовъ на практическія занятія у прокурора, къ которому помѣстилъ его старый Аруэ. Избавилъ его отъ этихъ несносныхъ занятій знакомый ихъ семьи, интендантъ финансовъ Комартэнъ, принадлежавшій къ дѣловой чиновничьей аристократіи и потому пользовавшійся большимъ уваженіемъ бывшаго нотаріуса. Комартэнъ уговорилъ стараго Аруэ отпустить сына погостить къ нему въ замокъ Сентанжъ, гдѣ вдали отъ вліянія свѣтскаго общества юноша обдумаетъ на досугъ выборъ карьеры. Но Вольтеръ уже выбралъ свою карьеру, и общество Комартэна только усилило его рѣшимость. Старикъ Комартэнъ, проведеншій всю жизнь среди выдающихся людей двора Людовика XIV, зналъ множество анекдотовъ изъ жизни этого двора, множество закулисныхъ подробностей различныхъ событій, о которыхъ непосвященная публика могла строить лишь догадки. Его свѣдѣнія не ограничивались при этомъ современными ему событиями. Онъ относился съ горячимъ энтузіазмомъ къ Генриху IV и могъ многое поразсказать объ этомъ королѣ, личность котораго была заслонена отъ глазъ послѣднихъ поколѣній пышной фигурой Людовика XIV. Старый хозяинъ любилъ рассказывать, а Вольтеръ жадно слушалъ и спрашивалъ. Онъ скоро заразился энтузіазмомъ Комартэна къ Генриху IV и заразилъ имъ

впослѣдствіи всѣхъ своихъ современниковъ. Въ творцѣ Нантскаго эдикта все нравилось людямъ XVIII вѣка, начиная съ его человѣколюбія и религіозной терпимости, граничившей съ индифферентизмомъ, до веселой распушенности правовъ, свойственной также и людямъ этого вѣка.

Здѣсь, въ Сентанжѣ, задумалъ Вольтеръ «Генріаду» и, заинтересовавшись вообще исторіей, началъ собирать матеріалы для своего «Вѣка Людовика XIV».

Въ сентябрѣ 1715 года старый король умеръ и общество, въ которомъ снова вращался вернувшійся въ Парижъ Вольтеръ, тотчасъ же увеличилось всѣми тѣми членами, которыхъ вырвало изъ него благочестивая подозрительность Людовика XIV. Возвратился изъ изгнанія герцогъ Вандомъ; былъ выпущенъ изъ Венсенскаго замка посаженный въ него за остроумную выходку аббатъ Сервіенъ. Когда послѣдній отпраивлялся въ свое невольное уединеніе, Вольтеръ напутствовалъ его стихотвореніемъ, въ которомъ называлъ веселаго аббата «законодателемъ сладострастья», «повелителемъ грацій и смѣха», раздѣляющимъ господство съ однимъ только Филиппомъ Орлеанскимъ. Теперь этотъ второй «законодатель сладострастья», получивши регентство, сталъ законодателемъ также и Франціи.

Весело отпраздновавши смерть стараго короля, парижане принялись сочинять стихи какъ противъ него, такъ и противъ регента. «Фанфаронство порока» на высотѣ трона представляло соблазнительную тему. Сочинилъ и Вольтеръ нѣсколько такихъ куплетовъ, за которые еще недавно онъ могъ бы попасть въ желѣзную клѣтку. Равнодушный ко всему регентъ ограничился высылкой поэта изъ Парижа.

Это первое изгнаніе было для Вольтера однимъ сплошнымъ праздникомъ. Онъ провелъ его въ замкѣ Сюлли, гдѣ собралось многочисленное общество, занятое исключительно устройствомъ всевозможныхъ увеселеній, отъ которыхъ Вольтеръ отрывался лишь для сочиненія посланій къ знакомымъ дамамъ. Тамъ-же, по совѣту пріятелей, онъ написалъ посланіе и къ герцогу Орлеанскому, которое заканчивалось просьбою лишь прочесть предлагаемые стихи, чтобы убѣдиться черезъ сравненіе, что ихъ авторъ не можетъ быть сочинителемъ отвратительныхъ куплетовъ, которые ему приписываютъ. Этой тактики Вольтеръ будетъ придерживаться всю жизнь. Никогда не подписывая произведеній, могущихъ навлечь непріятности, онъ при малѣйшей

опасности будетъ кричать о клеветѣ, бранить на чемъ свѣтъ стоитъ несчастное произведеніе, которое ему приписываютъ, выражать величайшее презрѣніе къ его автору и горько жаловаться на злую несправедливость людей, предполагающихъ, что онъ можетъ писать такія жалкія вещи.

Неизвѣстно, повѣрилъ-ли регентъ невинности Вольтера, но онъ позволилъ ему вернуться въ Парижъ и даже далъ аудіенцію. Но мнръ оказался непродолжительнымъ. Впослѣдствіи, когда регентъ давно умеръ и льстить ему не было никакой надобности, Вольтеръ отзывался о немъ очень хорошо. Въ «Исторіи вѣка Людовика XIV» онъ говоритъ, что изъ потомковъ Генриха IV-го регентъ больше всѣхъ походилъ на этого короля и характеромъ, и даже лицомъ, но былъ при этомъ образованнѣе и красивѣе Генриха IV. Авторъ видитъ въ Филиппѣ Орлеанскомъ только два недостатка: любовь ко всякой новизнѣ и къ удовольствіямъ, но ни то, ни другое не было большимъ грѣхомъ въ глазахъ Вольтера. Такъ думалъ онъ впослѣдствіи, но въ 20 лѣтъ у него было неудержимое стремленіе оскорблять этого самаго регента. Оскорбительные куплеты, за которые онъ былъ высланъ въ 1716 году, написаны въ шутовскомъ тонѣ. Весной 1717 года въ Парижѣ обращался уже маленькое латинское стихотвореніе, гдѣ въ сжатыхъ, отрывочныхъ фразахъ перечислялись бѣдствія Франціи подъ управленіемъ отравителя и кровосмѣсителя (молва вѣводила на герцога эти преступленія) и предрекалась ей неизбѣжная гибель. Такое произведеніе не могло не вывести изъ терпѣнія даже и регента. Вольтеръ имѣлъ осторожность пустить въ обращеніе эти опасныя строчки во время своего отсутствія изъ Парижа. Но авторское самолюбіе оказалось сильнѣе осторожности. Едва вернувшись отъ Комартэна, у котораго онъ опять гостилъ, Вольтеръ натолкнулся на шпіона, офицера Борегара, притворявшагося его пріятелемъ. Въ видѣ новости тотъ сообщаетъ ему о ходящихъ по рукамъ латинскихъ строчкахъ.—Нравятся-ли онѣ публикѣ?—интересуется Вольтеръ.—Ихъ находятъ очень умными и приписываютъ іезуитамъ,—отвѣчаетъ собесѣдникъ.—Іезуиты рядятся въ чужія перья,—возражаетъ Вольтеръ и сообщаетъ шпіону о своемъ авторствѣ. Борегаръ притворяется, будто не вѣритъ: въ 28 лѣтъ не пишутъ такихъ прекрасныхъ вещей. Вольтеръ горячится и старательно доказываетъ, что пишутъ. Посаженный черезъ нѣсколько дней въ Бастилію, онъ при до-

просахъ находить въ рукахъ начальства подробное изложеніе всего разговора.

Вольтеръ просидѣлъ въ Бастиліи 11 мѣсяцевъ. Онъ усердно работалъ въ своемъ уединеніи: окончилъ трагедію «Эдипъ», которую набросалъ уже болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, и началъ «Генриаду», описалъ также свой арестъ и тюремную жизнь въ шуточной маленькой поэмѣ «Бастилія» и вообще ни мало не унывалъ, хотя, кромѣ потери свободы, было у него въ это время и другое горе. У Сюлли онъ познакомился съ одной дѣвушкой, госпожой Ливри. Она играла на домашнемъ театрѣ Сюлли и вообще была безъ ума отъ сцены. Вольтеръ, уже считавшійся знатокомъ въ этомъ дѣлѣ, поправлялъ ея игру, училъ декламациі. Учитель и ученица влюбились другъ въ друга и поклялись любить вѣчно. Но когда Бастилія разлучила влюбленныхъ, мѣсто отсутствующаго занялъ въ сердцѣ г-жи Ливри ближайшій другъ Вольтера и повѣренный всѣхъ его тайнъ, молодой де-Женонвиль. Этой двойной измѣнѣ въ поэмѣ «Бастилія» посвящена слѣдующая строчка: «Всѣ измѣнили ему, даже и возлюбленная». Но одной этой меланхолической строчкой и ограничились всѣ жалобы. Выйдя на свободу, Вольтеръ не упрекаетъ измѣнниковъ, даже не сердится на нихъ, продолжаетъ заботиться о театральныхъ успѣхахъ г-жи Ливри и остается преданнымъ другомъ Женонвиля до самой смерти этого послѣдняго. Также поступилъ Вольтеръ и 30 лѣтъ спустя при разрывѣ другой, долгой, несравненно болѣе серьезной связи.

Въ этой способности почти тотчасъ-же искренно прощать измѣну и оставаться другомъ какъ измѣнившей женщины, такъ и своего счастливаго соперника, главная роль принадлежитъ конечно личному характеру Вольтера, въ жизни котораго дружба всегда имѣла гораздо больше значенія, чѣмъ любовь къ женщинѣ. Но нѣкоторую роль играли при этомъ также нравы и взгляды того высшаго общества, въ которомъ почти съ дѣтства вращался Вольтеръ. Въ этой средѣ любовь не давала никакихъ правъ, не налагала никакихъ обязанностей, а ревность считалась смѣшной и постыдной.

Черезъ 6 мѣсяцевъ по выходѣ Вольтера изъ Бастиліи, въ ноябрѣ 1718 года, была поставлена на сцену его первая трагедія «Эдипъ». До тѣхъ поръ поэтическій талантъ молодого автора былъ извѣстенъ лишь по мелкимъ стихотвореніямъ, принимавшимъ всего чаще форму посланій къ друзьямъ и знако-

мымъ. Такой родъ поэзіи былъ вообще въ модѣ среди высшаго общества того времени, и даже принцъ Конти удостоилъ самого Вольтера посланіемъ, въ которомъ восхвалялъ его «Эдипа». Трагедія дѣйствительно имѣла огромный успѣхъ, и уже раздавались голоса, объявлявшіе ея автора преемникомъ Корнеля и Расина.

На отпечатанныхъ экземплярахъ «Эдипа» въ первый разъ встрѣчается подпись: «Вольтеръ». Отцовская фамилія не нравилась молодому писателю, но, откуда взялъ онъ имя «Вольтеръ», осталось невыясненнымъ. Предполагали, что это названіе фермы, принадлежавшей его матери. Не смотря однако на всѣ позднѣйшія изслѣдованія, такой фермы найдено не было.

Регентъ пожаловалъ автору «Эдипа» значительную денежную награду, но въ слѣдующемъ-же году опять заподозрилъ въ немъ,—и на этотъ разъ дѣйствительно несправедливо,—автора распространяемой противъ него сатиры. Пока не открылась ошибка, Вольтеру пришлось опять повеселиться внѣ Парижа, переѣзжая въ новыхъ лучахъ своей авторской славы изъ одного замка въ другой. Также весело и разнообразно то въ Парижѣ, то въ окрестныхъ замкахъ провелъ онъ и слѣдующіе годы.

Въ 1722 году умеръ отецъ Вольтера. Они рѣдко видались въ послѣдніе годы. Старикъ Аруэ присутствовалъ, говорятъ, на представленіи «Эдипа», но и громкій успѣхъ трагедіи не прищипилъ его съ избранной сыномъ карьерой.

Въ томъ-же году Вольтеръ предпринялъ небольшое путешествіе въ Голландію, куда сопровождалъ одну изъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, г-жу Рюпельмондъ.

Для этой же дамы, обратившейся къ своему спутнику за разрѣшеніемъ—или вѣрнѣе за подтвержденіемъ—своихъ религіозныхъ сомнѣній, Вольтеръ написалъ въ стихахъ «Посланіе къ Ураніи или за и противъ». Въ этомъ первомъ антирелигіозномъ произведеніи Вольтера, напечатанномъ лишь десять лѣтъ спустя, уже сказывается во всей силѣ отрицательное отношеніе автора къ догматамъ католической церкви, но по серьезной горячности тона оно отличается отъ большинства его позднѣйшихъ произведеній этого рода. «Я хочу любить Бога,—говоритъ Вольтеръ въ «Посланіи къ Ураніи»,—я ищущу въ немъ отца, а мнѣ показываютъ тирана». Главнѣйшимъ актомъ этой тираніи является въ его глазахъ осужденіе на адскія муки всѣхъ безчисленныхъ послѣдователей другихъ религій, всѣхъ милліоновъ

людей далекихъ странъ и прошлыхъ поколѣній. Въ заглавіи онъ обѣщаетъ говорить и «за и противъ», но нѣсколько строчекъ, посвященныхъ защитѣ ученія церкви, тонуть у него въ страстныхъ обвиненіяхъ.

Въ Брюсселѣ, по пути въ Голландію, Вольтеръ посѣтилъ проживавшаго тамъ Жана-Батиста Руссо, къ таланту котораго онъ относился съ большой симпатіей. Послѣ очень любезной встрѣчи авторы прочли другъ другу нѣкоторыя изъ своихъ неизданныхъ произведеній и тѣмъ положили прочное основаніе очень дѣятельной литературной войнѣ. Началъ печатныя нападки Ж.-Б. Руссо. Вольтеръ всегда утверждалъ, что онъ ни на кого и никогда не нападалъ, пока не затрогивали его, или его друзей. Дѣйствительно, въ своихъ многочисленныхъ литературныхъ распряхъ онъ никогда не былъ зачинщикомъ, но зато разъ вызванный на борьбу, никогда не оставался въ долгу, а по большей части платилъ сторицею, являя противниковъ въ стихахъ и въ прозѣ, въ специально посвященныхъ имъ памфлетахъ и мимоходомъ въ произведеніяхъ, трактующихъ о совсѣмъ другихъ предметахъ. Причину враждебности Ж.-Б. Руссо къ Вольтеру оба автора объясняютъ различно. Вольтеръ думаетъ, что Руссо не могъ простить ему остроты, вырвавшейся у него по выслушаніи «Оды къ потомству», прочитанной ему авторомъ. «Не дойдетъ она по адресу», замѣтилъ слушатель. Ж.-Б. Руссо съ своей стороны ссылается на нечестивое «Посланіе къ Ураніи», сообщенное ему Вольтеромъ и возмутившее его религіозное чувство. Когда-то вольнодумный составитель эпиграммъ, Руссо дѣйствительно началъ около этого времени настраивать свою лиру на религіозный тонъ.

Въ 1724 году появилась поэма Вольтера о Генрихѣ IV, озаглавленная въ этомъ первомъ изданіи поэмой «О лигѣ». Напечатана она была тайно и, по увѣренію Вольтера, безъ его вѣдома, съ многочисленными пропусками и ошибками. Но какъ ни плохо было изданіе, и какъ ни горько жаловался на него Вольтеръ, оно тѣмъ не менѣе сильно подняло его славу. Эпосъ вообще считался въ то время высшимъ родомъ поэзіи. Эпическая поэма казалась даже необходимой для славы націи, и самолюбіе французовъ давно страдало отъ отсутствія у нихъ такой. Авторъ, давшій наконецъ Франціи ея поэму, не могъ не подняться очень высоко въ глазахъ соотечественниковъ. Теперь это произведеніе кажется намъ скучнымъ, холоднымъ, совсѣмъ

не поэтическимъ. Но XVIII-й вѣкъ, имѣвшій очень мало чутья для чистой поэзи, вѣкъ «просвѣщенія», умственной борьбы и пропаганды по преимуществу, высоко цѣнилъ свою поэму. Горячій поклонникъ Вольтера, Кондорсэ, въ своей «Жизни Вольтера», изданной въ 1789 году, соглашается, что нѣкоторые изъ эпическихъ поэмъ, считающихся великими, превосходятъ «Генриаду» разнообразіемъ дѣйствія и интересомъ событій, но ея недостатки въ этомъ отношеніи съ избыткомъ вознаграждаются въ другомъ. Ни одна поэма, говоритъ онъ, не заключаетъ въ себѣ такой «глубокой философіи», такой «чистой морали», ни одна не отличается такой «свободой отъ предразсудковъ»... «Изъ всѣхъ эпическихъ поэмъ одна «Генриада» имѣетъ нравственную цѣль... потому что она дышетъ ненавистью къ войнѣ и фанатизму, терпимостью и любовью къ человѣчеству». Вотъ чѣмъ восхищается въ «Генриадѣ» человѣкъ XVIII-го вѣка. Онъ цѣнитъ ее главнымъ образомъ какъ орудіе пропаганды, которому форма эпической поэмы придаетъ особенную силу. Уже то одно имѣло политическое значеніе, что героемъ поэмы былъ творецъ Нантскаго эдикта въ то время, когда отмена этого эдикта оставалась еще зияющей раной на государственномъ организмѣ Франціи; когда галеры были полны пасторами-гугенотами, тайкомъ пробравшимися во Францію и уличенными въ совершеніи богослуженія; когда браки гугенотовъ не признавались законными и ихъ дѣти не имѣли гражданскихъ правъ. «Генриада» при такихъ обстоятельствахъ была дѣйствительно проповѣдью чело-вѣколюбія и терпимости.

ГЛАВА II.

Столкновеніе съ де-Роганомъ.—Опять Бастилія и изгнаніе.—Вліяніе Англій на Вольтера.—«Англійскія письма».

Въ 30 лѣтъ Вольтеръ достигъ повидимому очень блестящаго положенія. Какъ по собственному мнѣнію, такъ и по мнѣнію значительной части публики, онъ стоялъ уже во главѣ современной французской литературы, причемъ вращался въ самомъ высшемъ обществѣ, и считая своимъ друзьями титулованныхъ особъ, являлся своимъ человѣкомъ въ ихъ салонахъ. Не всѣмъ однако нравилось его положеніе въ этихъ салонахъ. Не нравилось оно любимцамъ молодого короля, не нравилось

недавно прпставшему къ ихъ кругу кавалеру де-Рогану. Кастовая исключительность дворянства была уже настолько расшатана, что позволяла принимать въ свое общество поэтовъ-недворянъ. Съ ними обращались какъ съ равными. Свѣтская любезность, свѣтскіе нравы требовали этого относительно каждаго гостя. Но въ глубинѣ души ихъ не считали равными.

Къ тому-же Вольтеръ ни мало не подходилъ къ типу скромнаго поэта, чувствующаго милость высокихъ меценатовъ. Не то чтобы онъ былъ дерзокъ или заносчивъ,—онъ въ совершенствѣ усвоилъ утопченныя манеры того общества, въ которомъ вращался. Но вполне искренно онъ чувствовалъ себя не только равнымъ, но высшимъ существомъ въ каждомъ обществѣ, въ которое попадалъ. По своей живости, находчивости, остроумію онъ не могъ оставаться въ тѣни, всюду занималъ первое мѣсто и слишкомъ часто, по мнѣнію де-Рогана и подобныхъ ему людей, ничѣмъ не отличавшихся кромѣ титуловъ, приковывалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Де-Роганъ рѣшился выбросить его изъ этого общества. Онъ началъ придираться къ Вольтеру и искать съ нимъ ссоры. Быстрый на отвѣты, Вольтеръ не оставался въ долгу. Не находя ничего болѣе остроумнаго, де-Роганъ пробовалъ потѣшаться надъ именемъ Вольтера, намекая на его слишкомъ скромное происхожденіе. «Я не волочу за собою великаго имени,—парируетъ Вольтеръ,—но дѣлаю честь тому, которое ношу». При одномъ изъ столкновеній въ театральномъ фойѣ Роганъ поднимаетъ трость. Госпожа Лекуврёръ, знаменитая актриса и пріятельница Вольтера, весьма кстати падаетъ въ обморокъ и тѣмъ прекращаетъ ссору. Поразмысливши на досугѣ, Роганъ нашель вѣроятно, что лакейскими руками гораздо удобнѣе драться, чѣмъ собственными. Такія расправы не были въ то время чѣмъ нибудь слишкомъ исключительнымъ въ сношеніяхъ дворянъ съ писателями.

Въ концѣ декабря 1725 года,—черезъ нѣсколько дней послѣ ссоры въ театрѣ,—Вольтеръ обѣдалъ у Сюлли, когда его вызвали подъ какимъ-то предлогомъ на крыльцо. Ничего не подозревая, онъ вышелъ, какъ былъ, съ салфеткой въ рукѣ. Четыре лакея кавалера де-Рогана тотчасъ-же бросились на него. Одни держали, другіе били, а самъ де-Роганъ командовалъ экзекуціей, сидя въ каретѣ. Онъ-же и приказалъ прекратить ее. Вольтеръ бросается назадъ къ Сюлли. Десять лѣтъ онъ считаетъ герцоговъ своими друзьями; десять лѣтъ онъ свой человекъ въ

ихъ домѣ. Къ тому-же оскорбленіе нанесено гостю Сюлли на порогѣ его дома. Вольтеръ увѣренъ въ солидарности съ собой хозяина и приглашаетъ его отправиться вмѣстѣ къ комиссару заявить о произведенномъ разбоѣ. Сюлли на отрѣзъ отказывается принять какое-бы то ни было участіе въ непріятной исторіи. Съ этихъ поръ Вольтеръ уже никогда не встрѣчался съ Сюлли. Онъ бросилъ всякую мысль о судебномъ преслѣдованіи. Оставалась одна дуэль. Но и въ этомъ дѣлѣ онъ не могъ надѣяться на помощь и сочувствіе своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ. Они дѣйствительно не нашли въ поступкѣ Рогана ничего особенно предосудительнаго и за глаза подшучивали надъ его жертвой. «Удары были плохо даны, но хорошо приняты», замѣтилъ принцъ Конти, тотъ самый, который воспѣвалъ Вольтера въ стихахъ. Аббатъ Комартэвъ, родственникъ стараго Комартэна, у котораго не разъ гостилъ Вольтеръ, находилъ даже, что дворяне были-бы очень несчастны, «если-бы у поэтовъ не было плечей для палокъ».

Не только свѣтскіе знакомые, даже искренніе друзья Вольтера были не высокаго мнѣнія о его храбрости. Вотъ какъ выражается въ своихъ мемуарахъ маркизь д'Аржансонъ, школьный товарищъ и неизмѣнный пріятель Вольтера: «Давно уже замѣчена разница между умственной и физической смѣлостью. Онѣ рѣдко соединяются. Вольтеръ можетъ служить примѣромъ. Его душа полна мужества, достойнаго Тюрена. Онъ смотритъ съ высоты, онъ предприимчивъ, ничто не можетъ смутить его; но его пугаетъ малѣйшая опасность, грозящая его тѣлу».

Вольтеръ дѣйствительно не храбрець, онъ очень мнителенъ относительно своего здоровья и говоритъ о близости смерти при всякой болѣзни. Онъ, правда, всю жизнь постоянно рискуетъ попасть въ тюрьму за свои произведенія, но зато-же и отрекается отъ нихъ, и кричитъ о клеветѣ, и старается оградить себя. Но хотя онъ и не храбрець, — нервныя, впечатлительныя люди, особенно подъ дѣйствіемъ такого оскорбленія, способны становиться на время храбрецами. Вопреки ожиданіямъ своихъ знакомыхъ, онъ упорно и страстно добивается удовлетворенія. Въ пользу Вольтера свидѣтельствуетъ въ данномъ случаѣ полиція. Она, въ угоду семьи Рогановъ, неотступно слѣдила за нимъ со дня побоевъ и доносила о каждомъ его шагѣ. Эти донесенія, неизвѣстныя современникамъ, защищаютъ честь Вольтера передъ потомствомъ.

Изъ всѣхъ прежнихъ знакомыхъ оскорбленный писатель со-

хранилъ въ это время сношенія съ однимъ Тиріо. Это человекъ изъ другого міра, бѣдный клеркъ, съ которымъ Вольтеръ сошелся во время своихъ занятій у прокурора. Тиріо—пустой человекъ, но онъ не былъ связанъ сложными свѣтскими отношеніями и остался вѣренъ Вольтеру въ эти самые тяжелые дни его жизни. И Вольтеръ никогда не забудетъ ему этого. Лѣнивый и безпутный жуиръ, Тиріо будетъ часто ставить его впослѣдствіи въ затруднительныя положенія, будетъ даже злоупотреблять его довѣріемъ, но Вольтеръ все проститъ ему и всегда будетъ о немъ заботиться.

Скрывшись изъ салоновъ, Вольтеръ повелъ какое-то лихорадочное существованіе. Онъ безпрестанно мѣнялъ квартиры, сошелся съ бреттерами самаго низшаго сорта и съ жаромъ учился фехтованію. Фехтованіе и выслѣживаніе Рогана наполняли все его время, но врагъ избѣгалъ встрѣчь. Проходили недѣля за недѣлей, а Вольтеръ, по донесеніямъ полиціи, не только не успокаивался, но его бѣшенство росло съ каждымъ днемъ. Ему удалось наконецъ встрѣтить своего врага въ театрѣ и сдѣлать ему вызовъ. Тиріо игралъ роль секунданта. Роганъ тотчасъ-же согласился на дуэль и самъ назначилъ встрѣчу на завтрашнее утро; но еще съ вечера онъ извѣстилъ о вызовѣ своихъ родныхъ. Тѣ подняли хлопоты и добились немедленнаго заключенія Вольтера въ Бастилію.

Время своего пребыванія въ крѣпости арестантъ употребилъ на изученіе англійскаго языка. Онъ предвидѣлъ, что такъ или иначе ему придется оставить Францію; объ этомъ заботились Роганы. Дѣйствительно, въ маѣ 1726 г. вмѣстѣ съ освобожденіемъ изъ Бастиліи ему былъ объявленъ приказъ о высылкѣ его изъ Франціи. Доѣхавъ до Калэ въ сопровожденіи полицейскаго, онъ переѣхалъ проливъ, но почти немедленно вернулся тайкомъ въ Парижъ и прожилъ здѣсь нѣсколько времени, скрываясь какъ отъ полиціи, такъ и отъ знакомыхъ. Убѣдившись однако въ бесплодности дальнѣйшихъ попытокъ добиться удовлетворенія, Вольтеръ вернулся въ Англію и постарался выбросить изъ головы бесплоднаго воспоминанія пережитыхъ оскорбленій.

Это было тѣмъ легче, что Англія встрѣтила его привѣтливо. У него былъ тамъ знакомый, почти другъ, лордъ Болинброкъ, матеріалистъ и деистъ, соединявшій, по словамъ Вольтера, англійскую ученость съ утонченностью французскаго дворянина. Вынужденный въ началѣ царствованія Георга I оставить Англію, Болинброкъ прожилъ нѣсколько лѣтъ во Франціи и здѣсь по-

знакомился съ Вольтеромъ, который не разъ гостилъ въ его прекрасномъ замкѣ Ласурсъ и посвятилъ ему свою, тогда еще не напечатанную, «Генріаду».

Вернувшійся въ 1723 году въ отечество, благородный лордъ дружески принялъ ставшаго въ свою очередь изгнанникомъ Вольтера и ввелъ его въ кругъ своихъ знакомыхъ. Въ Англіи этого времени все поражало и восхищало Вольтера, все было противоположно тому, что онъ видѣлъ на родинѣ. Въ особенности рѣзко бросалась въ глаза ему—вольнодумцу и писателю—разница въ положеніи религіи и науки въ двухъ сосѣднихъ государствахъ. Во Франціи признавалась одна католическая религія, не допускавшая никакихъ сектъ, ни малѣйшаго разномыслія, готовая преслѣдовать даже янсенистское ученіе о предопредѣленіи, раздѣлившееся многими отцами церкви, но не нравившееся іезуитамъ. Въ отечествѣ Вольтера религія еще сохранила свойственное католицизму притязаніе заключать въ себѣ всю чело-вѣческую мудрость и держать всѣ науки на степени прислужницъ теологіи, хотя и была уже вынуждена неудержимымъ ростомъ свѣтскихъ наукъ ко многимъ молчаливымъ уступкамъ. Въ Англіи, наоборотъ, «всякій—по выраженію Вольтера въ его «Англійскихъ письмахъ»—имѣетъ право идти въ царствіе небесное тѣмъ путемъ, который ему нравится». Англійская церковь распадается, по вычисленію автора тѣхъ-же «Писемъ», на тридцать сектъ, начиная съ господствующей въ Англіи и Ирландіи епископальной, сохранившей большую часть догматовъ и обрядовъ католичества, до квакеровъ, не имѣющихъ никакого духовенства и не признающихъ никакихъ таинствъ. Большинство проповѣдниковъ этихъ сектъ ненавидятъ другъ друга, по словамъ Вольтера, «такъ-же искренно, какъ іезуиты съ янсенистами»; пресвитеріане называютъ епископальную церковь не иначе, какъ «Вавилонской блудницей»; эта послѣдняя очень-бы не прочь преслѣдовать всѣ другія секты, но законъ дозволяетъ ихъ существованіе, свѣтская власть не является къ услугамъ духовной, и секты живутъ мирно, какъ между собою, такъ и съ наукой, свободно рѣшающей всѣ вопросы, за изслѣдованіе которыхъ преслѣдуютъ во Франціи.

Въ особенности поражала Вольтера свобода изслѣдованія священнаго писанія. По пріѣздѣ въ Англію онъ засталъ еще во всемъ разгарѣ полемику, поднятую книгой Кюллинга объ «Основаніяхъ христіанства». Въ то же время выходили одна за другой

брошюры Вульстона. Эти книги выдержали въ самое короткое время по нѣскольку изданій, вызвали массу возраженій, передшихъ въ ожесточенную полемику, но дѣло обошлось безъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти.

Эта свобода была, правда, далеко не безгранична, и если можно было безнаказанно отрицать чудеса, то нельзя было утверждать, безъ серьезныхъ неприятностей, необходимость возвращенія Англїи въ лоно католической церкви. Даже Локкъ въ своемъ трактатѣ о терпимости не требуетъ ея примѣненія къ католикамъ и атеистамъ. Но атеистовъ, по мнѣнію Вольтера, было гораздо меньше въ Англїи, чѣмъ во Франціи. Онъ приписывалъ это различіе распространенію въ первой странѣ философіи Ньютона, «доказавшаго существованіе Бога мудрецамъ».

Пребываніе въ Англїи имѣло рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую писательскую дѣятельность Вольтера. Здѣсь сложилось въ общихъ чертахъ все его міросозерцаніе, лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ измѣнявшееся потомъ втеченіи его долгой и дѣятельной жизни. Всѣ его послѣдующія философскія произведенія являются лишь приуроченными къ надобностямъ пропаганды комбинаціями и видоизмѣненіями идей, взятыхъ имъ у его англійскихъ учителей. Открытіе Ньютона онъ въ общихъ чертахъ изложилъ уже въ «Англійскихъ письмахъ», а затѣмъ популяризировалъ его философію въ отдѣльномъ произведеніи. Огромное вліяніе на него имѣлъ также Локкъ своимъ ученіемъ «о человѣческомъ познаніи». Изъ всего содержанія своихъ «Англійскихъ писемъ» Вольтеръ, по его собственному признанію, всего больше дорожилъ именно этимъ «ученіемъ о душѣ», какъ онъ называлъ теорію Локка. До тѣхъ поръ «резонеры» писали, по его мнѣнію, лишь «романы души», Локкъ первый «скромно изложилъ ея исторію. Онъ раскрываетъ человѣку его разумъ такъ, какъ хорошій анатомъ объясняетъ строеніе органовъ человѣческаго тѣла». Опровергну теорію врожденныхъ идей, доказавши, что всѣ наши идеи вытекаютъ изъ дѣятельности нашихъ чувствъ, прослѣдивши разумъ во всѣхъ его болѣе и болѣе сложныхъ операціяхъ, Локкъ, говоритъ Вольтеръ, «скромно заканчиваетъ предположеніемъ, что быть можетъ мы никогда не будемъ въ состояніи знать, способно-ли чисто матеріальное существо мыслить, или нѣтъ». Вольтеръ оказывается въ этомъ случаѣ рѣшительнѣе своего учителя. Относительно познаванія всѣхъ первыхъ причинъ мы должны, какъ учитъ скромный

Локкъ, признать свое безсиліе и прибѣгать къ Богу. Предвидя гоненіе именно на эту часть своихъ «Писемъ», Вольтеръ заранѣе переходитъ въ нападеніе: «Безбожна не теорія Локка, а тѣ, кто ограничиваютъ всемогущество Творца, утверждая, что Богъ не могъ даровать мысли матеріи».

Здѣсь-же въ Англіи выковаль Вольтеръ свое оружіе для позднѣйшей борьбы съ католицизмомъ. Вѣрующимъ сыномъ церкви не былъ онъ и раньше, но лишь изъ твореній англійскихъ рационалистовъ познакомился съ систематической критикой священнаго писанія и церковныхъ догматовъ.

Обратили на себя вниманіе Вольтера и политическія учрежденія Англіи, но его отношеніе къ этимъ учрежденіямъ всегда оставалось двойственнымъ. Его восхищали религіозная терпимость и политическая свобода пріютившей его страны, но для него не всегда была ясна полная зависимость этой свободы отъ формы правленія Англіи. Онъ колеблется въ своихъ симпатіяхъ между партіями тори, стремившихся къ усиленію королевской власти, и виговъ съ ихъ республиканскими тенденціями. Въ началѣ онъ склоняется на сторону послѣднихъ. Это отражается даже на вывезенныхъ имъ изъ Англіи трагедіяхъ «Брутъ» и «Смерть Цезаря». Въ «Англійскихъ письмахъ» онъ относится съ симпатіей или по крайней мѣрѣ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ къ англійской революціи и парламенту. «Англичане—говоритъ онъ—любятъ сравнивать себя съ древними римлянами, но совершенно напрасно. Ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ они на нихъ не похожи. Римляне не знали религіозныхъ войнъ. Англичане-же усердно вѣшали другъ друга и истребляли въ правильныхъ сраженіяхъ изъ за вопросовъ этого рода... Другое существенное различіе между Римомъ и Англіей цѣликомъ въ пользу послѣдней: плодомъ гражданскихъ войнъ въ Римѣ было рабство, а англійскія волненія привели къ свободѣ». Но въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Вольтера мы уже не встрѣчаемъ такого благосклоннаго отношенія къ англійской революціи и не разъ наталкиваемся на противоположные отзывы. И это совершенно понятно. Признавъ за англійскими революціонерами какую-нибудь существенную заслугу предъ человѣчествомъ, Вольтеръ впадалъ въ противорѣчіе съ однимъ изъ основныхъ положеній своего міросозерцанія. Прогрессъ человѣчества заключался, по его мнѣнію, почти исключительно въ успѣхахъ разума философіи, искусствъ и въ ослабленіи суевѣрій. Оказывать услуги че-

ловѣчеству могли, по его мнѣнію, лишь люди просвѣщенные. Борцы же, волновавшіеся, какъ ему казалось, изъ за вещей аналогичныхъ съ вопросомъ о кормѣ священныхъ куръ, со-вѣтъ не занимались науками. Кромѣ Мильтона, въ рядахъ республиканцевъ не было замѣчательныхъ поэтовъ. Къ нимъ не принадлежалъ ни одинъ изъ великихъ философовъ Англии. «Во времена Кромвеля,—говоритъ Вольтеръ въ своемъ «Опытѣ о нравахъ», напечатанномъ лишь въ пятидесятыхъ, но написанномъ въ тридцатыхъ годахъ,—мѣсто всякой науки и литературы занимало подыскиваніе текстовъ изъ Старого и Нового Заветовъ и примѣненіе ихъ къ политическимъ распрямъ и самымъ жестокимъ революціямъ». Науки и искусства были возстановлены реставраціей. Съ царствованіемъ Карла II совпалъ высшій расцвѣтъ англійской матеріалистической философіи и быстрое развитіе точныхъ наукъ. Вольнодумство, невѣріе было въ модѣ при дворѣ этого короля и тогда то именно стало ненавистнымъ англійской буржуазіи, связавшись въ ея воспоминаніи съ веселыми французскими нравами, склонностью къ католицизму и съ урѣзываніемъ правъ парламента. Нѣчто аналогичное случилось и съ Вольтеромъ. Уничтоженіе «суевѣрія» и ростъ философіи тоже связались въ его умѣ съ идеей реставраціи и вызвали въ немъ симпатію къ Стюартамъ, доходившую до живѣйшаго сочувствія современнымъ Вольтеру якобитскимъ заговорамъ.

Въ этомъ же направленіи дѣйствовали на Вольтера и его позднѣйшія связи и отношеніе: дружба съ коронованными философами, или желавшими слыть таковыми, и вражда къ французскимъ парламентамъ, изъ которыхъ парижскій являлся самымъ дѣятельнымъ врагомъ философскихъ книгъ и писателей, а провинціальныя возбуждали его ненависть безобразными юридическими убійствами. Правда, французскіе парламенты его времени имѣли очень мало общаго съ англійскимъ, но тѣмъ не менѣе они являлись нѣкоторымъ ограниченіемъ королевской власти, мѣшавшимъ, по его мнѣнію, лишь необходимымъ реформамъ въ области правосудія. «У меня недостаточно гибкая спина,—говоритъ онъ впоследствии по поводу парламентовъ,—я согласенъ сдѣлать одинъ поклонъ, но сотня поклоновъ сразу меня утомляетъ».

Его политическимъ идеаломъ осталось въ концѣ концовъ

неограниченное правленіе мудраго государя-философа, окруженнаго такими же мудрыми министрами.

Другая сторона англійскаго строя, почетное положеніе, занимаемое тамъ богатой торговой буржуазіей, тоже произвела сильное впечатлѣніе на Вольтера. Замѣтивъ въ своихъ «Англійскихъ письмахъ», что англійскіе коммерсанты гордятся своимъ занятіемъ, и что младшіе сыновья перовъ ничуть не стыдятся участвовать въ торговыхъ операціяхъ, Вольтеръ говоритъ, что во Франціи каждый дворянинъ, ничего не имѣющій, кромѣ громкой фамиліи, можетъ твердить: «Человѣкъ, какъ я!», «Люди моего званія», и относиться съ великолѣпнымъ презрѣніемъ къ коммерсантамъ. Послѣдніе тоже имѣютъ глупость сами себя стыдиться. «Я не знаю однако,—заключаетъ Вольтеръ,—кто полезенъ государству: напудренный сеньоръ, знающій съ точностью, въ которомъ часу ложится и въ которомъ встаетъ король, или негоціантъ, который обогащаетъ свою страну, посылаетъ изъ своего кабинета приказы въ Суратъ и Каиръ и содѣйствуетъ счастью всего міра».

Самъ Вольтеръ со времени своего англійскаго изгнанія принялся усиленно стремиться къ обогащенію, не пренебрегая для этого никакими денежными и торговыми спекуляціями. «Я встрѣчалъ слишкомъ много бѣдныхъ и презираемыхъ писателей,—говоритъ Вольтеръ въ своихъ мемуарахъ,—и давно рѣшилъ, что не долженъ увеличивать собою ихъ числа».

Основаніе его будущему богатству положила сумма въ 2000 фунтовъ стерлинговъ, вырученная въ Англии отъ подписки на новое изданіе его поэмы «О лигѣ», переименованной теперь въ «Генріаду». Въ подпискѣ принимали участіе сама королева и чуть не вся англійская аристократія. Вольтеръ сдѣлалъ въ этомъ новомъ изданіи нѣкоторыя измѣненія, изъ которыхъ главнѣйшее заключалось въ томъ, что Сюлли, игравшій какъ въ самой исторіи Генриха IV, такъ и въ поэмѣ значительную роль, былъ вычеркнутъ изъ нея при второмъ изданіи. Вольтеръ мстилъ этимъ единственнымъ доступнымъ ему способомъ вѣроломному пріятелю, отрекшемуся отъ него въ тяжелую минуту его жизни. Вопреки обычному ходу вещей, предокъ пострадалъ въ этомъ случаѣ за грѣхи своего потомка.

Возвратившись весною 1729 года во Францію, Вольтеръ, кромѣ «Англійскихъ писемъ» и двухъ трагедій, привезъ также изъ Англии свой первый историческій трудъ: «Исторію Карла XII».

Онъ встрѣтилъ въ Англiи одного изъ приближенныхъ Карла и заинтересовался его разказами о необычайныхъ приключенiяхъ шведскаго короля. Эти то разказы и послужили главнымъ матеріаломъ для блестящаго произведенiя, соединяющаго весь интересъ романа съ стремленiемъ къ исторической правдивости, поскольку она была возможна при односторонности доступныхъ автору свѣдѣнiй. Разказъ имѣлъ значенiе перваго опыта историческаго произведенiя, написаннаго не для однихъ ученыхъ и способнаго заинтересовать широкой кругъ читателей.

Даже это безобидное произведенiе пришлось напечатать безъ дозволенiя. Отказъ въ разрѣшенiи изданiя былъ вызванъ дипломатическими соображенiями. Предположили, будто польскiй король Августъ можетъ обидѣться тѣмъ, что блестящiй соперникъ затмѣваетъ его на страницахъ исторiи такъ-же точно, какъ затмѣвалъ въ жизни.

Ровно черезъ годъ по возвращенiи Вольтера изъ Лондона умерла любимица парижской публки, талантливая драматическая актриса г-жа Лекуврѣрь. При жизни актеры и въ особенности актрисы занимали тогда во Францiи очень видное и довольно независимое положенiе, но послѣ смерти судьба ихъ тѣла вполне зависѣла отъ духовенства. На ряду съ колдунами, они считались отлученными отъ церкви и въ качествѣ таковыхъ могли, по желанiю духовенства, быть признаны недостойными погребенiя. Средневѣковое правило гласило, что тѣла лишенныхъ погребенiя выбрасываются на мѣсто, куда свозятся нечистоты; но на самомъ дѣлѣ ихъ просто зарывали безъ церковныхъ обрядовъ въ неосвященную землю. Такъ пришлось поступить и съ тѣломъ г-жи Лекуврѣрь. Личный прiятель покойной, Вольтеръ былъ взбѣшенъ такимъ оскорбленiемъ ея памяти и излил свои чувства въ полныхъ негодованiя стихахъ. Не одно духовенство упрекаетъ онъ въ нихъ, а также слабыхъ, легкомысленныхъ французовъ, покорно несущихъ ярмо предрасудковъ. Стихотворенiе выражало взгляды значительной части публики и было встрѣчено съ большимъ сочувствiемъ. Духовенство, какъ и слѣдовадо ожидать, подняло хлопоты о преслѣдованiи автора, которому пришлось скрываться на время, чтобы переждать бурю. Но едва успѣли разсѣяться тучи этой бури, какъ надъ головой Вольтера разразилась новая бѣда. Въ печати появилось написанное имъ десять лѣтъ тому назадъ «Посланiе къ Уранiи», о которомъ мы уже говорили выше. На этотъ разъ

противъ автора было, по требованію парижскаго архіепископа, поднято формальное судебное преслѣдованіе, отъ котораго онъ кое-какъ отдѣлался, лишь сваливши свой грѣхъ на покойнаго аббата Шольё. Выдумка имѣла довольно вѣроятный видъ: аббатъ писалъ стихи и былъ извѣстенъ своимъ вольнодумствомъ.

Такія непрерывныя столкновенія съ властями дѣлали положеніе Вольтера очень шаткимъ. Онъ задумалъ упрочить его посредствомъ блестящаго театральнаго успѣха. Песнь «Эдипа» ни одна изъ его трагедій не вызывала восторга публики. Не особенно понравился и «Вруть». Масса публики находила, что любовная интрига, считавшаяся главнымъ дѣломъ въ пьесѣ, была слишкомъ холодна: люди-же съ болѣе тонкимъ вкусомъ утверждали, наоборотъ, что въ эту трагедію вовсе не слѣдовало вводить ненужной любви. Вольтеръ рѣшилъ дать трагедію, весь сюжетъ которой построенъ на любви и ревности, и передѣлалъ во французскомъ вкусѣ «Отелло» Шекспира. Успѣхъ «Заиръ» — такъ назвалъ онъ трагедію — превзошелъ всѣ ожиданія. Публика проливала обильныя слезы, что считалось лучшимъ признакомъ достоинства трагедіи.

Неугомонный авторъ быстро сумѣлъ однако заставить забыть благопріятное впечатлѣніе. Выпущенная имъ въ 1733 г. — опять безъ дозволенія — книжечка носила заглавіе «Храмъ Вкуса» и рассказывала, наполовину въ стихахъ, наполовину въ прозѣ, путешествіе автора въ этотъ храмъ, гдѣ «Критика» произноситъ свои приговоры надъ писателями, живыми и умершими. Это художественная оцѣнка литературныхъ произведеній, часто мѣткая и остроумная, — строгая, но въ большинствѣ случаевъ безпристрастная. Авторъ и себѣ самому дѣлаетъ отъ лица «Критики» нѣсколько замѣчаній и даетъ ехидный совѣтъ: не забывать, что написалъ освистанную публикой трагедію «Артемира». Критика совсѣмъ не затрогиваетъ мнѣній. Авторъ заставляетъ даже, для наглядности, іезуита дружески разговаривать въ Храмѣ Вкуса съ янсенистомъ.

Хотя произведеніе было напечатано тайкомъ, но на этотъ разъ на автора обрушилось не правительство, а масса писателей и читателей. Одни сердились за замѣчаніе «Критики», другіе — за то, что авторъ совсѣмъ не упомянулъ ихъ, а слѣдовательно не замѣтилъ ихъ присутствіе въ Храмѣ Вкуса. Читатели сердились за своихъ любимыхъ авторовъ. Почти немедленно появилось нѣсколько пародій «Храма Вкуса», напи-

санныхъ съ единственной цѣлю—выругать Вольтера. Въ одной комедіи насолившій всѣмъ критикъ выведенъ даже въ видѣ шута.

Поставленная Вольтеромъ въ январѣ 1734 г. новая трагедія: «Аделаида Дюгескленъ», была, по свидѣтельству современниковъ, освистана публикой именно въ отомщеніе за «Храмъ Вкуса». По крайней мѣрѣ, возобновленная много лѣтъ спустя, она имѣла успѣхъ.

Всѣ эти бури оканчивались болѣе или менѣе благополучно, но съ самаго пріѣзда изъ Англіи Вольтеръ готовилъ для себя гораздо болѣе серьезную опасность. Говоря объ англійскихъ впечатлѣніяхъ Вольтера, мы уже касались содержанія «Англійскихъ писемъ». Они были давно написаны, но затрудненія, встрѣчаемыя на каждомъ шагу при печатаніи самыхъ невинныхъ вещей, ясно показывали, что такого произведенія нельзя обнародовать, не рѣшившись заранѣе на арестъ или бѣгство. Съ другой стороны Вольтеръ положительно не могъ не подѣлиться съ соотечественниками тѣми глубокими и сильными впечатлѣніями, которыя оставили въ немъ англійская жизнь и результаты англійской мысли. Стараясь придать по возможности невинный видъ своему произведенію, онъ нарочно приписалъ квакерамъ, которымъ посвящены первыя письма, побольше комическихъ чертъ и даже читалъ самыя смѣшныя выдержки министру Флѣри. Престарѣлый кардиналъ удостоилъ посмѣяться, но Вольтеръ и самъ отлично зналъ, что это еще ровно ничего не значить. «Письма» были отпечатаны тайкомъ въ Руанѣ, гдѣ у автора былъ сообщникъ, его школьный товарищ Сидевиль, но все изданіе хранилось подъ замкомъ, и ни одинъ экземпляръ не попадалъ пока въ публику. Отзвѣвы француза объ англичанахъ могли однако заинтересовать также и англичанъ, поэтому Вольтеръ издалъ сперва англійскій переводъ своихъ писемъ. Англичане остались въ общемъ очень довольны произведеніемъ, хотя и отмѣтили въ немъ нѣсколько фактическихъ невѣрностей. Но, кромѣ англійскихъ похвалъ, переводъ принесъ Вольтеру также усиленный надзоръ въ отечествѣ и формальное запрещеніе издавать «Письма» на родномъ языкѣ. Голландскіе издатели, наживавшіеся отъ продажи запрещенныхъ во Франціи книгъ, тоже не дремали и оказались даже бдительнѣе французскихъ властей. Самой маленькой неосторожности—отданнаго въ переплетъ экземпляра—было достаточно, чтобы въ Амстердамѣ появилась

точная поддѣлка руанскаго изданія, начавшая быстро распространяться во Франціи.

Парижскій парламентъ осудилъ книгу, какъ «скандальную, противную религіи, добрымъ нравамъ и уваженію къ власти», на сожженіе рукою палача у подножія большой лѣстницы зданія парламента. Складъ руанскаго изданія былъ разысканъ и конфискованъ; издатель посаженъ въ Бастилію. Приказъ о помѣщеніи туда-же и самого автора былъ посланъ въ Монжъ, гдѣ Вольтеръ праздновалъ свадьбу своего пріятели герцога Ришельё. «Ангель Хранитель» Вольтера, д'Аржанталъ, успѣлъ однако во-время предупредить своего друга, и 10-го іюня 1734 г., когда «Англійскія письма» торжественно сжигались въ Парижѣ, Вольтеръ былъ уже за границей.

Во Франціи того времени за книги преслѣдовали авторовъ, издателей, продавцевъ, но не читателей. Главную массу читателей составляли еще высшіе классы; большими охотницами до запрещенныхъ книгъ были свѣтскія дамы, безпокоить которыхъ никому не приходило въ голову. Поэтому сожженіе и преслѣдованіе раздражали авторовъ, лишая ихъ заработка и безопасности, обогащали голландскихъ издателей, поднимая цѣну на ихъ товаръ, но ни мало не мѣшали, а скорѣе содѣйствовали распространенію произведеній.

Не помѣшало сожженіе и распространенію «Англійскихъ писемъ» и ихъ громадному вліянію на французское общество.

Въ концѣ XVII-го, въ началѣ XVIII-го вѣка французы очень мало знали своихъ заморскихъ сосѣдей. Англійскій языкъ былъ почти никому незнакомъ. Нѣкоторые ученые трактаты, если и переводились, то читались только специалистами. «Англійскія письма», умышленно подчеркнувшія рѣзкія противоположности между двумя націями—и всегда въ пользу англичанъ—заинтересовали всѣхъ. Дамы принялись изучать англійскій языкъ; всѣ сколько нибудь выдающіеся люди спѣшили побывать за Ламаншемъ. Англійская философія вытѣснила постепенно когда-то будившій мысль, а теперь застывшій картезианизмъ. Скептицизмъ Бойля, разрушавшій вѣрованія, но не дававшій ничего опредѣленнаго, замѣнился подъ вліяніемъ англійскаго материализма законченной философской системой, перешедшей постепенно отъ деизма къ открытому атеизму. Англійская философская мысль передѣлала французскую, но передѣлала ее въ нѣчто совершенно съ собою несходное. Аристократическій, при-

дворный, непопулярный англійскій матеріализмъ превратился во Франціи въ разрушительную философію, ставшую катехизисомъ буржуазіи въ ея борьбѣ съ старымъ порядкомъ, — борьбѣ, поразительно аналогичной съ предшествовавшей борьбой англійской буржуазіи, но уже не опиравшейся на пророковъ и на псалмы Давида.

Но до этой переработки англійскаго деизма во французскій атеизмъ, сильно огорчавшій въ послѣдствіи Вольтера, оставшагося вѣрнымъ деизму, еще далеко.

ГЛАВА III.

Маркиза дю-Шатле. — Сирей. — Оптимизмъ Вольтера. — Его увлеченіе естественными науками. — Трагедіи. — Знакомство съ Фридрихомъ II.

У скрывшагося въ Лотарингію автора «Англійскихъ писемъ» въ Парижѣ остался недавно пріобрѣтенный, но горячо и страстно преданный ему другъ, маркиза дю-Шатле, любовь къ которой была въ жизни Вольтера его единственной серьезной привязанностью къ женщинамъ.

Послѣ измѣны г-жи Ливри онъ былъ нѣкоторое время увлеченъ любовью къ женѣ маршала де-Вилларъ. Знатная дама позволяла ему ухаживать за собою и изливать свои чувства въ стихахъ, но и только. Особенно страдать отъ любви Вольтеръ никогда расположенъ не былъ и скоро вылезлся отъ этой нераздѣленной страсти. Но въ женскомъ обществѣ, въ женской заботливости онъ всегда нуждался и время отъ времени устраивалъ себѣ нѣчто вродѣ домашняго очага у той или другой изъ знакомыхъ дамъ. Одно время Вольтеръ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ маркизы де-Ми-меръ, затѣмъ сблизился съ президентшей де-Вернье. Любовь далеко не всегда играла роль въ этихъ сближеніяхъ. Ея не было и слѣда въ его дружбѣ съ графиней Фантенъ-Мартель, умной, пожилой женщиной, въ домѣ которой онъ жилъ по возвращеніи изъ Англій въ тѣ промежутки между бѣгствами, которые ему удавалось проводить въ Парижѣ.

Свѣтская жизнь Вольтера по замкамъ и салонамъ французской знати не возобновилась болѣе по возвращеніи въ отечество. Съ нѣкоторыми изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ онъ разорвалъ навсегда, съ другими встрѣчался лишь изрѣдка. Тѣмъ плотнѣе

сблизился онъ съ немногими оставшимися у него друзьями: д'Аржанталемъ, Сидевилемъ, также съ герцогомъ Ришелье и нѣкоторыми другими.

Въ 1732 году Вольтеръ усиленно твердитъ о томъ, что пора любви для него уже прошла (ему 38 лѣтъ), остались только дружба, да работа. Въмѣсто любовныхъ посланій, онъ пишетъ теперь и передаетъ г-жѣ Мартель, изъ верхняго этажа въ нижній, шуточные стихи, въ которыхъ, расхваливая свою хозяйку, говорить, что ему потому хорошо живется въ ея домѣ, что съ нимъ вмѣстѣ живетъ здѣсь его единственная возлюбленная—свобода и ея сестра—веселость. Въ это время онъ встрѣтился съ Эмилией дю-Шатле.

Урожденная де-Бретейль, она еще ребенкомъ въ домѣ отца видала Вольтера, который былъ старше ея на 12 лѣтъ и тогда конечно не замѣтилъ дѣвочки. Въ 1725 году она вышла замужъ за маркиза дю-Шатле. Вышла безъ любви—въ бракѣ она не считалась нужной—и черезъ 2—3 года, по неизмѣнному правилу тогдашняго высшаго общества, уже сохраняла съ мужемъ лишь чисто формальныя, вполне приличныя отношенія номинальныхъ супруговъ, связанныхъ общимъ именемъ, имущественными отношеніями, а также двумя дѣтьми, рожденными въ первые годы брака. Мужъ и жена впрочемъ ни въ какомъ случаѣ не подходили другъ къ другу. Во всѣхъ описаніяхъ внутренней жизни этой семьи, ставшей знаменитой со времени присоединенія къ ней Вольтера, маркизъ не играетъ никакой роли. Добродушный, ограниченный человѣкъ, любящій военную службу, охоту и ничего больше, онъ никому не мѣшаетъ и никого не интересуется.

Эмилия дю-Шатле была совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Не говоря уже объ ея умственномъ превосходствѣ надъ мужемъ, она обладала горячимъ, любящимъ сердцемъ. Относясь къ браку такъ-же, какъ и всѣ современницы ея круга, она любила не такъ какъ онѣ. Послѣ замужества и еще до встрѣчи съ Вольтеромъ у нея былъ романъ, закончившійся быстрымъ разрывомъ. Разрывъ былъ въ порядкѣ вещей, но онъ довелъ Эмилию до серьезной попытки на самоубійство, что ужъ было вовсе не въ нравахъ ея общества.

Оправившись отъ этой исторіи, она набросилась съ новымъ жаромъ на науку, которой была далеко не чужда и прежде. Еще въ домѣ отца она изучила латинскій языкъ и основательно ознакомилась съ римскими классиками. Позднѣе она пристра-

стилась къ математикѣ и метафизикѣ. И это былъ не диллѣтантскій интересъ къ наукамъ, значительно распространенный среди образованныхъ женщинъ XVIII-го вѣка. Г-жа дю-Шатле трудится упорно, серьезно и внимательно, излагаетъ Лейбница и переводитъ Ньютона.

Ея вторичная встрѣча съ Вольтеромъ относится къ 1732 г., а лѣтомъ 1733 г. они уже принадлежатъ другъ другу душой и тѣломъ, и обоимъ кажется, что ихъ прежнія связи не были любовью, что они любятъ въ первый разъ.

Вольтеръ дѣйствительно любитъ ее иначе, чѣмъ своихъ прежнихъ возлюбленныхъ. Онъ снова пишетъ любовныя посланія, но въ нихъ нѣтъ и тѣни той цинической игривости, которая проявлялась въ его прежнихъ произведеніяхъ этого рода. Съ любовью къ ней у него соединяются глубокое уваженіе, восхищеніе ея умомъ и характеромъ. Это не только любовь, но вмѣстѣ и умственное товарищество. Кое въ чемъ они были равны и могли быть товарищами. У нея не было конечно и сотой доли его таланта, его разносторонности, его горячей, тотчасъ-же выливающейся на бумагу, отзывчивости на все совершающееся въ жизни и мысли. Но по способности усвоенія отвлеченнѣйшихъ результатовъ философской мысли она была равна ему. По знаніямъ-же въ нѣкоторыхъ областяхъ естественныхъ наукъ и въ высшей математикѣ, изученной ею подъ руководствомъ лучшихъ специалистовъ ея времени, она превосходила своего друга.

Въ самомъ началѣ ихъ союза Вольтеръ слѣшилъ подѣлиться съ Эмилией своими знаніями и интересами. Онъ перечитываетъ съ ней своихъ любимыхъ англійскихъ философовъ и поэтовъ: Ньютона, Локка, Попа. Но ихъ слишкомъ часто разлучаютъ непрерывныя исторіи изъ за литературныхъ произведеній. Съ женской нѣжностью г-жа дю-Шатле беретъ на себя заботу о своемъ слишкомъ горячемъ, предприимчивомъ и неосторожномъ другѣ. Ее терзаетъ мысль о вѣчной грозѣ, подъ которой онъ живетъ, думая лишь о томъ, чтобы вывернуться изъ даннаго затрудненія, и въ то же время подготовляя своей усиленной умственной производительностью новыя опасности на завтра и послѣ-завтра. «Его нужно вѣчно спасать отъ него-же самого», жалуется она друзьямъ. «Для этого, по ея увѣренію, ей нужно <больше дипломатическихъ способностей, чѣмъ палъ для управленія всѣмъ христіанскимъ міромъ>». Повторяющіяся

время отъ времени внезапныя бѣгства, одному, по тогдашнимъ дорогамъ, при слабомъ здоровьи Вольтера ей просто невыносимы.

На границѣ Лотарингіи, въ пустынной гористой мѣстности, у маркизы дю-Шатле есть замокъ—Сирей, правда, плохо приспособленный для цивилизованной жизни, но въ высшей степени удобный по своему положенію. Друзья совѣтовали Вольтеру не возвращаться во Францію; но Эмилія горячо возстала противъ этого плана. Ея положеніе не позволило бы ей послѣдовать за Вольтеромъ въ Голландію или Англію. Въ Сирей-же она рѣшила сама поселиться съ нимъ. А безопасность тамъ будетъ полная: граница въ двухъ шагахъ. Кромѣ того она надѣялась, что подъ ея бдительнымъ надзоромъ онъ не будетъ совершать неосторожностей, и во всякомъ случаѣ рукописи не будутъ похищаться и попадать въ печать безъ воли автора.

Къ этому времени у Вольтера были уже значительныя денежные средства. Ни усиленная литературная дѣятельность, ни преслѣдованіе не помѣшали ему позаботиться о приращеніи своего капитала. Удачныя спекуляціи успѣли увеличить первоначальную сумму въ нѣсколько разъ. Онъ не задумался поэтому приняться за отдѣлку замка на свой счетъ. При этомъ не были забыты приспособленія для естественно-научныхъ занятій: физическій кабинетъ и небольшая лабораторія. Въ одной изъ галерей замка была также устроена маленькая сцена для спектаклей.

Съ 1734 года Сирей становится на 15 лѣтъ сперва постояннымъ, а потомъ главнымъ мѣстомъ жительства Вольтера. На всемъ этомъ періодѣ лежатъ отпечатокъ вліянія г-жи дю-Шатле. Опасныя литературныя труды хотя и пишутся, но не публикуются. Вольтеру пришлось, правда, еще разъ бѣжать на время въ Голландію; но навлекшее немилость стихотвореніе не было однимъ изъ тѣмъ произведеній, печатая которыя, Вольтеръ рисковалъ сознательно. «Свѣтскій человѣкъ» («Le Mondain») казался ему совершенно невиннымъ. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ сопоставленіе первобытнаго райскаго состоянія съ жизнью современнаго свѣтскаго человѣка, окруженнаго всеми удобствами и роскошью. Авторъ благодаритъ природу за то, что она произвела его на свѣтъ въ нынѣшній вѣкъ, на который сыплется столько обвиненій. Эти-то безобидныя предположенія дали поводъ духовенству добиться отъ кардинала Флѣри преслѣдованій противъ автора.

Стихотвореніе «Свѣтскій человѣкъ» проникнуто полнѣйшимъ оптимизмомъ. Имъ же дышать и другія произведенія сирейскаго періода жизни Вольтера. Въ это время зло въ мірѣ представлялось ему обильно перемѣшаннымъ съ добромъ. Въ «Трактатѣ о метафизикѣ», написанномъ въ 1734 году, Вольтеръ говоритъ, что мы не можемъ даже судить о совершенствѣ или несовершенствѣ міра, такъ какъ не имѣемъ возможности представить себѣ ничего лучшаго. Въ сказкѣ «Бабука или міръ, каковъ онъ есть» геній Итуріэль колеблется сперва между двумя мѣрами: наказаніемъ Персеполиса (Парижа) ради его исправленія и совершеннымъ уничтоженіемъ этого безразсуднаго города. Но, выслушавъ докладъ посланнаго туда Бабука, геній рѣшаетъ не только не уничтожить Персеполиса, но даже не исправлять его, а оставить такимъ, каковъ есть, такъ какъ въ немъ «если не все совершенно, то все сносно». Еще рѣшительнѣе выразился этотъ оптимизмъ въ напечатанной въ 1738 году дидактической поэмѣ: «Рѣчи о человѣкѣ», написанной въ подражаніе англійскому поэту Попу, одному изъ главныхъ представителей оптимизма. Въ прозаическомъ перечнѣ содержанія поэмы авторъ говоритъ, что «въ первой рѣчи доказывается равенство состояній, вытекающее изъ того, что съ каждой профессіей связаны извѣстныя доли добра и зла, уравновѣшивающія другъ друга». Въ самой рѣчи сообщается, что короли и маршалы Франціи сильно скучаютъ, что если у королевскихъ любимцевъ много льстецовъ, то много и завистниковъ. «Пьеро и Перетта», работающіе въ поляхъ, правда, «зябнуть зимой и жарятся лѣтомъ, но они весело поютъ за работой, хотя и грубыми фальшивыми голосами, а міръ, спокойный сонъ, сила и здоровье вознаграждаютъ ихъ за трудъ и бѣдность».

Невольно вспоминаются при этомъ знаменитыя описанія бѣдственнаго положенія земледѣльческихъ рабочихъ Франціи XVIII вѣка. Но Вольтеръ и не думаетъ всматриваться въ это положеніе. Онъ говоритъ о Пьеро и Переттѣ общія, ходячія фразы, которыя нужны ему только для доказательства своей тезы. Покончивши съ этими счастливыми въ первой рѣчи, онъ къ нимъ больше не возвращается и въ остальныхъ шести рѣчахъ занятъ исключительно людьми высшихъ классовъ, которыхъ поучаетъ способамъ поменьше скучать и увеличивать свое счастье. Впрочемъ даже такое мимолетное появленіе Пьеро и

Перетты составляетъ большую рѣдкость въ произведеніяхъ нашего автора. По большей части онъ ихъ вовсе не касается. Онъ измѣнить, какъ мы увидимъ впоследствии, свое мнѣніе о мірѣ и перестанетъ находить его удовлетворительнымъ, но нисшіе классы и тогда останутся внѣ поля его зрѣнія. Въ немъ нѣтъ вражды къ этимъ классамъ, свойственной европейскому буржуа XIX-го вѣка. Не сознательный эгоизмъ, не жестокость заставляютъ его игнорировать положеніе трудящихся массъ. Сдѣлавшись впоследствии землевладѣльцемъ, Вольтеръ явится самымъ заботливымъ, самымъ щедрымъ благодѣтелемъ всѣхъ окружающихъ бѣдняковъ. Онъ всегда былъ очень добръ съ прислугой, со всѣми слабыми, зависящими отъ него существами,—былъ очень добръ даже съ животными. Но въ то же время нисшіе, необразованные люди занимали въ его міросозерцаніи немного больше мѣста, чѣмъ животныя. Ко всѣмъ классамъ, причастнымъ къ цивилизаціи, двигающимъ ее впередъ или тормозящимъ подобно духовенству, онъ становится въ тѣ или другія опредѣленные отношенія: дружить съ ними или воюетъ. Къ остальному человечеству,—непричастному къ цивилизаціи,—не становится ни въ какія отношенія. Это для него инертная, безформенная масса, не могущая ни помѣшать, ни помочь прогрессу, а лишь пассивно подчиняющаяся его результатамъ. Поэтому-то онъ и не думаетъ о ней. Люди нисшихъ классовъ для него не совсѣмъ люди, а *такъ*, какъ выразился графъ Толстой, говоря о своемъ міросозерцаніи до момента перехода въ новую вѣру.

Съ 1734 по 1739 годъ Вольтеръ прожилъ почти безвыѣздно въ Сирей. Понемногу въ пустынный замокъ стали наѣзжать гости. Извѣстные ученые: Мопертюи, Клэро, Бернулли гостили поочередно въ Сирей. Нѣмецкій ученый, послѣдователь Лейбница, Кенигъ прожилъ тамъ даже цѣлыхъ два года, помогая хозяйкѣ въ ея ученыхъ трудахъ. Итальянецъ Альгаротти приводилъ на ея судъ свою популяризацію философіи Ньютона, предназначенную «для дамъ». Заѣзжали въ Сирей и знакомыя дамы, но гораздо рѣже,—дамамъ Эмилиа вообще не нравилась.

Зиму 1738—39 года тамъ прогостила г-жа Графиньи, оставившая въ своихъ письмахъ подробное описаніе какъ самаго замка, такъ и его обитателей. Втеченіи дня гости были обыкновенно предоставлены самимъ себѣ. Вольтеръ и г-жа

дю-Шатле проводили всѣ дни, а частью и ночи за письменными столами. Гости пользовались ихъ обществомъ за позднимъ обѣдомъ и часъ-другой вечеромъ

Главнымъ предметомъ занятій Вольтера и его божественной Эмили (такъ называлъ онъ ее въ стихахъ и письмахъ) были точныя науки, къ которымъ имѣла пристрастіе маркиза, не любившая ни стиховъ, ни исторіи—любимыхъ предметовъ Вольтера. Одно время онъ до того поддался влиянію своей ученой подруги, что писалъ стихи только въ постели, во время своихъ частыхъ болѣзней, никогда однако не мѣшавшихъ ему работать. Здоровый-же онъ занимался физикой и представилъ академіи наукъ мемуаръ «О природѣ и распредѣленіи огня», а также химіей и біологіей. Однажды онъ собственноручно обезглавилъ до сорока улитокъ, чтобы провѣрить одно мнѣніе итальянскаго ученаго.

Друзья въ Парижѣ, куда доходили слухи объ этихъ занятіяхъ, боялись уже, что Вольтеръ совсѣмъ отдастся естественнымъ наукамъ и заброситъ все остальное. Но увлеченіе было непродолжительно, да и въ самомъ пылу его онъ все-таки, по его выраженію, «ухаживалъ сразу за всѣми девятью музами», а потомъ успѣлъ даже привлечь самую Эмилию къ изученію исторіи. «Основы философіи Ньютона» были главнымъ произведеніемъ, появившимся изъ подъ пера Вольтера въ первые годы пребыванія въ Сиреѣ. Ихъ печатаніе опять встрѣтило затрудненіе, вытекавшее на этотъ разъ изъ чисто философскихъ соображеній. Канцлеръ д'Агессо, завѣдывавшій дѣлами печати, былъ человекъ ученый и именно поэтому очень твердый въ своихъ научныхъ взглядахъ. Онъ былъ ярымъ картезіанцемъ и не желалъ содѣйствовать распространенію ложной, по его мнѣнію, доктрины. Пожинать не омраченные придирами лавры Вольтеру удавалось, да и то не всегда, только на сценѣ. Данная въ 1736 г. его трагедія «Альзира» имѣла значительный успѣхъ.

Съ 1739 года кончается затворничество въ Сиреѣ. Осень этого года и половину слѣдующаго Вольтеръ и супруги дю-Шатле прожили въ Брюсселѣ, а потомъ проводили зимы въ Парижѣ, возвращаясь въ Сирей на лѣто. Съ этихъ поръ къ безоблачному счастью маркизы начинается примѣшиваться горечь: божественная Эмилия ревнуетъ. Не къ женщинѣ,—въ этомъ отношеніи Вольтеръ не давалъ ей ни малѣйшаго по-

вода, да и вообще никогда первый не измѣнялъ никакой женщины. Предметомъ ея ревности является прусскій король Фридрихъ II. Уже съ 1736 года между нимъ—тогда еще кронпринцемъ—и Вольтеромъ завязалась оживленная переписка. Принцъ оказался горячимъ поклонникомъ Вольтера. О личном знакомствѣ съ своимъ кумиромъ при жизни строгаго отца нечего было и думать, но онъ не упускалъ ни одного случая выразить свои чувства «божеству Сирея» и отправлялъ ему на прочтеніе всѣ свои произведенія въ стихахъ и въ прозѣ. Вольтеръ былъ еще въ Брюсселѣ, когда, 31 мая 1740 года, Фридрихъ вступилъ на престолъ. Уже въ іюнѣ, объѣзжая свои западныя владѣнія, онъ обѣщалъ Вольтеру пробраться инкогнито для свиданія съ нимъ въ Брюссель, но вмѣсто того вызвалъ его въ Кляве, гдѣ остановился задержанный лихорадкой. Въ первый разъ знаменитый писатель увидѣлъ своего коронованнаго поклонника въ комнаткѣ безъ всякой мебели, дрожащимъ подъ плохимъ одѣяломъ въ сильнѣйшемъ припадкѣ лихорадки. Тѣмъ не менѣе, когда пароксизмъ миновалъ, король одѣлся, и за долгимъ ужиномъ они основательно разобрали, по словамъ Вольтера, вопросы о безсмертіи души, свободѣ воли и проч., и проч. За первымъ свиданіемъ въ томъ-же году послѣдовало второе, затѣмъ въ 1743 году—новое продолжительное пребываніе у Фридриха. Во время этихъ отлучекъ Эмилія сама не своя. Ей все кажется, что Вольтеръ останется въ Пруссіи, куда она не сможетъ и не захочетъ за нимъ послѣдовать. Письма Вольтера кажутся ей слишкомъ краткими и холодными; она заранѣе протестуетъ противъ величайшей, по ея мнѣнію, подлости: промѣнять женщину на короля. Но Вольтеръ и не думаетъ мѣнять Эмилію на Фридриха, ни, тѣмъ менѣе, предпочесть Берлинъ Парижу, въ которомъ чувствуетъ себя наконецъ въ безопасности. Случилась, правда, маленькая непріятность съ трагедіей «Магометъ». Она была принята на сцену, но затѣмъ, по инсинуаціямъ литературныхъ враговъ Вольтера, Флѣри одумался и посоветовалъ автору—а совѣтъ въ данномъ случаѣ равнялся приказанію, снять ее со сцены, какъ нарушающую уваженіе къ религіи. Вольтеръ придумалъ напечатать свою трагедію съ посвященіемъ папѣ: «Главѣ истинной религіи произведеніе, направленное противъ основателя ложной религіи». Папа принялъ посвященіе, поблагодарилъ автора очень любезнымъ письмомъ, благословилъ его

и прислалъ золотую медаль со своимъ портретомъ. На самомъ дѣлѣ лишь невѣрующее общество, для котораго равны всѣ религіи, могло увидѣть въ «Магометѣ» нападеніе на христіанство. Благочестивымъ людямъ трагедія, наоборотъ, должна была казаться благочестивой и назидательной. Магометъ, правда, изображенъ въ ней самыми отвратительными чертами и въ заключительномъ монологѣ самъ называетъ себя обманщикомъ, злодѣемъ, и проч. Но въ трагедіи нѣтъ и тѣни какого нибудь намека на христіанство, нѣтъ ни малѣйшей аналогіи съ событіями священнои исторіи. Ненависть-же къ «невѣрнымъ» въ былыя, вѣрующія времена всѣми считалась благочестивымъ чувствомъ; нападеніе на ложную религію—защитой истинной. Съ этой точки зрѣнія очевидно взглянуть на дѣло и папа. Но Флёрп думалъ иначе и не взялъ назадъ своего запрещенія. Зато въ 1743 году Вольтера ждало въ театрѣ такое торжество, какого онъ еще ни разу не испытывалъ. Мы говоримъ о представленіи «Меропы». Въ неописанномъ восторгѣ публика вызвала автора, что было не въ обычай и явилось порывомъ непосредственнаго чувства. Онъ показался въ ложѣ своей старой знакомой г-жи де-Вилларъ, присутствовавшей на представленіи со своей молодой невѣсткой герцогиней де-Вилларъ. Желая тутъ-же на мѣстѣ чѣмъ нибудь вознаградить автора, публика шумно потребовала, чтобы молодая герцогиня немедленно поцѣловала его, что та и исполнила ко всеобщему удовольствію.

Изъ всѣхъ произведеній Вольтера трагедіи доставили ему всего больше авторскихъ торжествъ и славы при жизни. До самой смерти его называли авторомъ «Меропы», «Заиры» и проч., а никакъ ни тѣхъ философско-полемическихъ произведеній, которыя наложили такую неизгладимую печать на всѣ сужденія, на весь умъ XVIII вѣка Франціи—да и не одной Франціи. Друзья и рьяные враги находили, правда, и въ его трагедіяхъ кое какіе намеки на вредъ фанатизма и пользу терпимости, но эти намеки были замѣтны лишь людямъ, заранѣе знакомымъ со взглядами автора. Мы говорили уже о «Магометѣ». Также и знаменитая фраза противъ священниковъ въ «Эдипѣ» *) казалась антирелигіозной лишь потому, что была написана врагомъ духовенства. То-же самое говорить объ оракулахъ Іокаста въ трагедіи Софокла, сюжетъ которой заимствовалъ Вольтеръ. Но развязка трагедіи какъ въ греческомъ оригиналѣ, такъ и

*) Les prêtres ne sont pas ce qu'un vain peuple pense и т. д.

во французской передѣлкѣ показываетъ, какъ жестоко ошибаясь Токаста, какъ правы священники и вѣрны предсказанія оракуловъ. Прозанческія произведенія Вольтеръ писалъ для пропаганды своихъ идей, для осмѣянія того, что считалъ зломъ, для побѣненія своихъ враговъ. Трагедіи писались имъ исключительно для славы, для аплодисментовъ и слезъ публики. Онъ тщательно подмѣчалъ, чѣмъ можно угодить этой публикѣ, и всегда былъ готовъ по нѣскольку разъ передѣлывать свои трагедіи по ея указаніямъ. Въ предназначенныхъ для театра произведеніяхъ Вольтеръ не проявилъ и той небольшой способности къ художественному творчеству, которая замѣтна въ его комической поэмѣ «Дѣвственница» и въ его сказкахъ. Эти послѣднія онъ писалъ въ большинствѣ случаевъ съ цѣлью разъяснить читателямъ ту или другую идею, а между тѣмъ небрежно и мимоходомъ онъ придаетъ въ нихъ нѣкоторымъ изъ своихъ героевъ живыя, опредѣленныя фізіономіи, хотя и очерченныя лишь въ самыхъ общихъ контурахъ. Въ его трагедіяхъ нѣтъ и такихъ фізіономій. Въ нихъ есть только положенія иногда дѣйствительно трагическія, — да звучные стихи, въ которыхъ дѣйствующія лица высказываютъ мысли и чувства, соответствующія положеніямъ. Въ общемъ Вольтеръ является въ трагедіяхъ подражателемъ Корнеля и въ особенности Расина, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ довольно робкимъ нововводителемъ. Онъ нахваливалъ, на примѣръ, нелѣпымъ обычаемъ вводить любовь въ каждую трагедію, хотя бы въ видѣ эпизода, почти не связаннаго съ главнымъ дѣйствіемъ. Онъ думалъ, что любовь должна или составлять весь интересъ трагедіи, или совсѣмъ отсутствовать. Сообразно съ этимъ онъ дѣйствительно устранилъ любовь изъ трехъ своихъ трагедій: «Меропы», «Ореста» и «Смерти Цезаря». Но во многихъ другихъ она и у него играетъ роль холоднаго, совсѣмъ ненужнаго эпизода.

Въ Англіи Вольтеръ заинтересовался Шекспиромъ. Онъ нахваливалъ въ немъ смѣсь достоинствъ съ чудовищными недостатками. Нарушеніе всѣхъ трехъ единствъ, частыя убійства на сценѣ и въ особенности грубые разговоры ремесленниковъ, шутовъ и солдатъ — личностей неприличныхъ въ трагедіи — внушали ему глубочайшее отвращеніе. Но въ то-же время ему нравились многіе монологи у Шекспира, и въ особенности сложность и живость дѣйствія, вмѣсто котораго на французской сценѣ допускались лишь рассказы о событіяхъ, происходящихъ за сценой.

Въ трагедіяхъ Вольтера дѣйствія гораздо больше, чѣмъ у его предшественниковъ, но знаменитыя единства часто дѣлають совершенно невѣроятными многочисленныя происшествія, совершающіяся въ одной и той же комнатѣ въ три часа времени. У Шекспира заимствовалъ Вольтеръ сюжеты «Заиръ» и «Смерти Цезаря», а также многія черты и сцены, разсыпанныя въ другихъ его трагедіяхъ. Подъ конецъ жизни, возмущенный тѣмъ, что переводчики Шекспира осмѣлились поставить его выше французскихъ трагиковъ, онъ раскаялся и въ тѣхъ одобрительныхъ отзывахъ, которые дѣлалъ прежде. «Предпочитать чудовище Шекспира Расину! Я скорѣе согласился бы промѣнять Аполлона Бельведерскаго на Христофа» (грубая статуя, отличившаяся колоссальными размѣрами), говорилъ Вольтеръ Дидро. «А что бы вы сказали, — возразилъ Дидро, — если бы этотъ громадный Христофъ, совсѣмъ живой, расхаживалъ по улицамъ?»

ГЛАВА IV.

Вольтеръ—придворный.—Смерть Эмили дю-Шатле.—Берлинъ.—Дружба и ссора съ Фридрихомъ II.—Арестъ во Франкфуртѣ.—Историческія произведенія Вольтера.—«Орлеанская дѣва».

Въ 1744 году Вольтеръ не былъ уже гонимымъ писателемъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ, но не былъ еще и официально признанной знаменитостью Франціи. Онъ былъ уже членомъ почти всѣхъ европейскихъ академій, но тщетно пытался попасть во французскую, какъ вдругъ въ 1745 году на него сразу посыпались всевозможныя официальныя почести.

Умерла Шатору, гласная фаворитка короля, и ей предстояло найти преемницу. Это была въ то время очень важная должность во Франціи, важнѣе министерскаго портфеля. Объ ней давно уже мечтала и повѣряла свои мечты Вольтеру, его хорошая знакомая, молодая красавица г-жа Этюль. Мать—жена крестьянина и содержанка генеральнаго фермера—воспитала ее въ томъ убѣжденіи, что ей предстоитъ быть фавориткой короля. Мечта казалась почти неисполнимой, такъ какъ г-жа Этюль не имѣла доступа ко двору, а мѣста признанныхъ фаворитокъ занимались обыкновенно придворными дамами. Но, когда открылась ваканція, мать и дочь такъ энергично взялись за дѣло; красавица такъ упорно попадалась на глаза королю при всѣхъ его выѣздахъ, что быстро заняла желаемое мѣсто

повѣлительницы короля и Франціи. Ставши маркизой де-Помпадуръ, она не забыла своего стараго знакомаго. По ея желанію, ему было поручино написать стихи для оперы, которая должна была даваться на придворномъ театрѣ по случаю бракосочетанія дофина. Вольтеръ написалъ «Наваррскую принцессу», за что, къ немалому огорченію многихъ родовитыхъ дворянъ, былъ сразу пожалованъ офицеромъ двора ея Королевскаго Величества съ 20,000 франковъ жалованья и сдѣланъ придворнымъ исторіографомъ, а при первой открывшейся ваканціи былъ избранъ наконецъ и въ члены французской академіи. Милости были такъ велики и внезапны, что Вольтеру стало казаться весьма возможнымъ получить въ скорости и министерскій портфель.

Начинается придворный періодъ жизни Вольтера, недолго длившійся къ счастью если не для него, то для его читателей, а въ извѣстномъ смыслѣ и для всего человѣчества. Онъ самъ называлъ свою «Наваррскую принцессу» ярмарочнымъ фарсомъ, а излишней скромностью Вольтеръ никогда не страдалъ. Но не больше литературныхъ достоинствъ и въ другихъ его произведеніяхъ того времени. Все это чисто придворная поэзія, вся сотканная изъ лести, преподносимой подъ различными соусами. Такова поэма, прославляющая битву при Фонтенуа. Она требовала большого искусства, такъ какъ въ ней нужно было назвать въ стихахъ до сотни именъ главныхъ участниковъ битвы, сказать каждому по комплименту и при этомъ не забывать безпрестанно возвращаться къ прославленію короля. Затѣмъ пишется ода на милосердіе Людовика въ побѣдѣ. Наконецъ сооружается пятиактная опера «Храмъ Славы», въ которой Людовикъ XV вводится подъ именемъ Трояна. Даже въ стихотворныхъ посланіяхъ къ третьимъ лицамъ: къ Ришельё, къ герцогинѣ де-Мэнъ и другимъ, Вольтеръ прославляетъ теперь короля, и только короля. Онъ—и Троянъ, и Антонинъ, и Маркъ-Аврелій. Въ посланіи къ герцогинѣ де-Мэнъ Людовикъ XV оказывается даже Александромъ Македонскимъ. Вольтеръ остерегался только называть Христіаннѣйшаго короля своимъ любимымъ историческимъ именемъ императора Юліана. Это имя онъ съ гораздо большей искренностью преподносилъ Фридриху II.

Но какъ ни трудился Вольтеръ, совсѣмъ не поэтическій предметъ его—тоже непоэтическихъ, хотя и стихотворныхъ—восхваленій оставался холоднымъ, какъ ледъ. Король терпѣлъ до поры до времени этого новаго придворнаго, но почти не удо-

ставалъ скрывать своего отвращенія и не говорилъ съ нимъ ни слова. Послѣ представленія на придворномъ театрѣ «Храма Славы» Вольтеръ спросилъ у Ришельё, стоявшаго рядомъ съ королемъ: «Доволенъ ли Троянъ?» Вопросъ предназначался для королевскихъ ушей, но Троянъ молча отвернулся отъ поэта.

Кромѣ холодности Трояна, была у Вольтера и другая, рѣдко покидавшая его, но теперь особенно чувствительная забота: это масса сыпавшихся на него пасквилей. Среди множества литературныхъ враговъ у Вольтера всегда имѣлся какой нибудь одинъ главный. Первымъ изъ такихъ враговъ былъ Ж.-Б. Руссо, затѣмъ — аббатъ Дефонтенъ, доходившій до чисто личныхъ клеветъ, увѣрявшій, что Вольтеръ — воръ, блюдолизъ, что его отецъ былъ крестьяниномъ и проч. Едва въ 1745 году умеръ Дефонтенъ, на смѣну ему явился Фреронъ, и не отставалъ уже отъ Вольтера втеченіи всей его жизни. Теперь въ пасквиляхъ осмѣивались придворные успѣхи новаго камерюнкера и его вступленіе въ академію. Вольтеръ затѣваетъ процессы, добивается запрещенія позорящихъ его произведеній и даже ареста одного изъ продавцевъ запрещенныхъ пасквилей. Для писателя, и раньше, и позже дававшаго такъ много работы этимъ тайнымъ продавцамъ, которыми кишѣлъ тогдашній Парижъ, было въ высшей степени неприлично участвовать въ преслѣдованіи хотя бы одного изъ нихъ. Но такова уже основная черта характера Вольтера, что, разъ взявшись за что нибудь, разъ вступивши въ какую нибудь борьбу — славную или безславную — онъ не останавливался на полпути и всегда готовъ былъ зарваться въ крайности. У него, какъ и всѣхъ тѣхъ изъ его современниковъ, которые потеряли вѣру въ традиціи, не было никакихъ заранѣе готовыхъ опредѣленныхъ нравственныхъ правилъ. Еще не было вокругъ него въ сороковыхъ годахъ и сложившейся партіи единомышленниковъ, съ неизбѣжно вырабатывающимся въ каждой партіи опредѣленнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Единственнымъ судьей его поступковъ оставался такимъ образомъ разумъ. А у такого впечатлительнаго, горячаго человѣка, какъ Вольтеръ, его индивидуальный «разумъ» не могъ не рѣшатъ — и слишкомъ часто рѣшалъ — подъ диктовку страстей.

Но рядомъ съ дурными чертами онъ въ то же время проявлялъ и самыя лучшія. Вольтеръ всегда былъ такимъ же горячимъ, неутомимымъ другомъ, какъ и неутомимымъ врагомъ. Онъ имѣлъ при этомъ свойство становиться другомъ почти cadaго,

кто обращался къ нему за помощью, или кому онъ самъ предлагалъ ее. Всего охотнѣе помогалъ онъ людямъ, подававшимъ какую нибудь надежду сдѣлаться писателями или артистами. И его помощь не была небрежной помощью богатаго барина. Онъ входилъ во всѣ интересы вновь пріобрѣтеннаго друга; при малѣйшей возможности поселялъ его у себя; тратилъ для него не однѣ деньги, а также трудъ, время: переправлялъ его сочиненія, хлопоталъ объ ихъ помѣщеніи. Такъ, онъ долго возился съ нѣкимъ Линаномъ, теперь поддерживалъ Мармонтеля. Не разъ случалось, что его протежэ перебѣгали на сторону враговъ, и самому злему изъ этихъ враговъ, аббату Дефонтену, онъ оказалъ въ началѣ ихъ знакомства очень важныя услуги. Но эти измѣны ничуть не отзывались на судьбѣ людей, послѣ нихъ обращавшихся къ нему за помощью: онъ также увлекался ими, также горячо объ нихъ заботился. «У этого негодяя—восклицаетъ нелюбившій Вольтера Мариво—однимъ порокомъ больше, чѣмъ у другихъ, и именно: онъ иногда бываетъ добродѣтельнымъ!» Въ разгаръ увлеченія придворной карьерой его любимцемъ былъ рано умершій даровитый юноша Вовенаргъ. На 20 слишкомъ лѣтъ моложе Вольтера, больной, онъ велъ уединенный образъ жизни, думалъ на досугѣ и записывалъ свои мысли, сообщая ихъ лишь близкимъ друзьямъ. Характеръ его ума былъ совершенно противоположенъ характеру ума Вольтера. Онъ занимался больше нравственными вопросами, придавалъ огромное значеніе чувству; его выраженіе: «Великія мысли вытекаютъ изъ сердца», пріобрѣло извѣстность. Вольтеръ часто расходился съ нимъ во взглядахъ, но преклонялся предъ его нравственной чистотой, его «добродѣтелью», какъ тогда выражались. Близкій съ обоими, Мармонтель говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что его восхищало нѣжное уваженіе, которымъ знаменитый писатель окружалъ своего молодого друга.

Между тѣмъ положеніе Вольтера при дворѣ становилось все болѣе и болѣе шаткимъ. Благочестивая королева и большая часть придворныхъ искали лишь удобнаго повода, чтобы устранить его. Поводъ нашелся въ мадригалѣ, поднесенномъ поэтомъ г-жѣ Помпадуръ, оставшейся его единственной покровительницей. Стихотвореніе заканчивалось пожеланіемъ, чтобы какъ король, такъ и она сама навсегда сохранили свои завоеванія. Это понравилось Помпадуръ, но возбудило толки при дворѣ королевы. Выставлялось на видъ, какъ неприлично ставить на одну

доску завоеванія короля во Фландріи, съ завоеваніемъ его собственной особы фавориткой. Толки приняли такіе размѣры, что Вольтеръ съ г-жою дю-Шатле сочли за лучшее послѣдно уѣхать въ Сирей, а оттуда — въ Люневиль, гдѣ прожили весь 1748 и половину 1749 года при дворѣ Станислава Лещинскаго, этого польскаго пана и совершеннѣйшаго французскаго сеньора, бывшаго два раза польскимъ королемъ, а теперь доживавшаго вѣкъ въ Лотарингіи съ сохраненіемъ королевскаго титула, но почти безъ всякой власти. Онъ считалъ себя философомъ, правда, христіанскимъ, какъ свидѣтельствовало заглавіе одного изъ его сочиненій, но это не мѣшало ему давать, подобно безбожному Фридриху, поправлять свои сочиненія Вольтеру. Жизнь текла здѣсь такъ спокойно и свободно, что напоминала скорѣе беззаботное существованіе въ гостяхъ у частнаго богатаго человѣка, чѣмъ при дворѣ.

Вмѣсто внѣшнихъ бурь, явились внутреннія. При томъ же дворѣ проживалъ будущій авторъ описательной поэмы «Времена года», тогда еще просто молодой, блестящій офицеръ Сень-Ламберъ, которому выпало на долю отбить любимыхъ женщинъ у двухъ величайшихъ писателей Франціи: сперва — у Вольтера, а черезъ 8 лѣтъ — у Ж.-Ж. Руссо. Онъ правился не однѣмъ женщинамъ, а также и мужчинамъ, и сразу завоевалъ всѣ симпатіи Вольтера. Лѣтомъ 1748 года этотъ послѣдній внезапно открылъ, что его божественная Эмилія принадлежитъ другому. Подъ первымъ впечатлѣніемъ онъ, хотя больной, рѣшилъ тою же ночью уѣхать изъ замка Коммерси, лѣтней резиденціи Станислава, гдѣ происходило дѣло. Но Эмилія пришла къ нему и повела разсудительныя рѣчи: за что ему сердиться? Чѣмъ огорчаться? Онъ боленъ, онъ нуждается въ спокойствіи, а ей нужна любовь. Не лучше ли, что она полюбила человѣка, къ которому онъ самъ относился дружески, чѣмъ когонибудь другого?

Рѣчи подѣйствовали на Вольтера, онъ успокоился, обнялъ пришедшаго Сень-Ламбера, призналъ, что былъ неправъ, что ему, старику, не слѣдовало предъявлять требованій на чувство, принадлежащее молодости (Сень-Ламберу 32 года, но Эмиліи уже за 40), и остался жить со своимъ другомъ. Эту, характерную для людей XVIII-го вѣка, сцену рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ секретарь Вольтера, Лоншанъ, слышавшій разговоръ изъ сосѣдней комнаты.

Вольтеръ не жалѣлъ конечно, что провелъ еще годъ со своимъ незамѣннымъ другомъ. Ему и безъ того предстояло скоро потерять Эмилию, умершую отъ послѣродовой болѣзни 10-го сентября 1749 года. Она предвидѣла громадную опасность родовъ въ такіе годы, послѣ двадцатипятилѣтняго промежутка. Ея главнѣйшей заботой въ послѣдніе мѣсяцы жизни было опасеніе, что ея «Комментаріи» къ сдѣланному ею переводу «Принциповъ» Ньютона останутся неконченными. Чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ напряженнѣе она работала. Начало родовъ застало ее за этимъ трудомъ. Сверхъ ожиданія роды были легки, но черезъ нѣсколько дней послѣродовая болѣзнь свела ее въ могилу. Выйдя изъ комнаты своего умершаго друга, Вольтеръ упалъ безъ чувствъ внизу лѣстницы, гдѣ его нашель Сенъ-Ламберъ.

Люневиль опротивѣлъ Вольтеру. Онъ переѣхалъ въ Парижъ и поселился въ томъ же домѣ, гдѣ раньше жилъ съ Эмилией. Въ страшной тоскѣ бродилъ онъ по цѣлымъ ночамъ по комнатамъ, точно разыскивая умершую, не хотѣлъ никого видѣть и не выказывалъ ни къ чему интереса. Послѣднее обстоятельство, какъ слишкомъ противорѣчащее характеру Вольтера, особенно пугало его близкихъ друзей. Д'Аржанталь и Ришелье употребляли всѣ усилія, чтобы разбудить въ немъ страсть къ театру. За послѣдніе годы при дворѣ вошло въ моду прославлять, на зло Вольтеру, въ качествѣ перваго современнаго трагика почти забытаго Кребиллона. Это прежде бѣсило Вольтера, и еще при жизни Эмилии онъ работалъ въ Люневилѣ надъ двумя трагедіями на тѣ же сюжеты, которые были разработаны Кребиллономъ: «Орестомъ» предпологалось побить «Электру», а «Спасеннымъ Римомъ» — «Катилину» Кребиллона. Д'Аржанталь и Ришелье нарочно рассказывали Вольтеру о славѣ Кребиллона, на сторону котораго враги успѣли уже перетянуть и Помпадуръ. Друзья рассчитали вѣрно: жилка борьбы заговорила въ Вольтерѣ. Онъ согласился поставить на сцену «Ореста», который былъ впрочемъ безошадно освистанъ, благодаря усиліямъ сторонниковъ Кребиллона. Но Вольтеръ уже нашель себѣ другую заботу, отвлекавшую его отъ тоски и болѣе симпатичную, чѣмъ соперничество со старымъ Кребиллономъ.

Въ Парижѣ существовало въ то время нѣсколько обществъ любителей изъ буржуазіи, игравшихъ небольшія пьесы въ нанятыхъ помѣщеніяхъ. Попавши на одно изъ такихъ представ-

лений, Вольтеръ былъ очарованъ талантливой игрой одного молодого ремесленника, Лекена. Послѣ представленія онъ зазвалъ его къ себѣ, обласкалъ и, узнавши, что тотъ, по недостатку средствъ, не можетъ совершенствоваться своей талантъ, тутъ-же предложилъ ему значительную денежную помощь. Лекенъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что былъ растроганъ до слезъ такой добротой въ человѣкѣ, котораго молва рисовала жаднымъ, безсердечнымъ эгоистомъ. При слѣдующихъ свиданіяхъ Вольтеръ окончательно увлекся юношей, поселилъ его у себя, давалъ ему уроки, устроилъ для него домашнюю сцену, на которой тотъ игралъ вмѣстѣ съ товарищами. Онъ-же потомъ выхлопоталъ Лекену дозволеніе дебютировать на сценѣ. Это было едва-ли не самое удачное изъ всѣхъ внезапныхъ увлеченій Вольтера подающими надежды юношами. Лекенъ скоро сдѣлался лучшимъ парижскимъ актеромъ и навсегда остался преданнымъ другомъ своего знаменитаго покровителя, его «благороднымъ ученикомъ», какъ онъ самъ называлъ себя.

Между тѣмъ положеніе въ Парижѣ становилось все тяжелѣе для Вольтера: въ литературѣ его осыпали пасквилями, при дворѣ и въ театрѣ торжествовали его враги. Съ другой стороны, Фридрихъ II все настойчивѣе и настойчивѣе звалъ его къ себѣ. «Обыкновенно мы, писатели, хвалимъ королей, а этотъ самъ расхваливалъ меня съ головы до ногъ въ то время, какъ негодяи... позорили меня на весь Парижъ по меньшей мѣрѣ разъ въ недѣлю... Какъ было устоять противъ побѣдоноснаго короля, поэта, музыканта и философа, который дѣлалъ видъ, что любить меня? Мнѣ показалось, что я тоже люблю его». Такъ объясняетъ Вольтеръ въ мемуарахъ свое рѣшеніе поѣхать къ Фридриху.

Въ началѣ іюня 1750 года онъ выѣхалъ изъ Парижа съ дозволенія Людовика XV-го, съ сохраненіемъ своего придворнаго титула и званія исторіографа, вовсе не предчувствуя, что вернется въ этотъ городъ лишь за три мѣсяца до смерти. Фридрихъ встрѣтилъ Вольтера самымъ дружескимъ образомъ, поселилъ его во дворцѣ какъ разъ подъ своими комнатами и предоставилъ своему гостю полную свободу.

За ужиномъ собиралась компанія личныхъ друзей короля. Это были въ большинствѣ французы, между которыми выдавался Ла-Меттри. Былъ одинъ итальянецъ—уже извѣстный намъ Альгаротти, одинъ венгерецъ и не одного нѣмца. Чтобы попасть на

эти ужины, требовалось быть вольнодумцемъ и умнымъ человекомъ. «Никогда и нигдѣ въ мірѣ не говорили съ такой свободой обо всѣхъ человѣческихъ суевѣріяхъ и не третировали ихъ съ большими насмѣшками и презрѣніемъ...» говоритъ Вольтеръ, характеризуя знаменитые ужины. За ними говорилось много остроумныхъ вещей. «Король самъ проявлялъ умъ и вызывалъ другихъ на его проявленіе и, что всего удивительнѣе, — добавляетъ Вольтеръ, — я никогда не ужиналъ съ меньшими стѣсненіями».

Фридрихъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы склонить своего гостя на прочное водвореніе въ Пруссіи. Парижскіе друзья отговаривали Вольтера отъ этого шага, пугая его той рабской зависимостью, въ которую онъ станетъ по отношенію къ Фридриху, поступивши на его службу. Вольтеръ письменно сообщилъ королю объ этихъ опасеніяхъ. Они нерѣдко переписывались другъ съ другомъ изъ одного этажа въ другой. «Мы — оба философы, — отвѣчала между прочимъ королю. — Что можетъ быть естественнѣе, если два философа, связанные одинаковыми предметами изученія, общностью вкусовъ и образа мыслей, доставляютъ себѣ удовольствіе совмѣстной жизни? Я уважаю васъ, какъ моего учителя въ краснорѣчїи и знанїи; я люблю васъ, какъ добродѣтельнаго друга. Какого-же рабства, какого несчастія можете вы опасаться въ странѣ, гдѣ васъ цѣнятъ, какъ въ отечествѣ, живя у друга, имѣющаго благодарное сердце?»

«Немногія коронованныя особы писали такія письма, — говоритъ Вольтеръ. Оно окончательно опьяняло меня. Словесныя увѣренія были еще горячѣе... Онъ поцѣловалъ мою руку, я отвѣтилъ ему тѣмъ-же и сталъ его рабомъ».

Рабство было вначалѣ самымъ прїятнымъ, какое только можно себѣ представить. Вольтеръ былъ сдѣланъ камергеромъ съ 20.000 франковъ годового содержанія, получилъ золотой ключъ и орденъ на шею.

«Моя должность — писалъ онъ въ Парижъ — заключается въ томъ, чтобы ничего не дѣлать. Часъ въ день я посвящаю королю, чтобы нѣсколько сглаживать слогъ его произведеній въ стихахъ и прозѣ... Все остальное время остается въ моемъ полномъ распоряженіи, а вечеръ заканчивается прїятнымъ ужиномъ».

Свой досугъ онъ употребилъ прежде всего на окончаніе давно начатой «Исторїи вѣка Людовика XIV», которая и была отпечатана въ Берлинѣ въ 1751 году. По обилію и тщательной провѣркѣ матеріала это — лучшій изъ историческихъ трудовъ Вольтера.

Но преклоненіе автора предъ величайшимъ, по его мнѣнію, вѣкомъ, доведшимъ искусство и поэзію (его любимую трагедію) до совершенства,—преклоненіе, распространенное и на короля, покровительствовавшего искусству, поощрявшаго блескъ, роскошь и утонченность цивилизаціи, вызывало неудовольствіе даже среди учениковъ и послѣдователей Вольтера, принадлежавшихъ къ молодому, болѣе демократически настроенному поколѣнію.

Не смотря на свое отвращеніе къ Вольтеру, Людовикъ XV былъ очень недоволенъ его переходомъ на службу Фридриха, а при дворѣ этотъ поступокъ прямо называли «дезертерствомъ». Возможность возвращенія во Францію становилась проблематической. А между тѣмъ и въ Берлинѣ безоблачное счастье было очень непродолжительно. Къ восторженнымъ описаніямъ жизни у Фридриха начинаютъ примѣшиваться печальныя нотки. «Все хорошо,—пишетъ онъ уже въ ноябрѣ 1750 года,—театръ, ужины короля, но, но... Въ Берлинѣ прекрасныя зданія, прелестныя принцессы и придворныя дамы, но, но...». Изъ дальнѣйшей переписки, а также изъ мемуаровъ мы можемъ догадаться о смыслѣ этихъ таинственныхъ *но*. Вольтеръ начинаетъ чувствовать себя не совсѣмъ свободно со своимъ всеильнымъ другомъ, опирающимся на 150.000 побѣдоноснаго войска. Умъ этого вѣнценоснаго друга также свободенъ отъ предразсудковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всякихъ опредѣленныхъ нравственныхъ правилъ, какъ и умъ самого Вольтера. Онъ обладаетъ безпощадной, ни предъ чѣмъ не останавливающейся волей. Онъ по кошачьи ласковъ со своими «друзьями» и по кошачьи-же царапаетъ ихъ, когда вздумается. «Всякое общество,—пишетъ Вольтеръ,—если оно не состоитъ изъ львовъ и козъ (басня Лафонтена), имѣетъ свои законы, а Фридрихъ нарушилъ первѣйшій изъ этихъ законовъ: не говоритъ присутствующимъ ничего непріятнаго». Маленькія царапины то тому, то другому изъ присутствующихъ наносились шутя, но въ наносившей ихъ лапѣ чувствовалась львиная сила, могущая, при желаніи, совершенно уничтожить бѣдную козу.

Первое соприкосновеніе съ королевскими когтями было тѣмъ чувствительнѣе для Вольтера, что онъ самъ подалъ къ нему поводъ и не могъ жаловаться. Этимъ поводомъ послужила страсть Вольтера къ денежнымъ спекуляціямъ, которыми онъ такъ счастливо занимался во Франціи и попробовалъ заняться также въ Пруссіи. Не поладивъ съ факторомъ-евреемъ отно-

сительно вознагражденія, Вольтеръ заупрямился, довель дѣло до суда, и хотя судъ рѣшилъ въ его пользу, но въ обществѣ осталось подозрѣніе, что знаменитый писатель перехитрилъ хитрѣйшаго изъ берлинскихъ жидовъ. Фридрихъ, бывший въ Потсдамѣ въ то время, какъ Вольтеръ судился въ Берлинѣ, написалъ ему по этому поводу безпощадное письмо. Онъ высчиталъ всѣ его вины: Вольтеръ впуталъ его въ свои ссоры съ литературными врагами, онъ всегда со всѣми ссорился, имѣлъ процессы еще въ Парижѣ, а теперь занялся спекуляціями и втянулся въ скандальное дѣло съ жидомъ, одно имя котораго, упоминаемое рядомъ съ именемъ Вольтера, является позоромъ для послѣдняго, и проч., и проч.

Словомъ, Фридрихъ разбранилъ Вольтера, какъ провинившагося мальчишку, не забывая при этомъ упоминать о его почтенномъ возрастѣ. И Вольтеру пришлось проглотить обиду и просить извиненія. Эта исторія всегда приводилась врагами Вольтера въ доказательство его безмѣрнаго корыстолюбія. Замѣтимъ только, что весь споръ съ евреемъ шелъ о суммѣ въ 1.000 талеровъ, а за годъ передъ этимъ, по разсказу Лекена, тотъ-же человѣкъ предложилъ ему, въ первый разъ его видя, 10.000 фр. и затѣмъ дѣйствительно истратилъ для него не меньшую сумму. Черезъ нѣсколько лѣтъ Вольтеръ затѣветъ съ президентомъ де-Броссъ, у котораго купилъ имѣніе, длиннѣйшій споръ изъ за нѣсколькихъ вязанокъ дровъ, стоимостью самое большее въ 170 фр. Для богача Вольтера, въ то же самое время раздававшего гораздо большія суммы, 170 фр. не могли имѣть значенія. А между тѣмъ, поавши на человѣка, такого-же упрямаго, какъ и самъ, онъ провозился съ этимъ дѣломъ болѣе года. Спекулировалъ Вольтеръ конечно изъ корыстолюбія,—изъ стремленія увеличивать свои средства, но затѣвалъ нелѣпые процессы, сильно вредившіе его репутаціи, никакъ не изъ корыстолюбія, а изъ упрямства, страсти къ борьбѣ, изъ желанія наказать за несправедливое, по его мнѣнію, требованіе.

Фридрихъ простилъ Вольтера. Исторія съ евреемъ была предана забвенію. Жизнь повидимому шла по-прежнему, но Вольтеръ уже не чувствовалъ себя по-прежнему. Ламеттри, самый близкій къ королю изъ окружавшихъ его иностранцевъ, еще усилилъ безпокойное чувство Вольтера. Онъ разсказалъ ему, что король въ разговорѣ о немъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Онъ еще нуженъ пока, но разъ сокъ

изъ апельсина выжать, корку бросаюгъ». Вольтеръ былъ сильно взволнованъ этой фразой. Онъ безпрестанно возвращается къ ней во всѣхъ письмахъ этого времени. Иногда на него нападало сомнѣнiе: Ла-Меттри любить насмѣхаться надъ людьми, — не были-ли слова о коркѣ только злой шуткой этого насмѣшника? Вольтеръ принимался тогда разспрашивать Ла-Меттри, умолялъ его сказать правду — тотъ стоялъ на своемъ. Ла-Меттри умеръ въ ноябрѣ 1751 года, и Вольтеръ очень жалѣлъ, что не могъ еще разъ поговорить съ нимъ передъ смертью, — можетъ быть онъ сказалъ-бы наконецъ правду.

Какъ бы тамъ ни было, Вольтеръ сталъ готовить свое удаленiе изъ Берлина, рѣшивъ, какъ онъ выражается, «убрать апельсинную корку въ безопасное мѣсто». Онъ началъ съ того, что убралъ свои капиталы, перемѣстивъ ихъ изъ Пруссiи въ Виртембергъ. Къ сплетнямъ Вольтеру на короля не замедлили присоединиться также сплетни королю на Вольтера. Сперва ему передали слова Вольтера, что со смертью Ла-Меттри «открылась ваканцiя на должность королевскаго атеиста». На это Фридрихъ не обратилъ вниманiя. Но когда ему сказали, что Вольтеръ называетъ его стихи «грязнымъ бѣльемъ, которое отдается ему для стирки», и вообще не находитъ ихъ хорошими, обращенiе короля измѣнилось и стиховъ для стирки стало присылаться гораздо меньше.

Вольтеръ былъ убѣжденъ, что этими сплетнями занимался не кто иной, какъ президентъ берлинской академiи Мопертюнъ, который когда-то былъ его прiятелемъ, но, встрѣтясь съ нимъ въ Берлинѣ, началъ относиться къ нему очень недоброжелательно, а подъ конецъ — прямо враждебно. Мопертюнъ опубликовалъ передъ этимъ свое, очень важное по его мнѣнiю, научное открытiе на счетъ «сбереженiя силы» природы. Кѣнигъ — близкiй знакомый Вольтера по Сирею — бывший членомъ берлинской академiи, сообщилъ президенту свои возраженiя на его открытiе и показалъ копiю съ письма Лейбница, въ которомъ знаменитый философъ говоритъ о томъ-же законѣ «сбереженiя силы», но не признаетъ его вѣрнымъ. Открытiе оказывалось такимъ образомъ вовсе не открытiемъ. Мопертюнъ, привыкшiй къ безусловному подчиненiю со стороны членовъ берлинской академiи, отнесся очень сурово къ дерзости Кѣнига и даже не прочелъ его мемуара. Тотъ тѣмъ не менѣе напечаталъ его. Мопертюнъ, зная отъ самого Кѣнига, что у него имѣется только копiя съ письма Лейбница, потребовалъ предъявленiя оригинала и назначилъ для

этого срока. Достать оригиналь не было возможности. Срокъ прошелъ, и Мопертюи въ торжественномъ засѣданіи своей покорной академіи объявилъ Кёнига фальсификаторомъ. Тотъ аппелировалъ къ общественному мнѣнію. Поступокъ былъ дѣйствительно возмутительный: особаго рода академическое судебное убійство. Если-бы Вольтеръ и не дружилъ съ Кёнигомъ, и не былъ золъ на Мопертюи, онъ все-таки возмущился бы и напалъ на обидчика, какъ не разъ въ жизни дѣлалъ это безъ всякихъ личныхъ мотивовъ. Тѣмъ охотнѣе сдѣлалъ онъ это теперь, разоблачивъ во французскихъ журналахъ всю неприглядность поступка президента берлинской академіи. Но на этомъ дѣло не кончилось. Мопертюи, точно нарочно на соблазнъ Вольтеру, вскорѣ выпустилъ книжку «Писемъ», дававшихъ обильную пищу для насмѣшки. Говорятъ, что, огорченный противорѣчіемъ Кёнига, властолюбивый президентъ началъ въ это время усиленно прибѣгать къ водкѣ и напсалъ большую часть своего произведенія подъ дѣйствіемъ этого напитка. Иначе дѣйствительно трудно объяснить себѣ всю массу фантазій, серьезно предлагаемыхъ публикѣ въ этихъ удивительныхъ «Письмахъ». Тамъ имѣются проекты прорыть отверстіе до центра земли и выстроить городъ, въ которомъ всѣ жители говорили-бы исключительно по-латыни. Смерть, которую авторъ считаетъ моментомъ полной зрѣлости человѣка, можетъ быть, по его мнѣнію, значительно отсрочена посредствомъ обмазыванія тѣла смолой для предотвращенія испареній. Человѣкъ, думаетъ Мопертюи, можетъ узнавать будущее, приводя свою душу въ экзальтированное состояніе, а природу этой души можно узнать, разсѣкая мозги гигантовъ, живущихъ въ Патагоніи. Можно себѣ представить, какъ отлично воспользовался этими фантазіями Вольтеръ. Между прочимъ Мопертюи предлагаетъ въ тѣхъ-же письмахъ платить докторамъ лишь въ томъ случаѣ, когда больные выздоравливаютъ. Не смотря на такую жестокость, добрый докторъ Акакія (по-гречески—«безъ лукавства»), отъ имени котораго Вольтеръ написалъ свою «Діатрибу» противъ Мопертюи, берется лечить злого уроженца С. Мало (родина президента) отъ его хронической болѣзни, называемой филократіей, и дѣйствительно лечитъ въ самой остроумной сатирѣ, когда либо выходившей изъ подъ пера Вольтера. Фридрихъ, принявшій въ дѣлѣ съ Кёнигомъ сторону Мопертюи, разсердился.

Послѣ грознаго внушенія онъ сжегъ въ присутствіи астора всѣ экземпляры «Діатрибы» въ каминѣ собственнаго кабинета. Съ Вольтера взято было письменное обязательство больше не трогать президента. Король могъ думать, что сжегъ послѣдняго отъ посмѣванія. Но едва догорѣли отпечатанные въ Потсдамѣ экземпляры, какъ изъ Дрездена пришло и наводнило Берлинъ новое изданіе того-же памфлета. Въ Парижѣ, какъ оказалось, онъ разошелся въ тысячахъ экземпляровъ, и вся читающая Европа хохотала уже надъ несчастнымъ Мопертюи. Фридрихъ пришелъ въ бѣшенство и приказалъ (24 декабря 1752 года) жечь ненавистную брошюру на площадяхъ Берлина рукою палача. Оскорбленный Вольтеръ отослалъ королю знакъ своего камергерскаго достоинства и орденъ и просилъ отставки. Фридрихъ желалъ унижить, наказать Вольтера, но не желалъ съ нимъ разставаться. Въ тотъ-же день довѣренный секретарь короля, Фредерсдорфъ, принесъ ему обратно ключъ и орденъ съ самыми миролюбивыми предложеніями. Король опять желаетъ видѣть его за своими ужинами и зоветъ съ собою въ Потсдамъ, куда отправляется въ концѣ мѣсяца. Вольтеръ отговаривается нездоровьемъ, ему нужно лечиться. Фридрихъ присылаетъ хинины. «Хинина не поможетъ,—отзывается Вольтеръ:—необходима поѣздка на воды въ Пломбьеръ». — «Въ моихъ владѣніяхъ въ Глацъ тоже есть воды не хуже французскихъ», — отвѣчаетъ король.

Фридрихъ не захотѣлъ бы конечно насильно держать Вольтера, но могъ при отъѣздѣ надѣлать ему много непріятностей. Вольтеръ, твердо рѣшившійся уйти изъ подъ власти своего бывшаго друга, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ поѣхалъ въ Потсдамъ, гдѣ находился король, провелъ съ нимъ недѣлю и снова ужиналъ «подъ мечемъ Дамокла», по его выраженію. Съ внѣшней стороны старыя отношенія были восстановлены. Вольтеръ получилъ дозволеніе отправиться въ Пломбьеръ, давши слово вернуться обратно осенью.

26-го марта 1753 года онъ выѣхалъ изъ Потсдама и черезъ два дня былъ уже въ Лейпцигѣ, гдѣ остановился на нѣсколько недѣль. Со времени появленія «Діатрибы» у него накопилось уже немало новыхъ насмѣшекъ надъ Мопертюи, и онъ не преминулъ сообщить ихъ многочисленнымъ знакомымъ, которыхъ тотчасъ-же пріобрѣлъ въ Лейпцигѣ. Слухи о новыхъ готовящихся сатирахъ дошли до Берлина, и злой геній внушилъ Мопертюи мысль написать Вольтеру угрожающее письмо,

въ которомъ президентъ заявляетъ, что онъ достаточно здоровъ, чтобы настичь Вольтера и лично отомстить ему. Такое письмо заслуживало отвѣта, который и былъ написанъ въ самой «дружеской» формѣ отъ имени все того же добраго доктора Акакія. «Поздравляю васъ съ прекраснымъ состояніемъ вашего здоровья, — пишетъ докторъ, — но я не такъ здоровъ, какъ вы. Я въ постели и прошу васъ отложить на время маленькій физическій опытъ, которому вы намѣрены меня подвергнуть. Вы, можетъ быть, хотите меня анатомировать? Но подумайте о томъ, что я вовсе не гигантъ изъ Патагоніи, и мой мозгъ такъ малъ, что разсѣченіе его волоконъ не дастъ вамъ никакихъ новыхъ свѣдѣній относительно души... Сдѣлайте также одолженіе обратить ваше вниманіе на слѣдующее обстоятельство: если вы соблаговолите экзальтировать вашу душу, чтобы ясно видѣть будущее, вы тотчасъ увидите, что, явившись убивать меня въ Лейпцигѣ, гдѣ васъ также мало любятъ, какъ и повсюду, и гдѣ ваше письмо извѣстно, вы рискуете быть повѣшеннымъ, что слишкомъ ускорило-бы моментъ наступленія вашей зрѣлости и было-бы неприлично для президента академіи». Одновременно съ этимъ Вольтеръ проситъ секретаря берлинской академіи вычеркнуть его изъ списковъ, такъ какъ иначе было бы слишкомъ много затрудненій съ составленіемъ похвальнаго слова умершему члену послѣ убійства и анатомированія, которыя совершить надъ нимъ президентъ. Кромѣ того въ «Лейпцигской газетѣ» появилось объявленіе съ комическими примѣтами неизвѣстнаго человѣка и общаніемъ тому, кто извѣститъ объ его прибытіи, награды въ 1.000 дукатовъ изъ фонда латинскаго города, который будетъ выстроенъ этимъ неизвѣстнымъ.

Потѣшившись такимъ образомъ и потѣшивши читателей, Вольтеръ переѣхалъ въ Готу; гдѣ прожилъ пять недѣль въ гостяхъ у герцога. А тѣмъ временемъ новыя посланія доктора Акакія дѣлали свое дѣло, и надъ Вольтеромъ собиралась гроза. Увидя изъ продолженія войны съ Мопертюи, какъ твердо рѣшилъ Вольтеръ не возвращаться въ Пруссію, Фридрихъ обезпокоился. Мы знаемъ, какъ любилъ онъ писать стихи. Его избранныя стихотворенія были отпечатаны въ нѣсколькихъ экземплярахъ и розданы ближайшимъ друзьямъ, въ томъ числѣ и Вольтеру. Въ этихъ стихахъ было немало злыхъ выходокъ противъ коронованныхъ особъ, немало также насмѣшекъ и надъ религіей. Ихъ опубликованіе было бы очень непріятно королю. Не довѣряя болѣе

Вольтеру, Фридрихъ рѣшилъ отобрать у него оффиціальнымъ путемъ свои стихи, а кстати ужь отобрать также орденъ, ключъ и нѣкоторыя письма. Сдѣлать это въ Готѣ, у гостя герцога, было неудобно, и приказъ былъ посланъ во Франкфуртъ, который лежалъ на пути Вольтера, и гдѣ не было коронованныхъ особъ.

Прибывъ 31 мая во Франкфуртъ и переночевавъ въ гостинницѣ, Вольтеръ приготовлялся уже двинуться въ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ къ нему явился прусскій резидентъ во Франкфуртѣ, Фрейтагъ, въ сопровожденіи прусскаго офицера, и потребовалъ у Вольтера выдачи имъ извѣстнаго ключа, ордена, писемъ, а главное — книги «поэтическихъ произведеній моего милостиваго короля», какъ выражался Фрейтагъ о стихахъ Фридриха. Все остальное Вольтеръ отдалъ, но книга вмѣстѣ съ частью его вещей была оставлена въ Лейпцигѣ для пересылки въ Страсбургъ. Фрейтагъ сдѣлалъ подробный обыскъ, длившійся цѣлыхъ 8 часовъ, но «поэтическихъ произведеній» не оказалось, и Вольтеру было объявлено, что онъ остается подъ домашнимъ арестомъ до прибытія вещей изъ Лейпцига. Понятно бѣшенство Вольтера, но пока онъ еще крѣпился.

Его племянница, дочь его умершей сестры, бездѣтная вдова, г-жа Дени, ожидавшая дядю въ Страсбургѣ, при извѣстіи объ арестѣ, пріѣхала во Франкфуртъ и осталась съ нимъ въ гостинницѣ. 18-го іюня прибыли вещи изъ Лейпцига и съ ними королевскіе стихи, но Фрейтагъ, не получившій еще отвѣта на посланный имъ въ Берлинъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, отказался отпустить плѣнника.

Окончательно выведенный изъ терпѣнія и опасаясь за свою дальнѣйшую судьбу, Вольтеръ рѣшился бѣжать и 20-го іюня тайно выѣхалъ съ своимъ секретаремъ Коллини, но на заставѣ былъ задержанъ бдительнымъ Фрейтагомъ и теперь уже, какъ преступникъ, подвергнутъ настоящему строгому аресту. У него отобрали всѣ вещи, деньги, даже табакерку. Такимъ-же строго-стиямъ были подвергнуты Коллини и г-жа Дени. Всѣхъ ихъ размѣстили по разнымъ комнатамъ очень плохой гостинницы и представили къ каждому по четыре солдата. На слѣдующій день изъ Берлина пришло приказаніе отпустить Вольтера. Но Фрейтагъ рассудилъ, что приказаніе дано до бѣгства, — бѣгство-же есть преступленіе противъ короля, и теперь онъ не можетъ отпустить арестянта, не получивши новаго приказанія. Въ ожиданіи этого приказанія прошло еще двѣ недѣли строжайшаго ареста и лишь

7-го іюля Вольтеръ выѣхалъ наконецъ изъ Франкфурта, поплатившись, вдобавокъ, значительной суммой на покрытіе издержекъ по содержанію его подъ арестомъ.

Онъ стремился въ Парижъ, но, зная, какъ дурно было принято его «дезертерство» и какъ мало могла поправить его дѣла ссора съ Фридрихомъ, дружба котораго все же придавала ему при дворѣ извѣстное значеніе, онъ былъ въ нерѣшимости и остановился пока въ Страсбургѣ. При немилости двора Вольтеръ, не смотря на свои 60 лѣтъ и европейскую славу, могъ всего опасаться отъ враговъ, а въ такіе годы и при расшатанномъ здоровьѣ преслѣдованія переносятся совсѣмъ не такъ легко, какъ въ молодости. Вражда-же духовенства давала себя чувствовать даже въ Страсбургѣ, а затѣмъ въ Кольмарѣ, куда онъ переѣхалъ въ октябрѣ. Лѣтомъ слѣдующаго 1754 года онъ направился было въ Пломбьеръ, но, услышавши, что тамъ находится его врагъ Мопертюн, предпочелъ остановиться по дорогѣ въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Вогезахъ, настоятель котораго донъ-Кальметъ былъ его хорошимъ знакомымъ по Сирею, гдѣ ученый монахъ часто гостилъ при жизни маркизы. Здѣсь Вольтеръ съ удовольствіемъ провелъ цѣлый мѣсяць, вспоминая съ донъ-Кальметомъ счастливые сирейскіе дни, а главное изучая подъ его руководствомъ старыя фоліанты богатой монастырской бібліотеки. Онъ заказалъ также монахамъ множество выписокъ изъ твореній отцовъ церкви и изъ исторіи соборовъ, которыя пригодились ему впослѣдствіи. Послѣ отъѣзда Мопертюи Вольтеръ успѣлъ еще пробыть въ Пломбьерѣ нѣсколько недѣль съ прибывшимъ туда для свиданія съ нимъ д'Аржанталемъ. Потомъ снова вернулся въ Кольмаръ. Изъ Парижа приходили все нерадостныя вѣсти. Въ ноябрѣ онъ отправился въ Лионъ на свиданіе съ другимъ своимъ старымъ пріятелемъ герцогомъ Ришелье. Тотъ тоже не могъ сказать ничего утѣшительнаго: король и слышать не хотѣлъ о Вольтерѣ. Къ довершенію бѣдъ, именно теперь различными путями получило огласку существованіе двухъ произведеній Вольтера, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, кромѣ того, что ни то, ни другое не предназначалось къ печати, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они проникли теперь въ публику. Мы говоримъ о главномъ историческомъ трудѣ Вольтера: «Опытъ о правахъ и о духѣ націй» и объ его поэмѣ «Дѣвственница» («La Pucelle»). Оба эти произведенія были почти окончены еще въ Сиреѣ. Въ предисловіи, предпосланномъ Вольтеромъ своему историческому труду,

онъ такъ объясняетъ его происхожденіе: при обширномъ умѣ и способности къ метафизикѣ, маркиза де-Шатле чувствовала отвращеніе къ исторіи. «Я никогда не могла окончить — говорила она — ни одной исторіи новыхъ народовъ (для исторіи Греціи и Рима она дѣлала исключеніе). Я встрѣчаю въ нихъ лишь путаницу событій; массу мелкихъ фактовъ безъ послѣдовательности и связи, тысячи битвъ, которыя ничего не рѣшаютъ.... Я отказываюсь отъ этого изученія, столь-же сухого, какъ и обширнаго, которое утомляетъ умъ, не просвѣщая его». Вольтеръ сходился съ маркизой въ оцѣнкѣ многотомныхъ и сухихъ сводовъ старыхъ хроникъ, изъ которыхъ состояла историческая литература того времени. Но онъ думалъ, что исторію можно изучать по другому способу. Изъ массы безформеннаго историческаго матеріала можно сдѣлать разумный выборъ. Отбросивши скучныя и бесполезныя подробности войнъ и дипломатическихъ переговоровъ, можно выбрать изъ исторіи все то, что обрисовываетъ нравы, и прослѣдить сквозь хаосъ событій ходъ развитія человѣческаго ума. Эта мысль понравилась маркизѣ. Они вмѣстѣ принялись за изученіе исторіи по новому плану и «Опытъ», а также «Философія исторіи», передѣланная потомъ Вольтеромъ во введеніе къ «Опыту», были плодомъ этого изученія.

Уже раньше, своими исторіями Карла XIII и Людовика XIV, Вольтеръ доказалъ читающей публикѣ возможность интересныхъ для нея историческихъ произведеній. Но тамъ излагались почти современныя событія. «Опытъ» заставилъ читателей заинтересоваться исторіей всей Европы со времени Карла Великаго до царствованія Людовика XIV-го. Кромѣ несравненнаго слога Вольтера, его яркой, остроумной манеры изложенія, кромѣ освѣщенія тѣхъ сторонъ жизни человѣчества, на которыя раньше не обращалось вниманія, новостью въ этомъ историческомъ произведеніи было также критическое отношеніе къ источникамъ. Вольтеръ установилъ тотъ принципъ, что, разъ историкъ или хроникеръ рассказываетъ нѣчто невѣроятное, къ его свидѣтельству слѣдуетъ относиться съ сомнѣніемъ; повѣствованія-же, несогласныя съ законами природы или здравымъ смысломъ, слѣдуетъ отбрасывать, какъ совершенно ложныя, какъ-бы ни было почтенно имя приводящаго ихъ историка. Вольтеръ не первый высказалъ это правило, но онъ первый его популяризировалъ, онъ ввелъ его въ общее сознаніе. Въ «Философіи исторіи», написанной отчасти по одному плану съ Боссюэтов-

ской «Рѣчью о всемирной исторіи», Вольтеръ видимо задается цѣлью опровергнуть историческіе взгляды Бюссюэта, еще господствовавшіе въ школахъ. У Бюссюэта, какъ извѣстно, центромъ всемирной исторіи является исторія еврейскаго народа. Въ краткомъ обзорѣ древней исторіи у Вольтера евреи оказываются, наоборотъ, самымъ ничтожнымъ, варварскимъ племенемъ, неизвѣстнымъ современнымъ ему цивилизованнымъ націямъ. Бюссюэтъ совсѣмъ не касается Китая и Индіи, какъ странъ, не соприкасавшихся съ еврейскимъ народомъ. Вольтеръ усиленно напираетъ на сравнительную цивилизованность этихъ странъ и на возвышенную мораль ихъ священныхъ книгъ. Въ особенности прославляется Китай, какъ единственная страна, въ которой высшіе классы вовсе не знаютъ суевѣрій и гдѣ нѣтъ организованнаго духовенства. Сдержанная, замаскированная полемика также и противъ христіанской религіи проходитъ у Вольтера красной нитью черезъ всѣ его исторіи. Съ особеннымъ стараніемъ выставляетъ онъ на видъ сравнительную терпимость послѣдователей всѣхъ другихъ религій и нетерпимость христіанъ и высчитываетъ милліоны уничтоженныхъ человѣческихъ жизней, рѣки крови еретиковъ, пролитой христіанами во имя религіи.

Это-то произведеніе, въ слишкомъ откровенномъ и не вполне обработанномъ видѣ, начало въ 1754 году печататься въ Дрезденѣ по похищенной рукописи. Вольтеръ протестовалъ, по обыкновенію, увѣряя, что самыя смѣлыя фразы прибавлены издателями. Тѣмъ не менѣе «Опытъ», — и въ особенности одинъ, показанный королю, отрывокъ изъ предисловія, — былъ въ числѣ причинъ, лишившихъ автора возможности возвратиться во Францію. Поселившись въ слѣдующемъ году на женевской территоріи, Вольтеръ докончилъ обработку этого труда и самъ издалъ его въ 6000 экземплярахъ, — количество, неслыханное для того времени. Тѣмъ не менѣе еще при его жизни понадобились новыя изданія. Надъ своимъ «Опытомъ» Вольтеръ не переставалъ работать до самой смерти, то добавляя, то измѣняя разныя подробности. Его новый способъ писать исторію быстро создалъ цѣлую школу, — прежде всего въ Англій: Гиббонъ, Юмъ, Робертсонъ принадлежалъ къ его послѣдователямъ.

Другимъ произведеніемъ, изгонявшимъ Вольтера изъ Франціи, была знаменитая «Орлеанская дѣва», многочисленныя копіи которой ходили по Парижу, что предвѣщало скорое появленіе ея въ печати. Уже больше двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ

поръ, какъ Вольтеръ началъ писать эту поэму. Она была его любимымъ дѣтищемъ; за ней отдыхалъ онъ отъ серьезныхъ работъ и забавлялъ ею друзей и пріятелей. Онъ никогда не предназначалъ ея для печати и очень заботился, чтобы объ ней не узнали враги. Но самъ онъ такъ любилъ ее, что читалъ почти каждому, кто заслуживалъ его расположеніе, а близкимъ пріятелямъ не отказывалъ и въ копіяхъ. Къ тому же многіе заучивали стихи наизусть, а извѣстный пріятель Вольтера Тиріо сдѣлалъ своей спеціальностью декламированіе поэмы въ салонахъ. Имѣть копію этой поэмы и знать изъ нея наизусть нѣсколько отрывковъ стало признакомъ хорошаго тона и доказательствомъ принадлежности къ избранному обществу. Со смертью г-жи дю-Шатле, зорко слѣдившей за тѣмъ, чтобы рукописи не попадали въ невѣрныя руки, копіи «Pucelle» до того размножились, что въ 1754 г. сотнями продавались въ Парижѣ и съ 50 лудировъ упали въ цѣнѣ до одного, а въ 1755 г. поэма была напечатана, какъ подозрѣвалъ Вольтеръ, его врагомъ ла-Бомелемъ.

Хотя «Pucelle» и носитъ названіе поэмы, въ ней нѣтъ цѣльности содержанія. Отдѣльные эпизоды и сцены, писавшіеся втеченіи десятковъ лѣтъ, почти ничѣмъ не связаны, кромѣ имени героини. На историческую вѣрность лицъ и событій Вольтеръ не имѣлъ въ этомъ фантастическомъ произведеніи ни малѣйшей претензіи, и когда впоследствии самъ напечаталъ его, то даже не отказалъ себѣ въ удовольствіи ввести въ поэму съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ исторіи начала XV-го вѣка, своихъ современныхъ литературныхъ враговъ: Фрерона, ла-Бомеля и съ подлюжины другихъ, въ видѣ каторжниковъ. Сама Іоанна,—согласно впрочемъ одной бургундской враждебной ей хроникѣ,—является у него не крестьянкой, а трактирной служанкой 27 лѣтъ, вмѣсто историческихъ 18-ти. По живости, остроумію, по блескамъ воображенія, разсыпаннымъ повсюду, «Орлеанская дѣва», какъ художественное произведеніе, выше «Генріады» и трагедій Вольтера, но огромнымъ успѣхомъ въ XVIII вѣкѣ она все-же обязана не столько своимъ литературнымъ достоинствамъ, сколько дерзкому издѣвательству надъ тѣмъ, что считалось святымъ и великимъ: надъ дѣвственницей и героиней. Теперь трудно даже представить себѣ эту охоту издѣваться надъ геройской дѣвушкой, явившейся на помощь отечеству въ тотъ моментъ, когда оно было на краю гибели,

и погибшей на кострѣ. Чтобы понять это, надо стать на точку зрѣнія XVIII вѣка. Для благочестивыхъ людей Іоанна была олицетвореніемъ дѣвственности и вытекающей изъ нея святости. Въ многотомной благочестивой поэмѣ Шапелена, подавшей Вольтеру мысль писать на тотъ-же сюжетъ въ противоположномъ тонѣ, Іоанна безпрестанно совершаетъ сверхестественныя дѣла, находится въ постоянномъ общеніи со святыми—и все благодаря дѣвственности. Дѣвственность, безбрачіе было той прославленной добродѣтелью, которой католическое духовенство всегда придавало гораздо больше значенія, чѣмъ духовенство другихъ вѣроисповѣданій, хотя и мало придерживалось ее на практикѣ. Это заставляло людей XVIII вѣка переносить свою вражду противъ духовенства и на его прославленную добродѣтель. Кондорсе прямо ставитъ въ заслугу Вольтеру ея осмѣяніе, такъ какъ оно вырываетъ оружіе противъ честныхъ людей изъ рукъ злыхъ ханжей и лицемѣровъ.

Съ другой стороны, хотя Вольтеръ и отдаетъ полную справедливость храбрости Орлеанской дѣвы, но эта храбрость не можетъ внушить ему достаточнаго уваженія къ ней. Вѣдь Іоанна была безграмотной служанкой и жила въ варварскомъ вѣкѣ, а мы уже знаемъ, что для Вольтера имѣли значеніе лишь просвѣщенные люди, способствовавшіе успѣхамъ цивилизаціи. Красота, не покрытая доскомъ цивилизаціи, была недоступна его пониманію какъ въ характерахъ и поступкахъ людей, такъ и въ произведеніяхъ искусства и поэзіи. То-же пристрастіе къ цивилизаціи и отвращеніе къ варварству заставляеть его отрицать всякую красоту въ готическихъ храмахъ, предпочитать Вергилія Гомеру и каяться въ мимолетномъ снисхожденіи къ Шекспиру; оно же вліяетъ и на его отношеніе къ Евангельской исторіи...

ГЛАВА V.

Вольтеръ—хозяинъ.—Лиссабонское землетрясеніе.—«Кандидъ». — Энциклопедія.—Критика Вольтера.—Его философія.—Отношеніе къ Ж.-Ж. Руссо.

Убѣдившись въ необходимости искать себѣ пріюта внѣ Франціи, Вольтеръ въ декабрѣ 1754 г. направился изъ Ліона въ Женеву посоветоваться относительно своего здоровья съ знаменитымъ врачомъ Троншеномъ, а также посмотреть, нельзя-ли

будеть устроиться въ этой маленькой говорящей по-французски республикѣ. Осмотрѣвшись, онъ дѣйствительно купилъ близъ Женевы усадьбу, которую назвалъ именемъ Делись (наслажденіе). «Мыслящія существа, — пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, — предупреждаю васъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ жить въ государствѣ, правительству котораго можно всегда сказать: приходите завтра ко мнѣ обѣдать».

Вольтеру 60 лѣтъ, но до сихъ поръ у него не было собственнаго жилища. Прошло болѣе 40 лѣтъ со времени его вступленія въ жизнь, и большую часть этихъ лѣтъ онъ прожилъ гостемъ то французской и англійской знати, то королей. Въ Сиреѣ, правда, онъ былъ гостемъ любимой женщины, своего лучшаго друга, но все-же гостемъ. Теперь онъ — хозяинъ и не зависитъ больше ни отъ какихъ покровителей. Онъ, правда, радуется, зачисляя въ письмахъ къ близкимъ друзьямъ въ «нашу партію» то ту, то другую владѣтельную особу, вступившую съ нимъ въ сношеніе. Но лично онъ уже не нуждается въ нихъ. Онъ извлекаетъ изъ сношеній съ ними пользу для своихъ цѣлей, они могутъ доставлять ему много удовольствія, но уже не могутъ огорчать его и не огорчаютъ.

Нельзя не поблагодарить Людовика XV за его упорное обращеніе къ своему знаменитому подданному. Если-бы Вольтеръ поселился въ Парижѣ, то, окруженный толпой знакомыхъ, раздражаемый врагами, запутанный въ безчисленные интриги, онъ никогда не достигъ бы той независимости, силы и вліянія, какими пользовался въ своемъ уединенномъ помѣстьѣ.

Въ противоположность всему предыдущему, полному приключеній существованію Вольтера, въ его послѣдующей жизни почти нѣтъ событій. Съ внѣшней стороны она проходитъ однообразно, въ одной и той же мѣстности близъ Женевы: сперва въ Делись, а потомъ въ Фернеѣ, изъ котораго съ начала 60-хъ годовъ онъ уже не выѣзжаетъ до 1776 г. Но тѣмъ богаче переполнены послѣднія десятилѣтія жизни Вольтера самой напряженной дѣятельностью, которой съ избыткомъ хватило бы на нѣсколько недюжинныхъ существованій. «Въ молодости надо наслаждаться, а въ старости дьявольски трудиться», говорилъ онъ друзьямъ, возводя въ правило исторію своей жизни. Этотъ «дьявольскій трудъ» скоро принялъ у него опредѣленный характеръ упорной, систематической борьбы съ суевѣріями, жестокостями, несправедливостями всякаго рода, со всѣми остат-

ками варварства, которые онъ называлъ общимъ именемъ Infâme.

Въ самомъ началѣ этого новаго періода жизни Вольтера встрѣтилось нѣсколько обстоятельствъ, повліявшихъ на направле- ніе его мыслей и дѣятельности.

Мы знаемъ, что въ своихъ произведеніяхъ тридцатыхъ и отчасти сороковыхъ годовъ Вольтеръ проповѣдывалъ, что все въ мірѣ обстоитъ благополучно. Но очевидно это убѣжденіе было въ немъ очень не прочно, и уже къ концу сороковыхъ годовъ у него начинаются сомнѣнія. Положимъ, зло въ мірѣ перемѣшано съ добромъ, но оно однако существуетъ,—какъ же объяснить его существованіе?—Вопросъ, всегда затруднявшій всѣхъ деистовъ вродѣ Вольтера, отвергающихъ ученіе церкви, не вѣрящихъ въ будущую жизнь, но признающихъ всемогущее и всевѣдущее Провидѣніе. Въ романѣ «Задигъ или судьба», написанномъ въ 1747 году, герой, послѣ многихъ приключеній, въ которыхъ зло было примѣшано къ добру въ такомъ количествѣ, что вызвало въ немъ недовольство Провидѣніемъ, подъ конецъ бесѣдуетъ съ Геніемъ. Послѣдній объясняетъ ему, что абсолютное совершенство, добро безъ всякой примѣси зла, свойственно лишь жилищу Высшаго Существа, что въ остальныхъ безчисленныхъ мірахъ должно царствовать разнообразіе, въ которомъ зло является необходимымъ элементомъ, ведущимъ къ добру. Задигъ однако не совсѣмъ удовлетворенъ рѣчью Генія.—«Но...» начинаетъ онъ излагать свои сомнѣнія, и не доканчиваетъ, такъ какъ собесѣдникъ улетаетъ, не слушая его возраженій.

Еще большимъ сомнѣніемъ отзывается написанная въ 1750 году маленькая сказка «Мемнонъ», герой которой тоже терпитъ много невзгодъ и бесѣдуетъ съ Геніемъ. Для утѣшенія Мемнона, Геній сообщаетъ ему, что среди ста тысячъ милліоновъ существующихъ міровъ установлена постепенность; все совершенно въ первомъ изъ міровъ, во второмъ мудрости и счастья уже меньше, въ третьемъ еще меньше, а въ послѣднемъ господствуетъ полное безуміе.—«Я боюсь—замѣчаетъ Мемнонъ—что наша земля и есть этотъ сумасшедшій домъ вселенной».—«Не совсѣмъ такъ,—отвѣчаетъ собесѣдникъ,—но около того. Все должно быть на своемъ мѣстѣ... Общій строй вселенной совершененъ».—«Ахъ!—возражаетъ бѣдный Мемнонъ, которому недавно выкололи глазъ,—я повѣрю этому тогда, когда перестану быть кривымъ».

Эта идея Болинброка и Попа о разнообразіи міровъ, изъ

которыхъ состоитъ вселенная, совершенная въ цѣломъ, но совершенство которой непонятно намъ, видящимъ лишь ничтожную часть цѣлаго, — позволяла Вольтеру примирять идею Высшаго Существа съ существованіемъ зла въ мірѣ.

Лиссабонское землетрясеніе 1-го ноября 1755 года, превратившее большую часть города въ развалины, подъ которыми погибло до 30,000 человѣкъ, разрушило то неустойчивое философское равновѣсіе, въ которомъ находился оптимизмъ Вольтера. «Вотъ ужасный аргументъ противъ оптимизма, — пишетъ онъ д'Аржанталю, — не поздоровится отъ него принципу Попа: все хорошо». Нѣсколько мѣсяцевъ мысль объ этихъ тысячахъ труповъ, о мучительной агоніи полураздавленныхъ людей рѣшительно не даетъ ему покоя. Утверждать, что «все хорошо», кажется ему теперь жестокостью, почти преступленіемъ противъ несчастныхъ лиссабонцевъ. «Поэма о бѣдствіи Лиссабона» явилась страстнымъ выраженіемъ этого настроенія. Онъ зоветъ въ ней всѣхъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что все къ лучшему въ мірѣ, взглянуть на ужасную картину разрушеннаго города и отвѣтить: зачѣмъ эти ужасы? Скажутъ-ли они, что бѣдствіе послано въ наказаніе лиссабонцамъ? Но развѣ Лиссабонъ былъ преступнѣе Парижа, Лондона, а между тѣмъ: «Лиссабонъ разрушенъ, а въ Парижѣ танцуютъ». Скажутъ ли философы, что землетрясеніе было необходимо въ силу вѣчныхъ законовъ природы? Но откуда берется ихъ увѣренность?

Лиссабонское землетрясеніе какъ будто вдругъ открыло Вольтеру глаза и на другія страданія. Всѣ чувствующія существа, всѣ животныя страдаютъ и истребляютъ другъ друга, а философы утверждаютъ, что изъ этихъ отдѣльныхъ страданій составляется общее счастье. «Весь міръ и ваше собственное сердце васъ опровергаютъ, — говоритъ онъ имъ. — Зло существуетъ на землѣ — это должно признать, хотя и невозможно объяснить его происхожденія». Мѣстами въ этомъ страстномъ спорѣ противъ своихъ собственныхъ недавнихъ мнѣній слышется что-то наивное: Вольтеръ возстаетъ противъ землетрясенья, какъ противъ злой несправедливости, которую можно было не дѣлать, которой не слѣдовало дѣлать. Въ немъ какъ будто говоритъ то-же чувство, которое нѣсколько лѣтъ спустя заставитъ его такъ горячо возстать противъ юридическихъ убійствъ Каласа, Ла-Барра и проч.

Тотъ-же споръ съ оптимистами, но уже въ болѣе свойственной Вольтеру сатирической формѣ, продолжается въ вышедшемъ три

года спустя романъ «Кандидъ или оптимизмъ». На этотъ разъ дѣйствіе происходитъ уже не въ фантастической странѣ, какъ въ предыдущихъ романахъ того-же автора, и герой не бесѣдуетъ съ гениями. Онъ — уроженецъ Вестфалии и воспитывается подъ руководствомъ философа Панглоса, утверждающаго, что все устроено какъ нельзя лучше въ этомъ лучшемъ изъ всѣхъ міровъ. Какъ съ самимъ героемъ и его ученымъ руководителемъ, такъ и со всѣми дѣйствующими лицами романа непрерывно случаются всевозможныя бѣдствія вслѣдствіе войны, землетрясенія, инквизиціи, различныхъ болѣзней, нападений пиратовъ и разбойниковъ. Панглосъ, несмотря ни на что, даже чуть живъ, продолжаетъ восхвалять лучшей изъ міровъ. Въ заключительной главѣ романа большая часть дѣйствующихъ лицъ встрѣчается въ Турціи. Здѣсь кончаются ихъ приключенія, но зато всѣхъ одолеваетъ такая скука, что даже Панглосъ сознается, что всегда ужасно страдалъ, но, разъ заявивши, что все превосходно, не желалъ отказаться отъ своего мнѣнія. Они обратились къ мудрейшему изъ всѣхъ турецкихъ дервишей съ вопросомъ; почему такъ много зла на землѣ? вмѣсто отвѣта, дервишь спросилъ ихъ въ свою очередь: «Заботится-ли его величество султанъ, посылая корабли въ Египетъ, о томъ, удобно или неудобно на нихъ мышамъ?» Это въ сущности та-же мысль Попа и Болинброка о совершенствѣ вселенной въ ея цѣломъ, не смотря на видимыя несовершенства, поражающія людей съ ихъ ограниченной точки зрѣнія. Въдъ неудобства, испытываемыя мышами, не могутъ помѣшать кораблю быть прекраснымъ кораблемъ, да только не съ точки зрѣнія мышей. Разница съ прежнимъ взглядомъ заключается лишь въ томъ, что Вольтеръ находитъ теперь смѣшнымъ игнорировать, ради философской стройности міросозерцанія, эти слишкомъ чувствительныя, и людямъ, и мышамъ, неудобства плаванія и отказываться называть ихъ зломъ только потому, что не можешь объяснить происхожденіе зла.

«Будемъ работать, не разсуждая (о злѣ), это единственная возможность сдѣлать жизнь сносною», говоритъ въ заключеніе благоразумный Мартенъ, и съ нимъ соглашаются всѣ остальные дѣйствующія лица, принявшіяся обрабатывать пріобрѣтенный ими садъ.

Хотя Вольтеръ тоже пріобрѣлъ нѣсколько садовъ и очень интересовался ихъ устройствомъ, онъ не могъ однако послѣдовать благоразумному совѣту Мартена. Вопросъ о злѣ остался

для него, по его собственному неоднократному сознанию, самымъ труднымъ изъ вопросовъ. Еще много разъ будетъ онъ обращаться къ нему, будетъ пытаться рѣшать его то такъ, то иначе и до самой смерти не остановится окончательно ни на одномъ рѣшеніи.

Еще во время пребыванія Вольтера въ Пруссіи Дидро и д'Аламберъ начали издавать энциклопедическій словарь, который долженъ былъ давать свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, излагая ихъ съ точки зрѣнія новой философіи. Словарь предназначался для пропаганды этой философіи среди людей, не имѣющихъ времени, охоты или возможности пріобрѣтать основательныя знанія. Вольтеръ сразу понялъ, какимъ прекраснымъ оружіемъ въ борьбѣ съ предрасудками можетъ быть такое изданіе. Устроившись у воротъ Женевы, онъ начинаетъ усердно помогать предпріятію. Въ письмахъ къ д'Аламберу онъ называетъ себя «слугою энциклопедіи» и, посылая свои статьи, проситъ редакторовъ не церемониться съ ними: урѣзывать, прибавлять, измѣнять все, что хотятъ. «Я ношу вамъ свои камешки, чтобы вы помѣщали ихъ въ какіе придется углы стѣны». Онъ доставляетъ также статьи для энциклопедіи отъ нѣкоторыхъ ученыхъ членовъ протестантскаго духовенства Швейцаріи, которые были не прочь въ анонимныхъ произведеніяхъ обращаться довольно «развязно», по выраженію Вольтера. Онъ очень радуется, когда въ 1756 г. парламенты ссорятся съ епископами. Это, по его мнѣнію, отличное время для того, чтобы «начинать Энциклопедію истинами, когда педанты дерутся — философы торжествуютъ». Но хотя между педантами и не было заключено мира, «начинанная истинами» Энциклопедія была скоро запрещена, и изданіе возобновилось лишь въ 1765 году.

Такъ рано прерванное предпріятіе успѣло уже однако сгруппировать вокругъ себя всѣ лучшія литературныя силы освободительнаго движенія. Самое запрещеніе изданія и грозный литературный походъ, предпринятый клерикальной прессой противъ новаго направленія, способствовали выдѣленію «энциклопедистовъ» — какъ начали называть съ этихъ поръ сотрудниковъ запрещеннаго словаря и ихъ единомышленниковъ — въ особую партію, главою которой естественно явился Вольтеръ по своему возрасту, знаменитости и таланту. Такое положеніе придало ему новую энергію и внушило самыя оптимистическія надежды. «Чтобы опрокинуть колосса, достаточно 5—6 сговорившихся между собою философовъ», пишетъ онъ д'Аламберу. «Дѣло не въ томъ, чтобы

мѣшать ходить къ обѣднѣ, — спѣшить онъ опредѣлить размѣры намѣченной задачи, — а въ томъ, чтобы вырвать отцовъ семействъ изъ подъ тираніи и внушить духъ терпимости. Въ этой великой задачѣ уже сдѣланы большіе успѣхи».

Но, какъ ни велики эти успѣхи, — съ конца пятидесятихъ годовъи до самой смерти Людовика XV-го *«духъ нетерпимости»* проявляется во всей силѣ. Книги, брошюры, даже простыя предисловія къ трагедіямъ подвергаются самому мелочному, придирчивому контролю и запрещаются въ огромномъ количествѣ. Этимъ достигается тотъ результатъ, что все большее и большее число произведеній французской мысли печатается въ Голландіи, въ Дрезденѣ, въ Швейцаріи, и здѣсь эти запрещенныя во Франціи мысли высказываются съ такою откровенностью, рѣзкостью и озлобленіемъ, которыхъ не было и тѣни въ напечатанныхъ во Франціи томахъ Энциклопедіи. Вышедшія за-границей произведенія массами провозились во Францію, и здѣсь тѣ экземпляры, которые попадали въ руки властей, сжигались у подножія лѣстницы парламента. Впрочемъ — нѣтъ. По свидѣтельству современниковъ, парламентскіе совѣтники, поговаривавшіе въ шестидесятихъ годахъ, что мало сжечь книги, что слѣдовало бы сжечь также и авторовъ, разбираютъ произведенія этихъ вредныхъ авторовъ для своихъ библіотекъ, а въ костры бросаются для виду связки старыхъ бумагъ изъ архива.

Главную массу этого рода произведеній поставлялъ Вольтерь. Прежде чѣмъ приняться за систематическую проаганду, онъ постарался возможно лучше обезопасить себя. Кромѣ Делись, онъ владѣлъ загороднымъ домомъ близъ Лозанны, а въ 1758 г. приобрѣлъ еще Ферней: дворянское имѣніе на французской территоріи, близъ самой границы, въ двухъ часахъ ходьбы отъ Женевы. «Я такъ устроилъ свою судьбу, — говоритъ Вольтерь въ своихъ мемуарахъ, — что могу считать себя одинаково независимымъ въ Швейцаріи, на женевской территоріи, и во Франціи... Не думаю, что бы какое нибудь частное лицо въ Европѣ имѣло такую свободу, какъ я».

Начнисъ въ самомъ дѣлѣ преслѣдованіе во Франціи, онъ оказался бы въ своемъ женевскомъ помѣстьи, а не поладивъ съ женеvцами, могъ безъ затрудненій перебраться въ Лозанну. Недалеко было и до Невшателя, принадлежавшаго Фридриху, съ которымъ онъ помирился еще въ 1757 году.

Запасшись столькими убѣжищами, Вольтерь чувствовалъ себя

въ безопасности и могъ приняться за работу. Но «сговориться» раздѣлить литературный трудъ, работать за одно, — Вольтеру было всетаки не съ кѣмъ. Лучшія силы разроставагося философскаго движенія все болѣе и болѣе склонялись къ полному матеріализму и устраняли изъ своихъ разсужденій идею творенія и Провидѣнія. Вольтеръ-же былъ рѣшительнымъ противникомъ этого ученія, считая его не только ложнымъ, но еще и вреднымъ по своему вліянію на читателей нефилософовъ. Жанъ-Жакъ Руссо, вліяніе котораго быстро возростало, былъ деиствъ. Вольтеръ очень цѣнилъ его «Исповѣдь Савойскаго викарія» и даже не разъ самъ перепечатывалъ ее для контрабанднаго распространенія. Зато всѣ другіе взгляды этихъ двухъ писателей были такъ противоположны, что еслибъ у нихъ и не возникло личной вражды, которой намъ придется еще коснуться, между ними всетаки не могло бы существовать, въ виду общаго врага, даже того ограниченнаго союза, котораго держался Вольтеръ по отношенію къ матеріалистамъ.

Недостатокъ сотрудниковъ Вольтеръ старался замѣнить удешевленной производительностью и разнообразіемъ формъ и даже тона своихъ произведеній. Подъ различными псевдонимами, то выдавая ихъ за переводы съ англійскаго, то приписывая умершимъ писателямъ, а иногда и вымышленнымъ духовнымъ лицамъ, Вольтеръ съ начала шестидесятыхъ годовъ наводняетъ своими изданіями Францію и главнѣйшіе пункты читающей по-французски Европы. Одною изъ его излюбленныхъ формъ для этого рода произведеній были философскіе словари, маленькія карманныя энциклопедіи, которыхъ онъ издалъ нѣсколько. Здѣсь въ коротенькихъ статейкахъ подъ заглавіями «Аббатъ», «Атеизмъ», «Богъ», «Добро», «Душа» и проч., и проч., размѣщенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ, Вольтеръ излагаетъ всѣ свои взгляды: бранить духовенство, доказываетъ бытіе Божіе, спорить съ атекстами, обсуждаетъ съ различныхъ сторонъ вопросъ о злѣ въ мірѣ, излагаетъ идеи Локка, разбираетъ священное писаніе — словомъ, не оставляетъ незатронутымъ ни одного изъ занимающихъ его вопросовъ. Рядомъ съ этимъ, въ другихъ изданіяхъ тѣ-же вопросы разбираются въ связномъ изложеніи философскихъ трактатовъ. Иной разъ, подъ псевдонимомъ какого нибудь духовнаго лица, они излагаются въ видѣ проповѣди или поученія. Но самой удачной, самой живой формой разсмотрѣнія все тѣхъ же вопросовъ являются у Вольтера діа-

логи. Иногда разговоръ касается только одного предмета, чаще разговаривающіе перебираютъ ихъ чуть не всѣ. Собесѣдники являются самыя разнообразныя: въ одномъ діалогѣ монахъ Риголо разговариваетъ съ китайскимъ императоромъ, котораго старается обратить въ свою вѣру и смѣшить своими аргументами.

Китайцы всегда играютъ у Вольтера роль мудрецовъ, и императоръ является представителемъ мнѣній автора. По временамъ собесѣдниками являются древніе философы, или Маркъ-Аврелій, пришедшій съ того свѣта взглянуть на свой родной Римъ, разговариваетъ со встрѣченнымъ имъ монахомъ. Разговоръ между Лукіаномъ, Эразмомъ и Рабле происходитъ уже прямо въ Енисейскихъ поляхъ, гдѣ два новѣйшихъ сатирика знакомятъ древняго римлянина съ тѣми условіями, при которыхъ имъ пришлось писать свои произведенія. А тамъ Вольтеръ вдругъ переноситъ насъ на «Обѣдъ графа Буленвилье», гдѣ цѣлая компанія живыхъ, современныхъ ему французовъ: графъ, графиня и одинъ изъ гостей,—въ длинномъ спорѣ съ другимъ гостемъ, аббатомъ, разбираютъ Библію, пересматриваютъ догматы церкви, излагаютъ ученіе деистовъ и доводятъ подъ конецъ аббата до сознанія, что онъ совершенно съ ними согласенъ. На этотъ разъ авторъ рисуетъ съ натуры. По всей Европѣ и въ особенности во Франціи за долгими поздними обѣдами свѣтскіе люди вели тогда разговоры о философскихъ и научныхъ вопросахъ, а всего чаще о религіи—«при лакеяхъ»,—съ негодованіемъ замѣчаетъ Орасъ Вальполь, излагая въ письмѣ къ другу свои парижскія впечатлѣнія. При этомъ между вымышленными лицами въ «Діалогѣ» Вольтера и дѣйствительными знакомыми Вальполя, съ которыми онъ обѣдалъ въ 1765 году, та разница, что графъ Буленвилье и его гости—деисты и горячо проповѣдуютъ существованіе Бога, а знакомые Вальполя—отъявленные атеисты, среди которыхъ самъ Вольтеръ считается отсталымъ.—«Вольтеръ—ханжа: онъ деистъ», говорила о немъ Вальполю одна дама. Этотъ обычай вести въ обществѣ разговоры теоретическаго характера, о которомъ говорится во множествѣ современныхъ мемуаровъ и писемъ, былъ вѣроятно причиной того обстоятельства, что писатели XVIII-го вѣка такъ часто прибѣгали къ формѣ діалога для изложенія своихъ взглядовъ.

Главное мѣсто во всей этой обширной контрабандной литературѣ занимаетъ у Вольтера разборъ Библии, догматовъ, исторіи

церкви и поведенія духовенства. Вольтеръ издалъ даже со своимъ примѣчаніями переводъ большей части историческихъ книгъ ветхаго завѣта, производившій тѣмъ большее впечатлѣніе, что сама Библия была недоступна большинству читателей католиковъ, такъ какъ допускалась лишь въ латинскомъ переводѣ.

Морлей совершенно справедливо замѣчаетъ, что Вольтеръ разбираетъ священную исторію точно такъ-же, какъ если-бы разбиралъ произведеніе современнаго историка. Онъ основательно изучилъ и Библию, и древнюю христіанскую литературу. Многія изъ его библиогностическихъ замѣчаній подтверждаются позднѣйшими изысканіями въ этой области, но у него нѣтъ и тѣни спокойнаго историческаго отношенія къ предмету, свойственнаго англійскимъ и нѣмецкимъ изслѣдователямъ. Впрочемъ та сторона католицизма, съ которой по преимуществу боролся Вольтеръ: духъ нетерпимости, преслѣдованія, жестокости, вовсе не былъ въ современной ему Франціи явленіемъ, отошедшимъ въ область исторіи, какимъ былъ онъ для англійскихъ критиковъ XVIII-го и нѣмецкихъ XIX-го вѣка. Этотъ духъ былъ еще настолько живъ въ отечествѣ Вольтера, что могъ порождать, какъ увидимъ изъ дѣла Ла-Барра, чисто средневѣковыя звѣрства.

Вольтеръ не только изслѣдуетъ творенія библейскихъ писателей, онъ съ ними своеобразно полемизируетъ, какъ со своимъ литературными противниками: остритъ, негодуетъ, ловитъ ихъ на противорѣчій. Онъ старательно подбираетъ аргументы, чтобы доказать невозможность даже такихъ библейскихъ событій, въ которыхъ нѣтъ ничего чудеснаго, и приходитъ въ восторгъ, если случайно наталкивается на аргументъ, котораго раньше не зналъ. Характеренъ въ этомъ отношеніи рассказъ о посѣщеніи его знаменитымъ скульпторомъ Пигалемъ, пріѣхавшимъ въ Ферней, чтобы сдѣлать статую хозяина замка. Вольтеръ не соглашался позировать, увѣрялъ, что, разъ у человѣка нѣтъ лица (отъ худобы), нельзя дѣлать его статуи, и нарочно гримасничалъ и шевелился, едва гость принимался за работу. Но вотъ случайно зашла рѣчь объ отливкѣ статуй, и Пигаль замѣтилъ, что эта операція требуетъ довольно продолжительнаго времени. Такой аргументъ противъ золотаго тельца, на отливку котораго, по мнѣнію Пигалья, понадобилось-бы полгода, такъ обрадовалъ Вольтера, что, въ благодарность, онъ отдался въ полное распоряженіе художника, и модель статуи была благополучно окончена. То-же своеобразное, полемическое

отношеніе къ Библіи выражается у Вольтера и въ насмѣшкахъ надъ теоріей, по которой моря покрывали когда-то современные материка и даже горы. Въ пользу этой теоріи приводили то соображеніе, что на горахъ находятъ окаменѣлости рыбъ и морскія раковины. «Но не проще-ли,—спрашиваетъ Вольтеръ,—предположить, что рыбъ занесли на горы путешественники, а относительно раковинъ стоитъ только вспомнить, какъ много приносилось ихъ съ береговъ Сиріи крестоносцами и пилигримами». Вольтеръ не знатокъ въ этой области и, вообще говоря, онъ не любитъ разсуждать о томъ, чего не знаетъ, но этой теоріи онъ не могъ не преслѣдовать, потому что она напомнила ему о потопѣ. Старательно критикуя библейскія событія, онъ въ то-же время такъ сжился съ Библіей, что относился далеко нехладнокровно и къ библейскимъ личностямъ. Къ однимъ онъ чувствовалъ вражду, другимъ покровительствовалъ. Царя Давида онъ ненавидѣлъ всей душой, а Саула горячо защищалъ противъ несправедливостей Самуила. Къ Соломону у него было двойственное отношеніе: порицая его за нѣкоторые поступки въ началѣ царствованія, онъ въ общемъ относился къ нему хорошо и даже называлъ Фридриха «Соломономъ Сѣвера» во время величайшей дружбы съ прусскимъ королемъ. «Эклезіаста» и «Пѣснь пѣсней» онъ перевелъ стихами, приложивши также и подстрочный переводъ подлинника.

Собственная философія Вольтера, изложеніе его положительныхъ взглядовъ далеко не обширно. Хотя въ полномъ собраніи сочиненій этого автора оно занимаетъ довольно значительное мѣсто, но это происходитъ отъ многочисленныхъ повтореній въ разныхъ сочиненіяхъ однихъ и тѣхъ-же положеній, часто подтверждаемыхъ одними и тѣми-же аргументами. Друзья указывали Вольтеру на эти повторенія.—«Да, да,—отвѣчалъ онъ,—повторяюсь и буду повторяться, пока люди не исправятся». Онъ не любилъ дѣлать вторыхъ изданій своихъ мелкихъ произведеній, а разъ, расходилась одна брошюра, писалъ другую на ту же тему,—въ другой формѣ, но съ тѣми же содержаніемъ, измѣняя его лишь по нѣкоторымъ вопросамъ: о злѣ въ мірѣ, о душѣ, о нравственности, о наградахъ и наказаніяхъ Божествомъ человѣка. По этимъ вопросамъ Вольтеръ не только мѣняетъ свои взгляды, но безпрестанно противорѣчитъ себѣ, и не разъ въ двухъ произведеніяхъ, изданныхъ непосредственно одно

послѣ другого, подѣ разными псевдонимами, говорить противоположныя вещи.

Вольтеръ — не систематическій мыслитель, а по преимуществу борець, пропагандистъ — пожалуй — учитель. Для него практическіе выводы изъ теоретическихъ положеній часто дороже самихъ положеній. Для него въ высшей степени важны тактическія соображенія о томъ, какъ отразится данная мысль въ ушахъ послѣдователей, какъ отзовутся на нее противники двухъ противоположныхъ направлений: клерикалы и атеисты, не считая уже Ж.-Ж. Руссо и его послѣдователей, стоящихъ въ сторонѣ отъ тѣхъ и другихъ. — Не слѣдуетъ давать противникамъ никакого оружія въ руки; нужно, освобождая читателей изъ подѣ авторитета духовенства, предохранять ихъ въ то же время отъ атеизма. Эти правила несомнѣнно руководятъ Вольтеромъ въ его пропагандистской дѣятельности. Поэтому не всегда легко съ увѣренностью сказать, что въ этой массѣ контрабандныхъ произведеній высказывается авторомъ лишь потому, что таково его искреннее убѣжденіе, а что говорится по тѣмъ или другимъ тактическимъ соображеніямъ. Нѣкоторымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи можетъ для насъ служить одно произведеніе, стоящее совершенно особнякомъ отъ другихъ: это «Трактатъ о метафизикѣ», написанный еще въ Сирей и составляющій первое цѣльное изложеніе философскихъ взглядовъ Вольтера. Онъ не предназначался для печати, а исключительно для одной только г-жи дю-Шатле, и дѣйствительно не былъ напечатанъ при жизни автора. На его содержаніе не могли вліять никакія постороннія соображенія. Можно поэтому съ увѣренностью сказать, что взгляды, перенесенные изъ этого сочиненія въ фернейскія произведенія Вольтера, составляютъ его дѣйствительныя убѣжденія. Хотя никоимъ образомъ нельзя заключать обратно, что всѣ мнѣнія, отличающія фернейскія произведенія отъ «Трактата о метафизикѣ», высказывались лишь подѣ вліяніемъ тактическихъ соображеній: между «Трактатомъ» и этими произведеніями прошло около 30-ти лѣтъ, и взгляды автора могли естественно измѣниться.

Уже въ этомъ сирейскомъ произведеніи Вольтеръ приводитъ свои два главные доказательства бытія Божія, которыя неизмѣнно повторяетъ и впоследствии: все въ природѣ устроено разумно, во всемъ замѣтна цѣлесообразность, слѣдовательно мы должны заключить, что все въ ней устроено высшимъ, разум-

нымъ существомъ съ мудрыми цѣлями. «Изъ одного этого, — говоритъ Вольтеръ, — я не могу еще заключить, что высшій разумъ, такъ искусно устроившій матерію, создалъ ее изъ ничего, — не могу заключить о его безконечности. Къ этимъ заключеніямъ насъ приводитъ другой аргументъ: «Я существую, значитъ, нѣчто существуетъ, а такъ какъ ничто не можетъ само себѣ дать существованія, слѣдовательно все получило его отъ одного вѣчно существовавшего Бытія, которое и есть Богъ. Изъ этого-же необходимо слѣдуетъ, что Богъ безконеченъ во всѣхъ отношеніяхъ; такъ какъ: что же можетъ ограничить его?» Онъ и здѣсь уже говоритъ объ атеистахъ, но споритъ съ ними только по существу, совсѣмъ не затрогивая вопроса о вредѣ ихъ ученія. Вольтеръ вообще придерживался того мнѣнія, что прогрессъ знанія подрываетъ атеизмъ, заставивши напримѣръ повсюду признать существованіе зародышей, вмѣсто прежняго представленія о происхожденіи низшихъ организмовъ изъ гніющихъ веществъ. Онъ думалъ, что философія Декарта, съ ея отсутствіемъ пустоты въ природѣ, съ ея вѣчностью и безконечностью матеріи, легче допускала возможность обходиться безъ идеи Творца, чѣмъ философія Ньютона съ ея пустотою, атомами и конечностью матеріи. Онъ былъ убѣжденъ, что Ньютонъ, взгляды котораго онъ популяризировалъ, докажетъ существованіе Бога французскимъ «мудрецамъ». Поэтому до выступленія на сцену во второй половинѣ XVIII-го вѣка матеріализма, признававшаго основныя положенія Ньютона и тѣмъ не менѣе отбросившаго идею Творца, атеисты не беспокоили Вольтера.

Тѣ мысли о «душѣ», которыя были высказаны Вольтеромъ въ «Англійскихъ письмахъ», почти съ буквальной точностью повторяются и въ «Трактатѣ о метафизикѣ». Въ этомъ отношеніи Вольтеръ всегда остается вѣренъ своему учителю Локку. По вопросу о свободѣ воли онъ и въ «Трактатѣ», и въ написанныхъ тоже въ тридцатыхъ годахъ «Основахъ философіи Ньютона» признаетъ за ней свободу «безразличія». Подъ влияніемъ страстей или сплывныхъ внѣшнихъ импульсовъ воля не свободна, но въ совершенно спокойномъ состояніи человѣкъ можетъ по произволу выбирать между нѣсколькими дѣйствіями. Здѣсь онъ отступаетъ отъ Локка, но въ послѣдствіи, очевидно глубже вдумавшись въ этотъ вопросъ, онъ уже всегда — согласно съ Локкомъ — настаиваетъ на томъ, что наша свобода заключается въ возможности дѣлать то, что хотимъ, но никакъ не въ свободѣ хотѣть или не хотѣть.

Наши желанія всегда имѣютъ достаточную причину въ той или другой идеѣ, идеи-же въ насъ произвольны. Свобода безразличія, т.-е. безпричиннаго выбора—безсмыслица.

На вопросъ, какъ согласить идею всемогущаго и всевѣдущаго Бога съ существованіемъ въ мірѣ зла нравственнаго и физическаго, Вольтеръ въ «Трактатѣ о метафизикѣ» отвѣчаетъ, что мы не имѣемъ иного понятія о добрѣ и злѣ, о справедливости и несправедливости кромѣ того, которое составили себѣ о дѣйствіяхъ полезныхъ или вредныхъ для общества и сообразныхъ или несообразныхъ съ тѣми законами, которые сами установили. Это идея отношеній между людьми, которая совершенно не примѣнима къ понятію о Богѣ. Говорить, что Богъ несправедливъ, потому что пауки ѣдятъ мухъ, а люди живутъ только 80 лѣтъ, совершенно безсмысленно. Мысль объ относительности понятій о добрѣ и злѣ Вольтеръ развиваетъ дальше въ главѣ «О добродѣтели и порокахъ». Для существованія какого бы то ни было общества, говоритъ онъ, необходимы законы,—даже для игры необходимы тѣ или другія правила. Существующіе законы чрезвычайно разнообразны. Въ однихъ странахъ они наказываютъ за то, что дозволено въ другихъ, и наоборотъ.

«Всѣ народы согласны лишь въ одномъ: называть *добродѣтелью* дозволенное ихъ законами и *порокомъ*—запрещенное... Добродѣтель есть привычка дѣлать то, что нравится окружающимъ людямъ; порокъ—привычка дѣлать то, что не нравится, а нравятся людямъ поступки, полезныя обществу.... Меня могутъ спросить,—продолжаетъ Вольтеръ,—добро и зло, добродѣтель и порокъ существуютъ слѣдовательно не сами по себѣ, а лишь по отношенію къ намъ?—Да, такъ-же точно, какъ сладкое и горькое, теплое и холодное существуютъ не сами по себѣ, а по отношенію къ намъ. Тогда, скажутъ иные, если намъ выгодно убивать, красть, насъ ничто не удержитъ. Я могу отвѣтить этимъ людямъ только одно: они вѣроятно будутъ повѣшены».

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Вольтеръ является точнымъ послѣдователемъ Гоббса и Локко, популяризовавшаго мысли Гоббса объ относительности нашихъ нравственныхъ понятій.

А вотъ что говоритъ нашъ авторъ въ трактатѣ «Le philosophe ignorant», написанномъ въ 1766 году, обращаясь къ тому-же Гоббсу: «Напрасно удивляешь ты читателей, почти успѣвая доказать имъ, что всѣ законы условны, что справедливо и несправедливо лишь то, что условлено называть таковымъ въ

данной странѣ». Вольтеръ соглашается, что трудно съ точностью опредѣлить границы между справедливымъ и несправедливымъ, какъ между слабыми оттѣнками цвѣтовъ; но главные цвѣта бросаются въ глаза такъ же точно, какъ и главныя нравственныя понятія. Это измѣненіе взгляда на нравственность находится въ тѣсной связи съ явившимся у Вольтера въ шестидесятихъ годахъ третьимъ доказательствомъ бытія Божія, на которомъ онъ настаиваетъ теперь едва-ли не больше, чѣмъ на двухъ первыхъ. «Важнѣе метафизическихъ споровъ, — говоритъ онъ въ «Философскомъ словарѣ», — будетъ взвѣсить, не необходимо ли для общаго блага насъ, несчастныхъ мыслящихъ тварей, признать существованіе *карающаго* и *награждающаго* Бога, Который бы служилъ для насъ уздою и утѣшеніемъ?» Вольтеръ находить, что это совершенно необходимо. Общество атеистовъ можетъ существовать, по его мнѣнію, лишь въ томъ случаѣ, если оно состоитъ изъ однихъ философовъ, при этомъ людей богатыхъ, любящихъ спокойствіе и избѣгающихъ трудовъ и опасностей, сопряженныхъ съ занятіемъ общественныхъ должностей. Но какъ для народа — для бѣдняковъ, такъ и для лицъ, занимающихъ какія бы то ни было должности, вѣра въ карающаго и награждающаго Бога необходима: это единственная гарантія противъ тайныхъ преступленій, избѣгающихъ людскаго правосудія. «Если бы Вэйлю (утверждавшему, что общество атеистовъ можетъ существовать) пришлось управлять пятью или шестью стами крестьянъ, онъ не замедлилъ бы возвѣститъ имъ награждающаго и карающаго Бога». Съ другой стороны: «я не желалъ бы имѣть дѣла съ правителемъ-атеистомъ, который нашелъ бы для себя выгоднымъ истолочь меня въ ступѣ: я совершенно увѣренъ, что былъ бы истолченъ», утверждаетъ Вольтеръ. Имѣть дѣла съ фанатикомъ, разумѣется, еще того хуже, — тотъ если не истолчетъ, то сожжетъ человѣка уже безъ всякой выгоды, и спастись отъ него гораздо труднѣе. Но во всякомъ случаѣ гибельны обѣ крайности. Спасеніе въ одномъ деизмѣ или теизмѣ, какъ безразлично называетъ Вольтеръ свою религію.

Вольтеръ утверждаетъ теперь, что мораль одна у всѣхъ людей, — иногда онъ прибавляетъ: у всѣхъ разумныхъ, размышляющихъ людей; иногда-же не дѣлаетъ никакихъ исключеній, но тогда сводитъ эту мораль на единственное правило: «Не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, что-бы дѣлали тебѣ другіе». Расширяя такимъ образомъ общечеловѣческую мораль,

Вольтеръ не находить, что бы ей противорѣчилъ даже обычай нѣкоторыхъ дикарей съѣдать своихъ старыхъ отцовъ,—обычай, приводимый Локкомъ въ примѣръ крайняго разнообразія относительности людскихъ понятій о справедливости. Дикарь, съѣдающій отца, думаетъ Вольтеръ, желаетъ вѣроятно быть въ свою очередь съѣденнымъ своими дѣтьми, когда слишкомъ состарится и полная опасностей жизнь дикаря станетъ ему въ тягость. Иногда Вольтеръ приводитъ впрочемъ два-три примѣра опредѣленныхъ нравственныхъ истинъ, признанныхъ всѣмъ человѣчествомъ, и тогда мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ среди этихъ примѣровъ слѣдующій, поражающій своимъ субъективизмомъ: «Если я потребую у турка, гебра или жителя Малабарскаго берега данныя имъ займы деньги... всѣ они согласятся, что справедливость требуетъ ихъ заплатить»... («Phil. ignorant»). Невольно вспоминается, что Вольтеръ никому ничего не былъ долженъ, но имѣлъ очень неисправныхъ должниковъ, вродѣ герцога Виртембергскаго.

Относительно способа наказанія Божествомъ человѣка, Вольтеръ противорѣчитъ себѣ въ различныхъ произведеніяхъ повидимому умышленно. Въ «Проповѣдяхъ» («Homélie»), изданныхъ въ 1767 году, отъ имени англійскихъ духовныхъ лицъ, доказывается необходимость будущей жизни. Добродѣтельные люди часто страдаютъ въ этой жизни, и божественная справедливость осталась бы неудовлетворенной, если бы ихъ не ждала награда за гробомъ. Но въ «Диалогѣ между А. В. и С.», изданномъ вскорѣ послѣ «Проповѣдей», мы находимъ разсужденія, несогласимыя съ мнѣніемъ благочестивыхъ пасторовъ. «Вѣчный принципъ такъ устроилъ вещи,—говоритъ А., представитель мнѣній автора,—что, если моя голова хорошо организована и мой мозгъ не слишкомъ сыръ и не слишкомъ сухъ, я имѣю мысли, за что и благодаренъ отъ всего сердца». Понятіе объ отдѣльной отъ тѣла душѣ,—говоритъ тотъ-же А,—явилось слѣдствіемъ несчастной привычки принимать слова за реальныя существа, чему въ древности немало способствовалъ Платонъ своимъ философскимъ жаргономъ.

Въ «Исторіи Женни», романѣ, выданномъ авторомъ за произведеніе англійскаго теолога Шерлока, одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ своему сыну, сдѣлавшемуся атеистомъ и отчаяннымъ негодемъ, что нельзя быть увѣреннымъ въ полномъ исчезновеніи вмѣстѣ съ жизнью того, что въ насъ мыслить и желаетъ и что называли когда-то монадой. Богъ можетъ со-

хранить монаду послѣ смерти и поступить съ нею сообразно съ ея поведеніемъ при жизни. Но въ слѣдующемъ-же произведеніи, гдѣ заходитъ рѣчь о томъ-же предметѣ, въ діалогѣ «Софронимъ и Аделось», Вольтеръ говоритъ устами Софронима.

Упорное подчеркиваніе Вольтеромъ *полезности* вѣры не разъ служило поводомъ къ заподозриванію фернейскаго философа въ томъ, что въ сущности онъ не вѣритъ въ Бога, а лишь «изобрѣтаетъ» его согласно знаменитой фразѣ изъ одного направленнаго противъ атеистовъ стихотворенія. Но стоитъ вчитаться въ произведенія Вольтера, чтобы убѣдиться въ томъ безусловномъ, рѣшающемъ значеніи, какое имѣло для него телеологическое доказательство бытія Божія. Онъ не допускалъ и мысли о возможности движенія, развитія, присущихъ *самой* матеріи. Она представлялась ему неподвижной, мертвой, безформенной массой, надъ которой оперируетъ дѣйствующая по плану внѣшняя разумная сила, вносящая въ матерію порядокъ, дающая ей форму и сообщающая движенія. Часовщикъ, архитекторъ со своими продуктами представляютъ для Вольтера полнѣйшую аналогію съ творящей силой и матеріей. «Природы нѣтъ,—твердитъ онъ въ своихъ произведеніяхъ,—а существуетъ лишь искусство. Каждая соломинка свидѣтельствуетъ о создавшемъ ее великомъ художникѣ». Тѣмъ-же дуализмомъ проникнуты и его социальныя и политическія взгляды. Народъ для него—та-же неподвижная, безформенная масса. Думать за нее, давать ей ту или другую форму—могутъ только высшіе, образованные классы. До сихъ поръ масса была зла и фанатична, потому что подражала направлявшему ее духовенству. Когда высшіе классы будутъ состоять изъ деистовъ, ихъ терпимость и благожелательность сообщатся и массамъ посредствомъ примѣра съ ихъ стороны и подражанія съ ея.

Вѣра въ Творца и устроителя вселенной лежала въ самой основѣ міросозерцанія Вольтера; зато относительно всѣхъ другихъ вопросовъ, соприкасающихся съ этой вѣрой, онъ находился повидимому въ томъ положеніи, которое выразилъ въ словахъ А; въ упомянутомъ нами діалогѣ: «Относительно всего остального (кромѣ существованія Бога) я брожу ошупью, въ потемкахъ. Сегодня я утверждаю явившуюся у меня идею, завтра я сомнѣваюсь въ ней, послѣ-завтра я отрицаю ее. Всѣ добросовѣстные философы,—добавляетъ А.—выпивши немного, сознавались мнѣ, что находятся въ томъ же положеніи». Далѣе тотъ же А. поясняетъ до нѣкоторой степени и отношеніе Вольтера къ вопросу

о «полезности». На возраженія С., не допускающаго, что бы всемогущій Творецъ сталъ наказывать созданныя имъ существа, которыя по необходимости совершенно безсильны въ его рукахъ, А. отвѣчаетъ: «Знаю я все, что можно сказать объ этомъ темномъ предметѣ, но я объ этомъ не разсуждаю».

Вольтеръ и Руссо, имена которыхъ такъ тѣсно связаны въ умахъ потомства, гроба которыхъ народный энтузіазмъ поставилъ рядомъ въ Пантеонѣ, а кости—реакція выбросила въ одну яму, были при жизни непримиримыми врагами.

Уже первое произведеніе Руссо, обратившее на него вниманіе публики, «Рѣчь о вліяніи наукъ и искусствъ», должно было показать въ немъ Вольтеру человѣка діаметрально противоположныхъ съ нимъ взглядовъ по одному изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ. Въ 1755 году Руссо прислалъ ему свое второе произведеніе—«Рѣчь о неравенствѣ между людьми»—еще рѣзче, въ болѣе широкой области, расходившееся со взглядами Вольтера. Дикари, являющіеся у Руссо единственными нормальными представителями человѣческаго рода, были для Вольтера просто «животными, еще недоразвившимися до человѣка... Это гусеницы, которыя не сдѣлаются бабочками раньше нѣсколькихъ столѣтій». («Dial. entre A. V. C.») Вольтеру было тѣмъ легче оставлять гусеницъ за предѣлами человѣчества, что онъ не признавалъ единства человѣческаго рода, и находилъ, что приписывать общихъ предковъ неграмъ, краснокожимъ и европейцамъ также неосновательно, какъ было бы неосновательно предположить, что тѣ деревья, которыя застали въ Америкѣ первые переселенцы изъ Европы, не были непосредственнымъ продуктомъ американской почвы, а произошли отъ какого-то одного дерева, когда-то выросшаго въ Старомъ Свѣтѣ. Этотъ взглядъ на дикарей не мѣшалъ впрочемъ Вольтеру возлагать на нихъ иногда (въ нѣкоторыхъ діалогахъ и отчасти въ романѣ «L'ingénu») обязанность побивать своими аргументами бакалавровъ теологіи и священниковъ. Восхваленіе дикарей было въ глазахъ Вольтера только недѣло, но мнѣніе Руссо о собственности, какъ источникѣ всѣхъ бѣдствій и преступленій человѣчества, возбуждало его негодованіе. Для Вольтера уваженіе къ собственности было наоборотъ однимъ изъ немногихъ нравственныхъ правилъ, одинаково свойственныхъ всему человѣчеству.

Тѣмъ не менѣе всегда отвѣчавшій любезностью на любезность, Вольтеръ письмомъ поблагодарилъ Руссо за пересылку

«Рѣчи», коснувшись ея содержания, правда, въ шутливой, но въ сущности лестной формѣ. «Никогда еще,—писалъ онъ,—не было потрачено столько ума на попытку возвратить людей къ глупости. Читая вашу книгу, чувствуешь желаніе пойти на четверенькахъ. Но шестидесятилѣтняя привычка заставляетъ меня предоставить это естественное положеніе людямъ, болѣе достойнымъ его, чѣмъ мы съ вами». И тутъ же онъ спрашиваетъ Руссо о здоровьѣ и приглашаетъ къ себѣ въ Делись «пощипать нашей травы». Руссо съ своей стороны почтительно благодаритъ за это письмо Вольтера, называя его «нашимъ общимъ учителемъ». Онъ и впослѣдствіи, уже поссорившись, признавалъ, что сочиненія Вольтера имѣли на него нѣкоторое вліяніе. «Онъ самъ не думаетъ, но заставляетъ думать другихъ», говорилъ Руссо о фернейскомъ философѣ.

Обмѣнъ любезныхъ писемъ давалъ Руссо нѣкоторое право обратиться къ Вольтеру по поводу его «Поэмы о бѣдствіи Лисабона» съ частнымъ письмомъ, въ которомъ онъ возстаетъ противъ пессимизма автора поэмы и защищаетъ міръ и его Творца отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій. Руссо самъ обращаетъ вниманіе на странность того обстоятельства, что изъ двухъ оптимистовъ является онъ, безпріютный бѣднякъ, а пессимистомъ—богатый, знаменитый, обладающій громаднымъ талантомъ и вліяніемъ Вольтеръ, имѣющій, казалось бы, все для того, чтобы быть счастливымъ.

Но въ сущности эта перемена ролей была только кажущейся, и пессимизмъ Вольтера былъ гораздо поверхностнѣе недовольства Руссо. Этому послѣднему не нужно было землетрясеній, чтобы убѣдиться въ существованіи зла въ мірѣ; только видѣлъ онъ его не тамъ, гдѣ Вольтеръ. Міръ былъ для него прекрасенъ, несмотря на землетрясеніе и на то, что ласточка ѣсть червяковъ, а коршунъ—ласточку. Съ этимъ можно помириться. Неизмѣримо больше зла въ людскихъ отношеніяхъ, въ томъ, что «горсть людей утопаетъ въ излишествахъ, когда голодная масса нуждается въ необходимомъ» (*De l'inégalité...*). Но это зло люди сами создали; изъ рукъ Творца они вышли равными и счастливыми.

Пессимизмъ землетрясеній и коршуновъ совершенно безнадежный—что тутъ подѣлаешь?—но въ то же время и совершенно бесплодный. Онъ можетъ дать тему для двухъ-трехъ художественныхъ произведеній, но на немъ нельзя остановиться

на продолжительное время. И Вольтеръ скоро оставилъ его въ покоѣ, вспоминая время отъ времени лишь по поводу «происхожденія зла на землю». Вольтеръ, какъ мы знаемъ, не задавался слишкомъ широкими и далекими цѣлями. Нужно добиться уничтоженія влiянiя духовенства на правительственныя учрежденiя, свободы убѣжденiй для мыслящихъ людей—вотъ главная задача. «Величайшая услуга, которую можно оказать человѣческому роду,—пишетъ онъ въ 1765 г. д'Аржанталю,—заключается, по моему мнѣнiю, въ томъ, чтобы отдѣлать глупый народъ отъ порядочныхъ людей, и мнѣ кажется, что это дѣло значительно подвинулось. Нельзя выносить нелѣпаго нахальства людей, которые говорятъ намъ: «я хочу, чтобы вы думали такъ-же, какъ вашъ портной и ваша прачка». Въ такихъ размѣрахъ задача была дѣйствительно близка къ осуществленiю. Огромное большинство дворянства, значительная часть буржуазiи уже принадлежала къ «порядочнымъ» свободомыслящимъ людямъ,—«нелѣпое нахальство» не могло быть продолжительно. Фанатизмъ, правда, еще показывалъ когти, и къ главной задачѣ у Вольтера скоро присоединилась борьба съ безобразнымъ судопроизводствомъ старыхъ парламентовъ, но и тутъ успѣхи слѣдуютъ за успѣхами, побѣда возможна и даже близка.

По существу-же современный общественный строй, кромѣ нѣкоторыхъ подлежащихъ отмѣнѣ средневѣковыхъ законовъ, вполне удовлетворителенъ и въ главныхъ, основныхъ чертахъ все въ немъ должно оставаться попрежнему: просвѣщенные богатые господа—богатыми господами; глупый народъ—народомъ, а лакеи—лакеями. Современный строй казался ему старчествомъ человѣческаго рода. Молодость человѣчества лежала позади, по крайней мѣрѣ для народовъ, уже цивилизованныхъ. Что еще возможно, такъ это задержать успѣхи старчества въ особенности тамъ, гдѣ его проявленiе: утонченность нравовъ и неравенство состоянiй сравнительно еще не велики, какъ напримѣръ въ его родной Женевѣ.

Письмо въ защиту Провидѣнiя не понравилось Вольтеру, и онъ уклонился отъ отвѣта, сославшись на нездоровье. Это уже обидѣло очень обидчиваго Руссо. А Вольтеръ между тѣмъ, страстный любитель театра, завелъ у себя спектакли, на которые рвались женевцы, несмотря на запрещенiе Кальвина. Такой соблазнъ для его соотечественниковъ до глубины души возмущалъ Жанъ-Жака, который считалъ театръ лучшимъ сред-

ствомъ портить нравы, развивать въ людяхъ вкусъ къ роскоши и отдалять ихъ отъ напосѣщающей театрѣ массы. Копія съ его письма къ Вольтеру попала въ руки бдительныхъ хищниковъ-издателей и была напечатана. Вольтеръ могъ подумать, что напечаталъ ее самъ Руссо, и послѣдній счелъ нужнымъ оправдаться, но воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выразить Вольтеру вновь развившіяся въ немъ чувства: «Я не люблю васъ, милостивый государь», такъ начинаетъ онъ свое письмо и, перечисливши вины Вольтера: развращеніе женефцевъ, внушеніе имъ недобрыхъ чувствъ къ нему, Руссо, и проч., онъ опять повторяетъ, что ненавидитъ Вольтера, котораго когда-то любилъ. На это признаніе въ ненависти не послѣдовало отвѣта, но въ письмахъ къ друзьямъ Вольтеръ называлъ уже Руссо не иначе, какъ сумасшедшимъ. «Новую Элоизу», поразившую общество, которое свело любовь на забаву, своей глубокой страстностью, онъ нашелъ неимоверно скучной и подвергъ самой беспощадней критикѣ.

Въ 1762 г. «Эмиль» и «Общественный договоръ» Руссо сожигаются сперва въ Парижѣ, а затѣмъ—въ Женевѣ. Бѣжавшаго автора скоро изгоняетъ также Бернское правительство, и онъ находитъ временное убѣжище лишь въ Невшательскихъ владѣніяхъ Фридриха II. Узнавши о бѣдственномъ положеніи Руссо, Вольтеръ черезъ общихъ знакомыхъ опять зоветъ его къ себѣ и обѣщаетъ пріютъ и безопасность. Но вскорѣ до него доходятъ слухи, что Руссо въ письмахъ и разговорахъ обвиняетъ его въ подстрекательствѣ къ тѣмъ преслѣдованіямъ, которымъ онъ подвергся со стороны Женевского и Бернского правительствъ. Такое тяжелое обвиненіе было болѣе чѣмъ несправедливо. Вольтеръ помогаль, наоборотъ, сторонникамъ Руссо, пытавшимся въ Женевѣ добиться отмены постановленнаго противъ него приговора. Затѣмъ окончательно и безповоротно Руссо возстановилъ противъ себѣ Вольтера, назвавши его печатно авторомъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ контрабандныхъ произведеній, которыя тотъ приписывалъ умершимъ или вымышленнымъ личностямъ. Послѣ такого поступка Вольтеръ отбросилъ всякую сдержанность и уже не щадилъ красокъ на изображеніе Руссо. Придуманная имъ геніалогія, по которой характеръ автора «Эмиля» объяснялся его происхожденіемъ отъ собаки Герострата, встрѣтившейся съ псомъ Діогена, принадлежитъ еще не къ самымъ злымъ выходкамъ Вольтера противъ Руссо. Изъ нихъ двухъ первый громче, чаще

и рѣзче нападалъ на противника, но какъ инициатива вражды, такъ и избытокъ ненависти принадлежали въ сущности послѣднему.

ГЛАВА VI.

Дѣла Каласовъ, Сирвеновъ и проч.—Казнь Ла-Барра.—Ферней и его жители.—Гости и переписка.—Отъѣздъ въ Парижъ.—Оваціи.— Болѣзнь и смерть.—Приключенія послѣ смерти.

9 марта 1762 г. въ Тулузѣ былъ колесованъ по приговору парламента старый гугенотъ Жанъ Каласъ, обвиненный въ убійствѣ родного сына съ цѣлью помѣшать его переходу въ католичество. Уже первыя извѣстія объ этомъ дѣлѣ произвели сильное впечатлѣніе на Вольтера. «Совершенно страшное преступленіе,—пишетъ онъ одному знакомому,—только кѣмъ?—Отцомъ-гугенотомъ или восемью судьями, колесовавшими невиннаго?» Онъ настойчиво требуетъ отъ своихъ корреспондентовъ самыхъ обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ; знакомится съ бѣжавшими въ Женеву остатками семьи Каласа и скоро пишетъ друзьямъ, что преступленіе совершено именно судьями, и что онъ также убѣжденъ въ невинности Каласовъ, какъ въ своемъ собственномъ существованіи. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, самоубійство сына ясно, какъ день. Во всемъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній не только для обвиненія, — даже для простого подозрѣнія въ убійствѣ. Но достаточно было кому-то въ толпѣ, собравшейся посмотрѣть на снятое съ петли тѣло самоубійцы, высказать предположеніе, что старикъ самъ повѣсилъ сына, и это предположеніе повторяется толпой, приобретаетъ среди враждебно настроеннаго католическаго населенія достовѣрность факта и дѣйствуетъ на судей.

Убѣдившись въ невинности Каласовъ, Вольтеръ взялъ на себя ихъ защиту и не зналъ ни минуты покоя, пока не добился ихъ оправданія. Прежде всего онъ пытается заставить судей опубликовать тѣ факты, на которыхъ основанъ ихъ приговоръ. «Они говорятъ, что это не въ обычай. А! чудовища! Такъ мы же добьемся того, что это сдѣлается обычаемъ», пишетъ онъ д'Аржанталю. «Каласъ колесованъ, — этого не измѣнишь; но можно опозорить его судей, чего я имъ и желаю». Онъ пишетъ и публикуетъ мемуары въ защиту Каласовъ; прискиваетъ имъ адвокатовъ и руководить этими адвокатами; старается заинтере-

совать ихъ дѣломъ министра, фаворитку, всѣхъ своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ. Онъ помогаетъ матеріально несчастной семьѣ и побуждаетъ помогать другихъ.

Парламенты отнесли въ началѣ очень презрительно къ поднятому Вольтеромъ шуму. «Одинъ совѣтникъ парламента сказалъ на-дняхъ адвокату Каласовъ, — пишетъ въ январѣ 1763 г. д'Аламберъ Вольтеру, — что его прошеніе не будетъ принято, потому что во Франціи *судей больше, чѣмъ Каласовъ*. Вотъ они каковы, отцы отечества!» Но почтенные отцы отечества жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ. Каласовъ, то есть людей, имъ сочувствовавшихъ и возмущавшихся приговоромъ, было уже больше, чѣмъ парламентскихъ совѣтниковъ. Скоро, благодаря усиліямъ Вольтера, вся Франція, вся читающая Европа превратилась въ Каласовъ. Понадобилось однако цѣлыхъ 3 года, чтобы добиться пересмотра процесса.

Наконецъ высшій судъ въ Парижѣ призналъ невинность казненнаго гугенота и его семьи. «Эту побѣду одержала философія!» — радостно пишетъ Вольтеръ д'Аржанталю по поводу оправданія.

Но у фернейскаго патриарха были уже на рукахъ и другіе процессы. Еще агитація по дѣлу Каласовъ была только что начата, когда аналогичное дѣло привело подъ защиту Вольтера семью Сирвенонъ, заочно приговоренныхъ къ смерти за убійство своей, похищенной у нихъ, сведенной въ монастырѣ сума и утопившейся въ припадкѣ безумія, дочери. Послѣ восьмилѣтнихъ неутомимыхъ усилій Вольтеръ добился пересмотра и отмѣны приговора также и по этому дѣлу.

Рядомъ съ громкими побѣдами посредствомъ агитаціи неутомимому патриарху нерѣдко удавалось также освобождать втихомолку, при помощи личныхъ связей съ вліятельными лицами, гугенотскихъ проповѣдниковъ, отправляемыхъ на галеры въ силу исключительныхъ законовъ, подъ которыми жили французскіе кальвинисты со времени отмѣны Нантскаго эдикта.

И не однихъ гугенотовъ защищалъ Вольтеръ, «Судьба» или, вѣрнѣе, слава, прибрѣтенная имъ въ качествѣ защитника Каласа, сдѣлала Вольтера, какъ онъ говоритъ въ «Мемуарахъ», «адвокатомъ всѣхъ проигранныхъ дѣлъ». Ферней превратился въ особаго рода трибуналь, гдѣ пересматривались всѣ сомнительные смертные приговоры. Вслѣдствіе тайны тогдашняго судопроизводства дѣла доходили до Вольтера въ большинствѣ случаевъ

уже послѣ совершенія казней, и ему удавалось спасать лишь память казненныхъ, ихъ семьи и второстепенныхъ обвиненныхъ. Но въ процессѣ супруговъ Монтабелли, обвиненныхъ въ убійствѣ матери «на такихъ основаніяхъ,—говоритъ Вольтеръ,—которыя показались бы смѣшными даже судьямъ Каласовъ», ему удалось спасти отъ костра жену Монтабелли, сожженіе которой было отложено до разрѣшенія ея отъ бремени.

Но въ самомъ ужасномъ изъ процессовъ того времени Вольтеру не удалось при жизни одержать побѣды. На этотъ разъ со стороны судей не было ошибки, хотя бы и вызванной религіозными предубѣжденіями, а было сознательное злодѣйство янсенистовъ, стремившихся доказать, что съ изгнаніемъ ихъ враговъ-иезуитовъ религія защищается лучше прежняго. Въ августѣ 1765 г. въ Аббевилѣ было поцарапано ножомъ стоявшее на мосту деревянное распятіе. Молва указала на двухъ юношей, Ла-Барра и Эталонда, одного 16, другого 17 лѣтъ, обратившихъ на себя вниманіе публики тѣмъ, что однажды не стали на колѣни, когда мимо нихъ проходила церковная процессія. Началось слѣдствіе. Эталондъ успѣлъ бѣжать. Ла-Барръ былъ арестованъ. Павшее на нихъ подозрѣніе относительно порчи распятія не подтвердилось на слѣдствіи, но было доказано, что юноши непочтительно отзывались о церкви и духовенствѣ, знали наизусть отрывки изъ «Пюсель» и раскланивались—«шутя», какъ показалъ на допросѣ Ла-Барръ,—предъ столомъ, на которомъ были разложены преслѣдуемыя книги, въ томъ числѣ «Философскій словарь» Вольтера. Этихъ-то дѣтскихъ преступленій было достаточно въ глазахъ судей, чтобы приговорить Ла-Барра, во-первыхъ, къ пыткамъ съ цѣлью полученія указаній на виновниковъ порчи распятія, затѣмъ—къ казни отцеубійцы: сожженію живымъ послѣ предварительнаго вырѣзанія языка. Къ тому-же приговоренъ заочно и Эталондъ. Мужественно вынесъ Ла-Барръ ужасныя пытки, никого не назвавши. Казнь надъ нимъ была совершена лишь съ тѣмъ смягченіемъ, что тѣло было брошено въ огонь послѣ обезглавленія. Вся читающая Европа содрогнулась отъ ужаса и негодованія при извѣстии объ этой казни. У несчастнаго мальчика были безчисленные сообщники. Среди французскаго дворянства, къ которому принадлежалъ онъ, почти не было невинныхъ въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя онъ погибъ. Юноша только подражалъ окружающимъ.

«Я стыжусь принадлежать къ этой націи обезьянъ, такъ часто

превращающихся въ тигровъ», пишетъ Вольтеръ д'Аламберу при извѣстїи о казни. «Нѣтъ, теперь не время шутить, остроумїе неумѣстно на бойнѣ... И нація дозволяетъ это!... Парижане поговорятъ немного и идутъ въ комическую оперу... Я плачу о дѣтяхъ, у которыхъ вырываютъ языки. Я—больной старикъ, мнѣ это простительно». Друзья совѣтуютъ Вольтеру не вмѣшиваться въ это дѣло. Его «Словарь» брошенъ въ костеръ вмѣстѣ съ тѣломъ казненнаго. Въ парламентскихъ сферахъ поговариваютъ, что онъ виновнѣе Ла-Барра, что его-то сочиненїя и развращаютъ Францію. Вольтеръ и самъ былъ испуганъ вначалѣ и подумывалъ о переселенїи во владѣнїя Фридриха II; но это не помѣшало ему проявить самую нѣжную заботливость объ Эталондѣ и знакомить Европу, путемъ печати, со всѣми отвратительными подробностями процесса и казни въ Аббевилѣ. Въ 70-хъ годахъ Вольтеръ дѣлалъ попытки добиться пересмотра дѣла, но безуспѣшно. Лишь при республикѣ былъ отмѣненъ этотъ ужасный приговоръ.

Принимаясь хлопотать за тѣхъ или другихъ жертвъ неpravосудїа, Вольтеръ, съ одной стороны, всей душой возмущался именно данной несправедливостью и сочувствовалъ даннымъ лицамъ, но въ то-же время онъ имѣлъ въ виду и общее положенїе дѣлъ. Борьба съ отдѣльными парламентами за отдѣльныя жертвы, которыхъ онъ старался вырывать изъ ихъ рукъ, сама собою превратилась у него въ болѣе общую борьбу за реформу судопроизводства. Пытка ordinaria и экстраординарная была тогда еще въ полной силѣ при слѣдствїи. Приговоры не мотивировались. Судопроизводство было тайное. Должности судей продавались. Въ различныхъ провинціяхъ дѣйствовали различные законы. Широко примѣняемая смертная казнь осложнялась колесованїемъ, обрубанїемъ членовъ и другими мученїями. Бывали еще и сожженїя. Внимательно вникая нѣсколько лѣтъ подъ рядъ во всѣ подробности этихъ средневѣковыхъ ужасовъ, Вольтеръ проникся къ нимъ величайшей ненавистью. Когда въ 1764 году вышло произведенїе Беккарія «О преступленїяхъ и наказанїяхъ», защитникъ Каласовъ радостно привѣтствовалъ такого сильнаго союзника. Онъ написалъ свое первое сочиненїе противъ казни Ла-Барра въ формѣ посланїя къ Беккарія, а позднѣе составилъ комментарий на его знаменитое произведенїе.

Всѣ эти судебные ужасы продѣлывали парламенты. Они же

преслѣдовали книги и писателей. Состоя въ большинствѣ изъ янсенистовъ и оставшись послѣ изгнанія іезуитовъ, въ 1762 г., господами положенія, они скоро оказались хуже іезуитовъ: и нетерпимы, и безжалостны. Написанная Вольтеромъ «Исторія парламента» довольно безпристрастна, но далеко не лестна для этого учрежденія. Онъ находилъ, что если парламенты и ограничиваютъ королевскую власть, то лишь въ хорошемъ, мѣшая необходимымъ реформамъ и развитію духа терпимости, къ которому гораздо склоннѣе ихъ высшая знать, составляющая дворъ и вліяющая на королей. «Вы правы,—писалъ Вольтеръ д'Аламберу,—возставая противъ знати и ея льстецовъ; но знатные люди покровительствуютъ при случаѣ; они презираютъ ханжество и не любятъ преслѣдовать философовъ. Что же касается до вашихъ парижскихъ петантовъ, кушившихъ свои должности, до этихъ грубыхъ буржуа, полу-фанатиковъ, полу-глупцовъ, то эти не способны ни на что, кромѣ гадостей».

Поэтому, когда въ 1771 году канцлеръ Мопу остановилъ дѣйствія парижскаго парламента и предпринялъ въ то же время нѣкоторыя—правда незначительныя—судебныя реформы, Вольтеръ оказался на сторонѣ Мопу и въ противорѣчій съ общественнымъ мнѣніемъ поддерживавшимъ парламентъ.

Подъ конецъ жизни, въ семидесятихъ годахъ, фернейскій патріархъ взялъ на себя также защиту несчастныхъ крѣпостныхъ, жившихъ на земляхъ монастыря Сентъ-Клодъ. До нихъ дошли вѣсти о существованіи неподалеку отъ нихъ такого чело-вѣка, котораго боятся даже монахи, и они обратилъ за защитой къ Вольтеру. Монастырь Сентъ-Клодъ сохранялъ еще въ то время уже исчезнувшее въ большинствѣ французскихъ провинцій право наслѣдованія имущества, остававшася послѣ смерти кого либо изъ живущихъ на его земляхъ. Вольтеръ затѣялъ дѣло, но его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. Безансонскій парламентъ, на разсмотрѣніе котораго поступила жалоба крестьянъ, подтвердилъ права монаховъ. Тѣмъ не менѣе поднятая агитація, обобщившаяся подъ перомъ Вольтера въ агитацію противъ остатковъ крѣпостного права вообще, не пропала даромъ, подготавливая умы къ его отмѣнѣ. Нѣсколько удачнѣе были старанія владѣльца Фернея объ освобожденіи своихъ сосѣдей, обитателей узкой полосы земли между Юрскими горами и Женевскимъ озеромъ, отъ дѣйствія отяжной системы взиманія налоговъ. При министерствѣ Тюрсо сосѣди Вольтера были, за опредѣленный денежный взносъ,

избавлены отъ генеральной фермы съ ея разнообразными поборами и многочисленными агентами. И здѣсь, какъ вездѣ, частная защита перешла у Вольтера въ общую агитацію противъ того зла, отъ котораго вмѣстѣ съ обитателями даннаго клочка земли страдало большинство французскаго населенія.

Когда Вольтеръ купилъ Ферней, эта деревенька состояла изъ 8 хижинъ, въ которыхъ нѣсколько крестьянскихъ семей влачило самое жалкое существованіе. Въ послѣдніе годы его жизни Ферней насчитывалъ уже 1200 жителей и представлялъ собою цвѣтущее мѣстечко, ему одному обязанное и своимъ существованіемъ, и благосостояніемъ. Населеніе Фернея составилось изъ переселенцевъ, для которыхъ Вольтеръ строилъ дома, сдавая ихъ за небольшую плату, прекращавшуюся съ его смертію. Онъ-же давалъ имъ денегъ на обзаведеніе и устранялъ черезъ свои связи широкой сбытъ для ихъ продуктовъ—главнымъ образомъ часовъ. Часовщиками были по большей части переселенцы изъ Женева, потомки французскихъ эмигрантовъ, составлявшіе въ этомъ городѣ ниспій безправный слой населенія. Они сдѣлали попытку добиться правъ женеваскихъ гражданъ, были побѣждены и во множествѣ выселились въ гостепріимно открытый для нихъ Ферней.

Первоначальная дружба съ женеваскимъ правительствомъ, такъ охотно «приходившимъ обѣдать» въ Делись, оказалась непрочной. Первымъ облачкомъ явилось высказанное Вольтеромъ убѣжденіе, что казнь Сервета была просто убійствомъ, а Кальвинъ—жестокимъ изуверомъ. Театръ, открытый всѣмъ желающимъ и неудержимо привлекавшій женеваскую молодежь, тоже причинялъ немало безпокойства властямъ кальвинистскаго города. Затѣмъ въ начавшихся гражданскихъ смутахъ маленькой республики хотя Вольтеръ и пытался держать нейтралитетъ, приглашая на обѣды представителей обѣихъ ссорящихся партій, но подъ рукою давалъ совѣты оппозиціи. Все это вызывало неудовольствіе противъ Вольтера и заставило его окончателью промѣнять Делись на Ферней, постепенно завоевавшій всѣ его симпатіи.

Особенно гордился владѣлецъ Фернея тѣмъ, что въ этомъ мѣстечкѣ съ населеніемъ, смѣшаннымъ изъ католиковъ и протестантовъ, не было и тѣни религіозной вражды. Наоборотъ,—протестанты помогали католикамъ украшать ихъ религіозные праздники и почтительно присутствовали на этихъ празднествахъ,

а католики отъ души благодарили ихъ за участіе, вмѣсто того, чтобы гнать и преслѣдовать, какъ въ другихъ мѣстахъ. Это обстоятельство подтверждало въ глазахъ Вольтера его мнѣніе, что нисшіе классы будутъ терпимы, какъ только высшіе, вмѣсто того, чтобы, въ лицѣ духовенства, разжигать религіозную вражду, будутъ подавать имъ примѣръ терпимости. Выстроивъ въ Фернеѣ новую церковь, вмѣсто почти развалившейся старой, которую онъ тамъ засталъ, Вольтеръ посвятилъ ее одному Богу, вѣра въ Котораго объединяетъ всѣ вѣроисповѣданія. Показывая церковь посѣтителямъ Фернея, онъ обращалъ ихъ вниманіе на то обстоятельство, что это едва-ли не единственный во Франціи храмъ, посвященный Богу, а не тому или другому святому.

Роль хозяйки дома, сперва въ Делисѣ, а затѣмъ въ Фернеѣ, играла поселившаяся у Вольтера г-жа Дени—та самая племянница, которая была арестована съ нимъ во Франкфуртѣ. Вольтеръ сдѣлалъ ее своей наслѣдницей и не упустилъ случая въ письмахъ къ друзьямъ хвалить какъ ее самое, такъ и ея драматическій талантъ. Но иначе отзываются о ней почти всѣ знакомые Вольтера, которымъ случается упомянуть о племянницѣ знаменитаго писателя въ своихъ письмахъ или воспоминаніяхъ. Ее изображаютъ недалекой, тщеславной, эгоистичной женщиной. «Она была еще сносна, пока не возымѣла, въ качествѣ племянницы Вольтера, претензій на философію и остроуміе», пишетъ о ней одна дама. Всѣ три секретаря Вольтера, оставшіе о немъ воспоминанія, сходятся въ похвалахъ ему и въ отвращеніи къ его племянницѣ. Въ 1760 г. онъ приобрѣлъ себѣ приемную дочь, взявъ на воспитаніе шеснадцатилѣтнюю родственницу Корнеля, находившуюся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Старикъ быстро привязывается къ веселой, ласковой дѣвочкѣ, и самъ, не смотря на множество занятій, принимается учить ее, начиная съ чистописанія и грамматики. «У меня множество дѣлъ на рукахъ,—пишетъ онъ д'Аржанталю,—но самое трудное изъ нихъ — ознакомить съ грамматикой мадмуазель Корнель, которая не чувствуетъ ни малѣйшаго расположенія къ этой божественной наукѣ».

Онъ обезпечилъ за своей воспитанницей значительное состояніе и черезъ три года выдалъ ее замужъ, оставивъ молодыхъ жить у себя въ Фернеѣ. «Я самъ приобрѣлъ себѣ пару дѣтей, въ которыхъ отказала мнѣ природа», радуется онъ въ письмахъ къ друзьямъ. Потомъ пошли и внучата.

Съ каждымъ годомъ недавно пустынный Ферней все болѣе и болѣе оживлялся. Личность Вольтера привлекала въ него многочисленныхъ гостей. Когда изъ Парижа прѣзжали артисты: знаменитая актриса Клеронъ и еще болѣе знаменитый Леконъ—когда-то скромный ученикъ Вольтера—въ Фернеѣ наступалъ шумный праздникъ. Давались спектакли, на которые публика собиралась со всей окрестности. Послѣ представленія фернейскаго патриарха угощаль зрителей ужиномъ на сто—иногда даже на триста приборовъ, а послѣ ужина начинались танцы. Кромѣ друзей-артистовъ, прѣзжали также друзья-писатели и единомышленники: д'Аламберъ, Мармонтель, Дамилявиль, г-жа де-Сень-Жюльенъ, Тюрго, аббатъ Морелле и другіе. Лагарпъ, тогда еще молодой и бѣдный, прожилъ въ Фернеѣ нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ со своей женой.

Чтобы дѣйствовать на общественное мнѣніе изъ такого отдаленнаго уголка, какъ Ферней, чтобы всегда знать съ точностью, каково настроеніе Парижа, какіе вопросы стоятъ тамъ на очереди, необходимо было поддерживать самую дѣятельную переписку съ парижскими друзьями. Главными корреспондентами Вольтера были д'Аламберъ, д'Аржанталь, Дамилявиль... Послѣдній былъ чрезвычайно полезенъ Вольтеру—да и не ему одному—также тѣмъ, что, служа въ администраціи, имѣлъ право по своей должности прикладывать печать генеральнаго контролера ко всѣмъ письмамъ и пакетамъ, выходившимъ изъ его бюро, и широко пользовался этимъ правомъ въ интересахъ своихъ друзей. Тайна писемъ въ то время не соблюдалась во Франціи, а почта чуть не ежедневно приносила въ Ферней письма и рукописи, требовавшія тайны.

Вольтеръ велъ изъ Фернея дѣятельную переписку также со многими коронованными особами и ихъ родственниками. Съ Фридрихомъ II переписка возобновилась еще во время семилѣтней войны, когда королю приходилось такъ плохо, что онъ подумывалъ о самоубійствѣ и даже выразилъ свои думы въ стихотвореніи. Не смотря на ссору, какъ Вольтеръ, такъ и самъ Фридрихъ продолжали очень интересоваться другъ другомъ и собирать одинъ о другомъ самыя подробныя свѣдѣнія. Узналъ Вольтеръ и о мрачныхъ намѣреніяхъ своего «Люка», какъ звалъ онъ теперь бывшаго «Соломона сѣвера», по имени жившей у него въ Делисѣ злой обезьяны, въ которой находилъ сходство съ Фридрихомъ. Въ письмѣ къ маркиграфинѣ Байрейтской, люби-

мой сестрѣ прусскаго короля, Вольтеръ выразилъ безпокойство о судьбѣ своего бывшего друга. Та сообщила письмо брату и Фридрихъ не замедлилъ самъ написать Вольтеру, приложивши къ письму и знаменитое стихотвореніе. Въ своемъ отвѣтѣ бывший учитель старается разсѣять мрачныя мысли короля; переписка снова завязывается и тянется съ небольшими перерывами до самой смерти старшаго изъ корреспондентовъ. Это еще не значитъ, что Вольтеръ забылъ франкфуртскую исторію. Въ первыхъ письмахъ онъ конечно не упоминалъ о ней, но какъ только одержанныя побѣды разогнали мрачныя мысли его корреспондента, онъ началъ время отъ времени попрекать его за вынесенныя обиды. Тотъ съ своей стороны, не оправдывая подробностей поведенія Фрейтага, твердо стоялъ на томъ, что Вольтеру только потому такъ легко сошли съ рукъ его поступки съ нимъ, Фридрихомъ, что онъ имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, влюбленнымъ въ его талантъ. Не смотря однако на эти взаимныя упреки, ихъ переписка снова приняла постепенно и до конца сохранила самый дружескій характеръ.

Много удовольствія Вольтеру и много пользы той массѣ лицъ, заботы о которыхъ онъ бралъ на себя, доставили также его русскія отношенія. Они начались еще—правда, чисто оффиціальныя—при императрицѣ Елизаветѣ, поручившей Вольтеру, по совѣту Шувалова, написать исторію Петра Великаго. Прекратившись со смертью Императрицы, они снова возобновляются при Екатерицѣ, но имѣютъ уже другой характеръ. Новая Императрица—усердная читательница Вольтера, поклонница его таланта. Она пишетъ ему простыя, любезныя, иногда шутивыя и остроумныя письма. А онъ въ полномъ восторгѣ отъ ея ума, отъ наказа, отъ религіозной терпимости, которой нѣтъ еще во Франціи и которую она водворить въ своей обширной Имперіи. Онъ осыпаетъ ее похвалами, и Екатерина пишетъ ему, что «просить его очень серьезно, не хвалить ее прежде, чѣмъ она этого заслужить». Но эти похвалы не лестъ, во всякомъ случаѣ—не одна лестъ съ его стороны. Онъ также усердно хвалить русскую Императрицу людямъ, настроеннымъ очень враждебно противъ нея, напримѣръ герцогинѣ де-Шуазель, женѣ министра, который могъ гораздо больше сдѣлать ему добра или зла, чѣмъ сама Екатерина. «Я—ея рыцарь,—пишетъ Вольтеръ другой недоброжелательницѣ Екатерины, г-жѣ дю-Деффанъ,—и готовъ защищать ее противъ цѣлаго свѣта... Я увѣренъ,

что ея мужъ не сдѣлалъ бы ни одного изъ тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя ежедневно совершаетъ моя Екатерина». Онъ гордился ею, она его—его русская Императрица, его Екатерина. Свое пристрастіе къ ней онъ распространяетъ и на русское дворянство и утверждаетъ, что «открытія Ньютона стали катехизисомъ дворянства Москвы и Петербурга». Съ своей стороны Екатерина II очень охотно исполняетъ его желанія, и притомъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ онъ рассчитываетъ. Она покупаетъ нѣсколько сотъ выдѣланныхъ въ Фернеѣ часовъ, чтобы поддержать пріютившихся подъ покровительствомъ Вольтера женевицкимъ переселенцевъ, и щедро участвуетъ во всякихъ пожертвованіяхъ въ пользу то тѣхъ, то другихъ несчастныхъ, заботу о которыхъ беретъ на себя Вольтеръ. Послѣ смерти великаго писателя она покупаетъ у г-жи Дени его бібліотеку вмѣстѣ съ нѣкоторыми рукописями и письмами. «Чувствительныя души,—пишетъ она г-жѣ Дени,—при видѣ этой бібліотеки всегда будутъ вспоминать, что этотъ великій человѣкъ сумѣлъ внушить человѣчеству то всеобщее доброжелательство, которымъ дышатъ всѣ его произведенія...»

Вольтеръ зачислялъ также въ партію «Философовъ» королей датскаго, шведскаго и польскаго и находился въ перепискѣ со многими нѣмецкими принцами и принцессами, изъ которыхъ, послѣ рано умершей маркграфини Байрейтской, всего больше дорожилъ дружбой герцогини Саксенъ-Готской.

Въ іюлѣ 1766 года побывалъ у Вольтера герцогъ Брауншвейгскій, тотъ самый племянникъ Фридриха II, который болѣе четверти вѣка спустя командовалъ прусскими войсками въ коалиціонной арміи, шедшей на усмиреніе революціи, и который своимъ оскорбительнымъ манифестомъ такъ сильно содѣйствовалъ патріотическому порыву, спасшему Францію. Въ 1766 г. будущій вождь реакціи былъ вольнодумцемъ. Не за долго до его визита Вольтеръ узналъ о казни Ла-Барра и, весь поглощенный жалостью и негодованіемъ, успѣлъ внушить свои чувства гостю и воспользовался этимъ для своихъ цѣлей. Онъ условился съ герцогомъ, что напишетъ ему рядъ писемъ «О людахъ, обвинявшихся въ томъ, что дурно отзывались о религіи», а потомъ эти письма попадутъ невзначай въ печать. Времена были опасныя, но нельзя-же преслѣдовать человѣка за опубликованныя безъ его вѣдома частныя письма къ особѣ королевскаго дома.

Въ эти поздніе года своей жизни Вольтеръ работалъ, какъ сообщаетъ его секретарь Ваньеръ, часовъ по 18 въ сутки. Спаль онъ очень мало и, случалось, будилъ по ночамъ секретаря, чтобы продиктовать ему пришедшія въ голову мысли. Зато большую часть дня онъ работалъ—читалъ или диктовалъ—лежа въ постели. При малѣйшей болѣзни—дѣйствительной или кажущейся—онъ по нѣскольку дней и даже недѣль совсѣмъ не одѣвался и не выходилъ изъ комнаты, но работать не переставалъ. Въ работѣ онъ былъ очень нетерпѣливъ. Разъ начавши, изо всѣхъ силъ спѣшилъ кончать и сейчасъ же печатать, если не было къ тому особыхъ препятствій. При усиленной работѣ онъ поддерживалъ свои силы громаднымъ—чашекъ по 15—20 въ день—количествомъ кофе, къ которому привыкъ съ давнихъ поръ. Определенныхъ часовъ для ѣды, какъ и для сна, у него не было: ѣлъ, когда захочется и вообще очень мало. Здоровье его никогда не было цвѣтущимъ. «Я родился убитымъ», возражалъ онъ знакомымъ, которые говорили ему, что онъ убиваетъ себя своимъ образомъ жизни. Но худой, какъ скелетъ, съ необычайно блестящими до самой смерти глазами, онъ почти никогда не хворалъ на столько, чтобы прекращать занятія. «Желчь и постоянно раздраженные нервы были, есть и будутъ вѣчными причинами его болѣзней», говорилъ докторъ Троншень, лечившій Вольтера въ первые годы его поселенія близъ Женевы. «Я не знаю никого, кто былъ бы умнѣе Троншена и говорилъ лучше его», восхищался пациентъ своимъ докторомъ. Но докторъ не платилъ ему тою же монетой. Спокойному, уравновѣшенному Троншену не нравилась эта безконечно нервная и вовсе неуравновѣшенная натура. «Его нравственное состояніе было такъ неестественно, такъ искажено съ самаго дѣтства, что въ настоящее время все его существо представляетъ собою нѣчто искусственное и ни на что не похожее», писалъ Троншень Жанъ-Жаку Руссо.

По признанію своихъ друзей, Вольтеръ дѣйствительно не походилъ ни на что или вѣрнѣе ни на кого, но они вкладывали въ подобный отзывъ совершенно противоположное чувство. «Какъ громадно разстояніе между однимъ человекомъ и другими!» восклицаетъ д'Аламберъ, описывая Фридриху II тотъ взрывъ хохота, которымъ привѣтствовалъ Парижъ сказку «Бѣлый быкъ», написанную 80-ти-лѣтнимъ Вольтеромъ. Въ ней дѣйствительно такъ и бьетъ ключемъ самое веселое и добродуш-

ное остроуміе. Сюжетъ имѣеть нѣкоторое отношеніе къ предмету постоянныхъ занятій Вольтера—Библии, но сравнительно самое безобидное. Въ сказкѣ фигурируютъ одни библейскія животныя: быкъ Навухудоносоръ, змѣй, китъ, Валаамова ослица, а изъ людей одна Эндарская волшебница, которая пасетъ всѣхъ этихъ звѣрей. Особенно хорошъ змѣй. Онъ обладаетъ самой благородной и выразительной фізіономіей, въ его осанкѣ много достоинства, а по манерамъ—это придворный маркизь. Онъ чрезвычайно любезенъ съ дамами и не можетъ отказать имъ ни въ чемъ рѣшительно. Отсюда-то—увѣряетъ змѣй—и пошла про него дурная слава. Вольтеръ вообще считалъ змѣй оклеветанными животными и не упускалъ случая замолвить за нихъ мимоходомъ доброе слово.

Въ разговорахъ Вольтеръ былъ до самой смерти положительно виртуозомъ. Многіе изъ современниковъ утверждаютъ, что остроуміе, живость и мѣткость его рѣчи превосходили все имъ написанное. Но въ Фернеѣ онъ не былъ щедръ на разговоры. Только самымъ любимымъ или особенно интереснымъ гостямъ удѣлялъ онъ по нѣскольку часовъ послѣ поздняго обѣда, остальнымъ же показывался на самое короткое время, а часто и вовсе не показывался, ссылаясь на нездоровье. Тогда любопытные, явившіеся посмотрѣть на знаменитаго человѣка, должны были довольствоваться обществомъ его племянницы или отца Адама, іезуита, пріютившагося у Вольтера послѣ изгнанія изъ Франціи членомъ этого ордена. Но не отъ всѣхъ посѣтителей легко было отдѣлаться, и иные англичане оказывались очень упорными. «Скажите ему, что я умеръ», распорядился хозяинъ Фернея относительно одного англичанина, желавшаго непременно видѣть его, хотя бы и больного. Слуга возвратился съ извѣстіемъ, что англичанинъ не хочетъ уйти, не поклонившись его тѣлу.—«Тѣло тотчасъ же послѣ смерти унесъ дьяволъ», велѣлъ передать Вольтеръ назойливому посѣтителю.

Добродушный и дружелюбный въ сношеніяхъ со всѣми домашними, онъ однако нерѣдко поддавался своимъ раздражительнымъ нервамъ. Но, всплывши на когонибудь изъ прислуги, онъ часто въ тотъ же день старался загладить рѣзкія слова и въ извиненіе ссылался на свою болѣзнь.

Въ послѣдніе годы, кромѣ раздраженныхъ нервовъ, ему все чаще и чаще давала себя чувствовать давно начавшаяся болѣзнь мочевого пузыря. Нѣсколько разъ случались съ нимъ также обмороки.

Года за три до смерти Вольтеръ опять пріобрѣлъ себѣ дочь, вмѣсто переселившейся въ Парижъ племянницы Корнеля. Еще въ шестидесятихъ годахъ онъ спасъ отъ разорѣнія своихъ сосѣдей дворянъ де-Красси, выкупивши ихъ заложенное имѣніе, чуть было не попавшее въ руки іезуитовъ. Съ тѣхъ поръ де-Красси и ихъ близкіе родственники де-Варикуръ были своими людьми въ Фернеѣ. Въ старинныхъ, но бѣдныхъ дворянскихъ семьяхъ было въ обычаѣ отдавать дѣвушекъ въ монастырь. Безъ приданого трудно сдѣлать равную по рожденію партію. Молоденькой, умной и красивой дѣвушкѣ де-Варикуръ предстояла такая судьба. Она покорила семейному рѣшенію, но не скрывала, что не чувствуетъ призванія. Вольтеръ избавилъ ее отъ монастыря, взявъ къ себѣ на тѣхъ же условіяхъ, какъ когда то Марію Корнель. Дѣвушка нѣжно ухаживала за больнымъ старикомъ, старалась предупредить всякое его желаніе. «*Velle et bonne*» прозвалъ онъ ее. Въ 1777 г. онъ выдалъ ее замужъ за маркиза де-Виллетъ, своего любимца и горячаго послѣдователя, очень бурно проведеннаго первую молодость, но обѣщавшаго остепениться. Молодые собирались въ Парижъ, гдѣ де-Виллетъ имѣлъ собственный домъ.

Между тѣмъ со вступленіемъ на престолъ Людовика XVI времена настали болѣе либеральныя. Изъ Парижа писали, что Вольтеру нечего опасаться непріятностей со стороны правительства. Г-жа Дени, скучавшая въ Фернеѣ, настаивала на переселеніи въ Парижъ. Вольтеръ долго колебался, но въ началѣ 1778 года рѣшился на непродолжительную поѣздку. Совсѣмъ разстаться со своимъ Фернеемъ и его обитателями онъ не рассчитывалъ. Отъѣздъ былъ назначенъ на 5-е февраля. Племянница и де-Виллеты уѣхали раньше. Жители Фернея со слезами провожали старика, не надѣясь на него возвращеніе. Они не ошиблись, а скоро потомъ имъ пришлось оплакивать и свое, имъ созданное, благосостояніе.

Вольтеръ ѣхалъ со своимъ вѣрнымъ Ваньеромъ, который былъ противъ поѣздки, опасаясь за здоровье старика. Послѣдній былъ очень веселъ, шутилъ и смѣшилъ дорогой своего недовольнаго спутника. На парижской заставѣ, на вопросъ, нѣтъ ли съ ними контрабанды, онъ заявилъ, что нѣтъ никакой, кромѣ его собственной особы.

Вольтеръ остановился въ отелѣ де-Виллетъ. Онъ былъ такъ бодръ, или вѣрнѣе возбужденъ, что, не отдохнувши и часу съ

дороги, отправился пѣшкомъ къ д'Аржанталю. Здѣсь первое полученное имъ извѣстіе было о смерти Лекена. Вольтеръ заплакалъ. Потеря сравнительно молодого друга вызвала въ немъ тяжелое предчувствіе.

Быстро разнесся по Парижу слухъ о пріѣздѣ Вольтера, и многочисленные посѣтители наполнили салонъ Виллетовъ, который уже не пустѣлъ до самаго конца. Вольтеръ всѣхъ принималъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и находилъ для всякаго какую нибудь любезную, часто остроумную фразу, которая тотчасъ-же разносилась по всему городу. Когда онъ выходилъ на улицу, его провожала толпа и не умолкали привѣтственные крики. Матери показывали его дѣтямъ. Оказалось, что самымъ извѣстнымъ изъ его дѣлъ была защита Каласа. О ней знали даже безграмотныя старухи. Вольтеру была пріятна такая извѣстность. Его писательская слава была давно незыблема, но враги продолжали чернить его, какъ человѣка, а защита Каласа была дѣломъ именно человѣка съ горячимъ сердцемъ, способнымъ биться изъ за чужого страданія.

Вся эта слава, безчисленные посѣтители, шумъ и оваціи радовали Вольтера, возбужденіе заглушало чувство усталости. Но докторъ Троншенъ, хорошо изучившій его въ Женевѣ, а теперь встрѣтившійся съ нимъ въ Парижѣ, совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе возвращаться въ Ферней. «Старыхъ деревьевъ—говорилъ онъ—не пересаживаютъ, если не хотятъ, чтобы они засохли». И старое дерево не замедлило почувствовать послѣдствіе пересадки. У него начали пухнуть ноги, затѣмъ открылось кровохарканіе. Докторъ уложилъ его въ постель и запретилъ говорить и принимать посѣтителей, но это запрещеніе часто нарушалось. Г-жа Дени, возненавидѣвшая Троншена за настоятельные совѣты возвратиться въ Ферней, постаралась удалить его отъ больного. На этотъ разъ однако Вольтеръ оправился и 30-го марта побывалъ въ академіи, гдѣ его приняли съ большимъ почетомъ. Но величайшее торжество, настоящій апоѳеозъ, ждалъ его въ театрѣ, куда онъ отправился въ тотъ же вечеръ. Давали «Иренъ», послѣднюю очень слабую трагедію Вольтера, но вся публика смотрѣла только на него и ему аплодировала. На сценѣ вѣнчали его бюстъ, а въ ложѣ его самого—лавровыми вѣнками. «Меня задушатъ подъ цвѣтами», говорилъ Вольтеръ. Когда онъ уходилъ, вся публика, почтительно разступаясь передъ нимъ, стремилась хоть только дотронуться до его одежды и затѣмъ всей массой провожала его до дому.

Ваньеръ между тѣмъ умолялъ его возвратиться въ Ферней. «Если бы онъ уѣхалъ, то навѣрное прожилъ бы еще лѣтъ 10», говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ и обвиняетъ г-жу Дени, сопротивлявшуюся отъѣзду, чуть не въ убійствѣ Вольтера. Но не одна эта старая эгоистка повліяла на рѣшимость Вольтера остаться въ Парижѣ. Этому сильно содѣйствовала также академія, избравшая его своимъ директоромъ на слѣдующую четверть года. Вольтеръ хотѣлъ однако хоть на время съѣздить въ свой Ферней, чтобы устроить тамъ дѣла колоніи. Уже назначенъ былъ день отъѣзда, когда знаменитому писателю передали о намѣреніи короля, какъ только онъ уѣдетъ, послать ему въ догонку запрещеніе когда либо возвращаться въ Парижъ. Тогда онъ рѣшилъ остаться. Въ Ферней былъ отправленъ Ваньеръ за нужными бумагами и вещами. Покончивъ съ мыслями объ отъѣздѣ, Вольтеръ съ жаромъ принялся за исполненіе своихъ обязанностей директора академіи. Онъ предложилъ ей составить словарь по новому плану, который состоялъ въ томъ, чтобы прослѣдить исторію каждаго слова и отмѣтить различныя оттѣнки смысла, которые принимало оно въ различныя вѣка. Эта мысль очевидно давно занимала его, такъ какъ даже въ своемъ «Философскомъ словарѣ», преслѣдовавшемъ совсѣмъ инныя цѣли, онъ отмѣчаетъ для нѣкоторыхъ словъ различныя смыслы, какіе они имѣли прежде. Раздавши академикамъ каждому по буквѣ, онъ взялъ себѣ А и, чтобы поощрить къ труду своихъ лѣнивыхъ сочленовъ, горячо принялся за работу. Возбужденіе скрывало отъ него самого дѣйствительный размѣръ его силъ, но за работой на него стала нападать сонливость, которую онъ прогналъ своимъ обычнымъ средствомъ—большимъ количествомъ кофе. Но на этотъ разъ прогнанный сонъ уже не возвращался болѣе, не смотря на сильную усталость. Противъ бессонницы онъ прибѣгъ къ опиуму и въ нетерпѣннѣ нѣсколько разъ повторялъ приемы, такъ какъ первые не подѣйствовали. Онъ впалъ наконецъ въ полубезсознательное состояніе, изъ котораго очнулся съ страшными болями въ области пузыря. Позванный по настоянію больного Троншенъ нашелъ его безнадежнымъ. Передавая въ письмѣ къ брату тяжелыя впечатлѣнія послѣднихъ свиданій съ Вольтеромъ, Троншенъ говоритъ въ заключеніе, что такой конецъ еще сильнѣе «утвердилъ бы его въ его принципахъ, еслибы эти принципы нуждались въ подкрѣпленіи». На этой фразѣ

знаменитаго доктора основалась въ послѣдствіи легенда о страхѣ чертей и ада, обуявшемъ Вольтера передъ смертью. Но Троншенъ ни слова не говоритъ о страхѣ ада, а лишь о страшномъ нежеланіи больного разставаться съ жизнью. Онъ то высказывалъ ему жгучее раскаяніе въ томъ, что не уѣхалъ по его совѣту, то спрашивалъ Троншена, не можетъ ли онъ спасти его, и толковалъ о словарѣ, надъ которымъ ему надо работать.

Эти жалобы понятны. Вольтеръ такъ любилъ работать и судьба почти до конца сохранила ему во всей силѣ его громадную способность къ труду. Д'Аламберъ, описывая Фридриху II послѣдніе дни Вольтера, тоже говоритъ о сожалѣніяхъ больного о томъ, что не уѣхалъ изъ Парижа, но, по словамъ д'Аламбера, умирающій въ общемъ былъ твердъ и спокоенъ въ тѣ недолгіе промежутки, когда приходилъ въ сознаніе. Въ одинъ изъ такихъ промежутковъ, за 3 дня до смерти, онъ продиктовалъ свое послѣднее письмо къ молодому Лалли, сыну генерала, казненнаго за государственную измѣну, въ которой былъ невиненъ. При помощи Вольтера сынъ добивался и добился наконецъ отмены приговора, и Вольтеръ поздравлялъ его съ этой побѣдой. Онъ умеръ 30-го мая въ 11 часовъ ночи.

Во избѣжаніе отказа въ погребеніи, Вольтеръ еще въ мартѣ, во время первой болѣзни, исповѣдался у одного аббата, который удовольствовался простымъ заявленіемъ больного, что онъ проситъ у Бога прощеніе, если чѣмъ погрѣшилъ противъ церкви. Вольтеръ находилъ, что аббатъ если и не уменъ, то очень добрый человѣкъ, и за нѣсколько дней до смерти опять послалъ за нимъ. Но доброму аббату сильно досталось отъ его начальства за то, что онъ не потребовалъ отъ Вольтера формальнаго признанія главнѣйшихъ догматовъ церкви. Поэтому онъ явился теперь не одинъ, а съ приходскимъ священникомъ, который и началъ допросъ. «Оставьте меня умереть спокойно», отвѣчалъ больной и умеръ, не получивши отпущеніе. На этомъ основаніи парижское духовенство не дозволило хоронить его тѣло. Племянникъ Вольтера, аббатъ Миньо, ночью увезъ своего мертваго дядю, подъ видомъ больного, въ Шампань, въ свое аббатство, и тамъ со всевозможной поспѣшностью похоронилъ его подъ плитою монастырской церкви. Едва окончилась церемонія,—пришло запрещеніе хоронить преступное тѣло, но было уже поздно.

Прошло 13 лѣтъ. Власть духовенства исчезла. Монастырь, гдѣ лежали останки Вольтера, поступалъ въ продажу въ качествѣ національнаго имущества. Объ этомъ заговорили въ Парижѣ, и національное собраніе постановило перенести тѣло великаго борца за свободу мысли въ Парижъ, въ церковь Св. Женевьевы, превращенную въ Пантеонъ великихъ людей Франціи.

На парадной колесницѣ, встрѣчаемой и провожаемой по дорогѣ всѣмъ окрестнымъ населеніемъ, гробъ Вольтера прибылъ въ Парижъ 10 іюля 1791 года. Онъ былъ поставленъ на площади Бастиліи на подножіи, сложенномъ изъ камней бывшей крѣпости, а на другой день со всей пышностью и энтузіазмомъ народнаго торжества перенесенъ въ Пантеонъ.

Прошли еще десятки лѣтъ. Наступила реставрація. Пантеонъ сталъ снова церковью Св. Женевьевы: гробы Вольтера и Руссо были снесены въ подвалъ. Но уже тогда ходили слухи, что эти гробы пусты, что тѣла двухъ великихъ людей были предварительно выброшены въ сорное мѣсто.

Тѣмъ не менѣе въ 1830 году, когда церковь стала снова Пантеономъ, гробы безъ всякаго осмотра ихъ содержанія были поставлены на прежнее мѣсто.

Наконецъ, въ 1864 году, наслѣдники Виллета принесли въ даръ націи сердце Вольтера, хранившееся въ отдѣльномъ сосудѣ. Было рѣшено присоединить это сердце къ тѣлу въ гробницѣ Пантеона, снова ставшаго церковью и зависѣвшимъ отъ парижскаго архіепископа. Когда къ архіепископу Дарбуа обратились за дозволеніемъ, онъ отвѣтилъ, что сперва слѣдуетъ удостовѣриться, есть ли что въ гробницѣ, такъ какъ, насколько ему извѣстно, она давно пуста.

Объясненіе этого таинственнаго исчезновенія мертвыхъ костей находится въ сообщеніи Лакруа, опубликовавшаго слышанный имъ разговоръ Пюиморена о томъ, что произошло одной майской ночью 1814 года. Съ молчаливаго разрѣшенія властей, нѣсколько благочестивыхъ господъ—Пюиморенъ въ ихъ числѣ—вскрыли гроба Вольтера и Руссо, сложили ихъ кости въ одинъ холщевый мѣшокъ, вывезли за городъ и бросили тамъ въ заранѣе приготовленную яму съ негашеной известью.

Родственники умершаго Пюиморена старались набросить тѣнь сомнѣнія на достовѣрность разсказа объ этомъ благочестивомъ поруганіи надъ мертвыми врагами. Но какъ бы тамъ

ни было, а вскрытые гроба Вольтера и Руссо оказались дѣйствительно пустыми, и опустѣли они при *рестаураціи*.

Вольтеръ не внесъ новыхъ идей въ область философской мысли, не сдѣлалъ никакихъ важныхъ научныхъ открытій. На его долю выпала другая—въ тотъ моментъ быть можетъ гораздо важнѣйшая—задача. Онъ перечекалилъ тяжеловѣсные слитки знанія, доступные до тѣхъ поръ лишь записнымъ ученымъ, въ монеты, пригодныя для обращенія среди массы людей различныхъ званій, состояній и національностей. Его несравненный слогъ, ясное до прозрачности изложеніе и неистощимое остроуміе дѣлали всякій предметъ, до котораго онъ касался, доступнымъ и привлекательнымъ всей массѣ способныхъ читать людей, отъ королей до ремесленниковъ, отъ версальскихъ придворныхъ до русскихъ помѣщиковъ, среди когорыхъ еще въ половинѣ XIX вѣка можно было встрѣтить старыхъ «вольтеріанцевъ».

Кромѣ разрушительнаго дѣйствія на всѣ унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ традиціи, главнѣйшимъ результатомъ пропаганды Вольтера для Франціи было, по нашему мнѣнію, распространеніе вѣры въ силу человеческого разсудка,—вѣры, свойственной большинству французскихъ философовъ второй половины XVIII вѣка, но раньше и ярче всего сказавшейся у Вольтера.

